

Пётр Червинский

Зазеркалье

Предметный мир примет и поверий
(Свадебный цикл)



UNIWERSYTET ŚLĄSKI
WYDAWNICTWO

Зазеркалье

**Предметный мир примет и поверий
(Свадебный цикл)**

Пётр Червинский

Зазеркалье

Предметный мир примет и поверий
(Свадебный цикл)

Redaktor serii: Językoznawstwo Słowiańskie
Jolanta Lubocha-Kruglik

Recenzent
Jan Nosowicz

Rada naukowa:

Prof. zw. dr hab. Ewa Komorowska – Uniwersytet Szczeciński
Prof. zw. dr hab. Tadeusz Szczerbowski – Uniwersytet Pedagogiczny
w Krakowie
Dr hab. Katarzyna Dembska, prof. UMK – Uniwersytet Mikołaja Kopernika
w Toruniu
Doc. Dr hab. Zdeňka Nedomová – Uniwersytet w Ostrawie
Doc. Anastasija Urža – Moskiewski Uniwersytet Państwowy
im. M. Łomonosowa

Decyzją autora publikacja ukazała się na prawach maszynopisu gwarantowanego
– teksty nie były poddane redakcji w Wydawnictwie Uniwersytetu Śląskiego.

Решением автора публикация издана на правах гарантированной рукописи
– тексты не были отредактированы в Издательстве Силезского университета.

Оглавление

О дополнителности предметного мира поверий-примет	7
Приметное отношение к действительности	13
О взаимодействующем через 'примечаемое' отношении к реальной действительности	21
О действительности пребывающего в ней бытия	29
О возможности субъектного преобразования реальной действительности	32
О позиционирующем отношении к реальной действительности	37
Зазеркальность всё проникающего всеведения	40
О зеркале в материале примет	48
Поверия и приметы в лингвоконцептологическом восприятии	65
Существование как самодвижущийся процесс	65
О действователях и не действователях на примере примет сватовства	71
Невеста как центральная фигура свадьбы и сватовства	76
Роли участников отображаемого приметами сватовства	81
Сговор как этапная форма возможного проецирования (для невесты)	84
Этап 'после сговора' как продолжение и развитие процесса	89
'Перед венчанием' как подготавливающий этап	94
Невеста перед венчанием	94
Жених и невеста перед венчанием	110
Об участниках в приметах 'перед венчанием'	122
Венчание как этап кульминации	130
Оперативные проявления до момента венчания	130
Проявления, характерные для отдельных моментов венчания	146
Регуляция межличностных отношений во время венчания	156
О семантике парадигматических единиц	164
О знаках заключенного знания в приметах	169
Приметы венчания в отношении к жизни и смерти	173
О семантике выбора как невыбора в материале примет	181
Приметы венчания как перехода к новому экзистенциальному состоянию	185
Момент завершения венчания в его знаковом отношении	193
Возвращение в дом жениха (молодого) как этап испытания и перехода	196
Свадебный поезд в отношении приметной семантики	207

Обобщающая в этапах картина обряда	223
Свадебный цикл для невесты	235
Парадигматика жениха в обряде	237
Литература и примечания	239
Streszczenie	249
Summary	251

О дополнительности предметного мира поверий-примет

Окружающий нас предметный мир, воспринимаясь, опосредуется, как известно, у каждого комплексом представлений, внутренне выражаемых формами определенных значений и впечатлений. Для воспринимающего и взаимодействующего с миром сознания важным, поскольку осознаваемым, оказывается не то, что действительно есть, а то, чем и как это то, что есть, получается, знаком и смыслом чего себя впечатляет. Об этом, начиная с В. фон Гумбольдта и затем Э. Сепира и Б. Уорфа, написано очень много, по-разному к затрагиваемой проблематике относясь¹. Не хотелось бы в этой, да и не только в этой, связи углублять эту тему, стремясь в разрешении задаваемой задачи не столько к теоретизированию, хотя без него все же не обойтись, сколько к представлению и описанию самого материала. К такому его представлению и описанию, видится необходимым добавить, которое в меру возможностей, с одной своей стороны, отражало бы и передавало его природу, а с другой, но уже не вполне своей только стороны, соотносилось бы с тем, что действует внутренне как согласованная с ним, с материалом, если не непосредственно также с ним совпадающая, парадигма сознания. Это второе, связанное с парадигмой сознания, также имеет представленность в литературе предмета², углубляться в которую, впрочем, опять-таки бы не хотелось, видя в этом несколько отстоящую от предлагаемой задачу.

Не входя в полемические и ознакомительные аспекты затрагиваемых теоретических вопросов, предваряя анализ и то описание, о котором шла речь, кое-что, видимо, следовало бы уточнить. Прежде всего это касалось бы тех положений, которые связаны с тем, что вынесено в заглавие, хотя, и это также видится необходимым отметить, предварительное их объяснение может, с одной стороны, показаться не в полной мере понятным, а с другой, в конечном итоге, и несколько отходить от того, что себя обнаружит впоследствии, после анализа и описания материала, равно как и в ходе его. Однако, как бы там ни было, а уточнение необходимо, прежде всего, потому, что и сама предметная область, выбранная для анализа

и описания, равно как и взгляд на нее, но и не только нее, а, возможно, и шире, подобного предварения требуют.

Начнем с основного, того, что собой представляет и за чем и стоит, собственно, сам материал. Речь о повериях и приметах. При том, что более или менее принятый рядом исследователей в последнее время взгляд на то и другое как на явления не совпадающие³ по своему существу, с чем трудно было бы не согласиться, с учетом приводимой авторами аргументации, для принципов и характера, вида задуманного нами анализа подобное разграничение не видится актуальным. Следует это не столько из понимания предмета, сколько из подхода к нему. Для нас это будет, в целостности своей, такая область сознания, в которой себя отражает (было бы не вполне разумно и основательно говорить, используя форму прошедшего времени *отразил*, и здесь также следует обратиться к литературе предмета⁴) не то, чтобы способ, что само по себе несомненно, но не в этом дело и не об этом речь, сколько форма, возможно все же и скорее всего, дополнительного существования⁵, с немаловажным акцентом на его дополнительность.

И снова видится необходимым многое уточнять, прежде чем более или менее ясно представить, что стоит, в отношении избираемого предмета, за понятиями 'зазеркалье', а вместе с этим 'предметный мир'. *Вместе с этим* в разбираемом отношении не случайно. Не потому, однако, что речь идет о предметном мире каким-то образом понимаемого зазеркалья. То и другое следует понимать, с одной стороны, в своей отдельности, а с другой, также и во взаимной связи, но связи особого рода. Такой, которая предполагает первоначально отдельным понятием и представлением 'зазеркалье', а вслед за этим 'предметный мир', который, в своих особенностях и своем составе (нельзя сказать, чтобы виде, хотя отчасти также и в нем), воспринимается отражением, однако не перевернутым, не симметрично обратным, как было бы при отражении и в отражении зеркалом, тому предметному миру, в котором мы все находимся и живем, будь то во времени прошлого или же настоящего, а также и предполагаемого будущего, ближайшего и отдаленного, но осознаваемо значимого для акцентирующего то, другое и третье сознания субъекта (субъектов). Воспринимается отражением, и отсюда связь с 'зазеркальем', как способом представления, но отражением дополнительным, по своей природе и своему существу. Отражением не какой-то там дополнительности и не чего-то там дополнительного, а дополнительным, но в том понимании, которое следует объяснить.

Попробуем это сделать, исходя из примера, поскольку наглядное представление может дать больше и быть очевиднее, чем пространственные, но отвлеченные рассуждения. Прежде чем обратиться, однако, к примеру, к его представлению в разбираемой связи, хотелось бы выделить, подчеркнуть,

те понятия, ради которых указанное обращение к примеру и предпринимается. Таковыми будут для нас положения, помимо 'предметного мира' и 'зазеркалья', о дополнителности отражения (предметности мира в его отношении к тому, чем является понимаемое соответствующим образом 'зазеркалье'), о форме того дополнительного существования, по природе своей и существу, которое отображает себя в материале (примет и поверий), определяемом и понимаемом как не то, чтобы особая и не то, чтобы специфическая, а скорее своя (однако при этом не собственная), сфера и область сознания, точнее какая-то его парадигма. И это также будет объектом дальнейшего уточнения – поверия и приметы как область сознания в своей для себя парадигме. Равно как и то, что в заглавии было дано в завершающих скобках: Свадебный цикл, или Свадьба, в ее позиции, которая будет следовать в виде Свадьба – Рождение – Смерть (об этом втором и третьем намечается собственное исследование).

Почему в таком порядке, от свадьбы через рождение к смерти? Как понимать, применительно к материалу и избранному к нему подходу то, другое и третье, в чем состоит переходно-цепочечная их последовательность и связь? А также, какое стоит за всем этим отображающее в своем представлении впечатление цикла жизни?

Однако начнем рассмотрение не с них, с тем чтобы впоследствии к ним перейти, а с чего-то, по существу своему (а может, только по виду), отстраненно другого, избрав его, не намеренно и не специально, однако и не случайно, а если случайно, то не вполне, по чутью, для примера задуманного в указанных проявлениях уточнения. Выбор поэтому может представиться неожиданным, однако в этом виделся свой не намеренный, но и не скрытый смысл. Пример мог бы быть всяким другим, и я бы здесь не настаивал на приоритетности выбора, ни на большей его подхожести по сравнению с прочими, ни уж тем более единственности. Дело было не в этом, а в том, чтобы взять нечто по виду своему отдаленное, но по какой-то чувствуемой глубоко сущности, согласуемо созвучное последующему затем к описанию материалу, с тем чтобы найти в нем, отдаленном и близко созвучном, попробовав более или менее наглядно представить и описать, то, что, если и не объединяет, однако может быть выражено, но не посредством поверий-примет, а в концептуальном ключе, близко связанном с характерной для них, концептуальной опять-таки, парадигмой.

Хотя для такого начала не о парадигме и не о концептуальности, следуя точности, стоило бы говорить, а о чувствовании или чутье. Не потому, что автор выбранных для предпринимаемого далее описания строк, если не мыслил, то чувствовал так же и то же, что так называемый приметоноситель (определение подобного рода встречается в литературе предмета), т.е. тот, которому, если не полностью свойственно, то и не чуждо, "приметное" отношение к действительности, о чем еще предстоит говорить,

– но потому, что чувствовал, а если не чувствовал, то в своем тексте передавал, интересующее нас "зазеркальное дополнение" воспринимаемой и отображаемой действительности. Не примерно такое же, но каким-то образом соотносимое с тем дополнением, а с этим и формой дополнительного существования, о которых была и еще будет в дальнейшем речь.

Касаясь затронутого вопроса о характере представления и отражения видимого (назовем это так) в его отношении к невидимому⁶, которое в данном месте будем воспринимать широко, не столько в отношении общепринято определяемого как потустороннее и нечеловеческое (хотя, скорее, внечеловеческое), сколько как то, что стоит, а может, и не стоит, но может там находиться, в сознании и голове написавшего текст, традиционно характеризуемый как художественный, – касаясь такого вопроса, мы неизбежно подходим к тому, что, опять же традиционно, принято объяснять особенностями художественного мышления, художественного отображения и художественного восприятия. Однако не будем входить также и в эту область, имеющую как обширную литературу⁷, так и, скорее и неизбежно, хотя не исключительно, теоретизирующий и спекулятивный характер. Сконцентрируемся в этой связи единственно на анализе, с тем чтобы на его основе и вследствие его показать то, о чем говорилось и что будет предметом всего последующего.

Выбран был для такого анализа текст известного в свое время романса, впрочем, не только в свое, *Я ехала домой, душа была полна...* (музыка и слова Марии Пуаре, 1901). На его месте мог бы быть с меньшим успехом также и другой текст, но это, с одной стороны, и неважно, с учетом задачи, всякий выбор, в общем-то, был бы хорош, а с другой своей стороны, предлагаемый для задуманного анализа текст показался как соответствующим, так и с позиции все той же стоящей задачи вполне подходящим, по крайней мере, в двух существенных для нас отношениях. Во-первых, как не перегруженный, а потому не избыточный во внешних своих отражениях и деталях и в этом смысле емкий и обобщенный. И во-вторых, эмотивно и скрыто заряженный, внутренне обращенный к тому невидимому, а точнее, к той сфере его, которую виделось важным затронуть.

Первая строчка – *Я ехала домой, душа была полна* – и с ней тут же, но после некоего ожидаемо заряженного перехода, вторая, в исполнениях нередко без паузы, – *Неясным для самой, каким-то новым счастьем.*

Остановимся в этом месте для необходимого также и далее пояснения. С одной стороны, себя проявляющая во внешнем, но не случайная традиционно, а потому эмотивно и коннотативно заряженная ситуация, связываемая с представлением 'ехать домой'. С другой, но не только индивидуально и внутренне связанное с ней состояние, передаваемое словами *душа была полна*, с мало что поясняющим и при этом намеренным

расширением в *Неясным для самой* (что само по себе знаменательно и не случайно), *каким-то новым счастьем*.

Положение, при котором некто едет домой, в русской народной, а с этим художественной традиции (традиций других национальных культур не затрагивая) связывается с особенным чувством – волнующего ожидания, радости, а может, и наоборот, от встречи с родными, близкими, домом, местами, тем, что знакомо и изменилось, а может, и нет, и ежели изменилось, то как и насколько. С добавлением к этому также того, как пройдет и пройдет ли вообще ожидаемая с близкими, если таковые имеются, встреча. Иными словами, это особое сентиментальное, а возможно также, и ностальгическое душевное состояние, контекстуально зависимое от многих его уточняющих и характеризующих обстоятельств. Ехать домой вместе с тем, при любых обстоятельствах, означает экзистенциальный возврат, обращение, связываемое обычно с прохождением и завершением какого-то круга. Что-то вне дома было, имея место, ради чего отправление, выезд из дома, его оставление за собой, совершалось, в своем течении и проявлении, и вот теперь, этот круг очерчен, даже если не завершен.

Обращенность эта с возвратом к дому предполагает (что важно для разбираемого) особый характер душевной, эмоциональной, с одной стороны, закрытости, точнее было бы говорить, может быть, временной, в зависимости от обстоятельств, отключенности, – от того, что оставлено сзади и за собой, куда отъезжали из дому и откуда едут теперь домой, с чем могут быть связаны некие переживания. И, возможно, последовательно, постепенно себя проявляющей, нарастающей открытостью (если не сразу открытости), с приближением к дому, с нередко неопределенной или не до конца определенной валентностью. Термин *валентность* здесь не случаен, поскольку предопределяет допускающую выбор возможность дальнейшего согласуемого или не согласуемого сочетания, себя реализующего при встрече с родными и домом.

Тем самым, в итоге, 'ехать домой' означает, применительно к тому, о чем в данном месте, а с этим и далее, речь, эмотивно сопровождаемое (а может, скорее, эмотивно реализуемое, поскольку переживаемое) состояние экзистенциально преобразуемого перехода от некоего, также эмотивно и экзистенциально реализованного, момента в прошлом (позиция того места и времени, куда отъезжали из дому) к такому же эмотивно и экзистенциально себя воплощаемому в ожидаемом скором будущем дома.

Переходность данного состояния, сама по себе очевидная и объяснений не требующая, в разбираемом тексте себя воплощает, проявляясь в словах *душа была полна*, с одной своей стороны, *Неясным для самой*, с другой стороны, но не законченной, а потому и переходящей в еще одну эмотивно отмеченную – *каким-то новым счастьем*.

Всё в этом фрагменте текста неопределенно и не обозначено. Полнота души отмечает особенность эмоционально насыщенного, самодостаточно-го, не требующего поиска, разрешения и каких-то необходимостей положения. Полнота эта связана, прямо и непосредственно, с переживаемым, в душе пребывающим, ее насыщающим счастьем, но что́ это за счастье, кроме того, что новое, остается необъяснимым.

Однако, с учетом задуманного анализа, не это будет нас интересовать, и потому не на это следует обратить внимание, а на то, что, с одной стороны, *Я ехала домой*, отмечает растянутую в пространственно-временном и эмоционально-душевном своем отношении границу, или названный ранее переход от одного экзистенциального положения к другому. От одного, здесь важным видится пояснить, известного в обстоятельствах, но неизвестного в эмотивной характеристике положения (с *каким-то новым счастьем*), откуда едут домой, к другому, неизвестному или не слишком известному, но при этом, в контексте переживаемого, неважному, в обстоятельствах и эмотивной характеристике предполагаемо-ожидаемому экзистенциальному положению в доме.

В то же самое время, с еще одной своей стороны, предполагая указанную границу и переход, необходимо отметить также границу, хотя не вполне переход, между сопровождаемым переживаниями внешним (поездка домой) и выраженным, но не представленным, поскольку данным одним лишь намеком, внутренним, тем, что *душа* и в душе.

Обратимся, однако, к этому выраженному, но, отчасти намеренно, не прорисованному в своих проявлениях внутреннему, в его отношении, что стоит добавить, к тому, что вне. Данное внутреннее себя отмечает в семантических признаках 'полноты' (для *души*), 'неясности' (для *самой*, но это, отчасти, само собой разумеется), не столько усиливаемой, сколько переходящей и поясняемой словом *каким-то* при следующем признаке 'новизны' в отношении счастья. Это последнее, счастье, при том, что можно было бы воспринимать доминирующим, в контексте оказывается приглушенным и мало существенным, поскольку общее состояние, в отношении души, определяется как неясное и какое-то новое, вроде бы при его полноте.

Полнота неясности нового позитивно расширенного и вроде бы приподнимающего эмотивного состояния нейтрализуется внешним – тем, что, с одной стороны, это поездка домой, а потому в начале ее, с оставлением места, где были вне дома, может восприниматься как не экзистенциально и эмоционально завершенная, так же как и в конце, с возвращением к дому. Равно как и внешним, с другой стороны, отмеченным строчками продолжения: *Казалось мне самой, что все с таким участием, С такую ласкою глядели на меня. И здесь снова имеется столкновение, с выражением, представлением внутреннего во внешнем и наоборот. Казалось мне*

самой, т.е. снова неясность, неточность с субъективностью впечатления и восприятия. Так ли это действительно или не так? Что, по сути своей, а потому и в действительности, не столько действительности проживаемой, сколько переживаемой (отличие внешне мало существенное, но определяющее то, о чем здесь и далее будет речь), оказывается ведущим и оформляющим.

И далее, вроде бы внешнее, поскольку, пусть и *казалось*, и *мне самой*, но все же *все*, и *глядели на меня*, что обнаруживается при внешнем (повидимому) наблюдении этих всех или, по крайней мере, при ощущении на себе от них, поскольку, возможно, что только *казалось*, будто бы смотрят. По крайней мере, это не исключено. При том, что и ощущение подобное не случайно, когда кажется, будто все смотрят, обозначая и отмечая особый характер переживаемого состояния, не завершенного, впечатлительного, испытывающего и ищущего, поддержки, опоры, успокоения. Иными словами, как ранее уже отмечалось, состояния переходно-открытого.

Однако, и опять же *казалось*, не просто *глядели*, но *с таким участием* и *С такою ласкою*. Бессмысленным был бы вопрос – а с каким и с какою? *Таким* и *такою* здесь отмечают испытываемую на себе высокую степень сопереживания и, возможно, при этом сочувствия. С одной стороны, человек не один, его окружают ему сопереживающие, принимающие в нем соучастие и сочувствующие ему поэтому люди, что передается в их взглядах. Так, по крайней мере, ему это кажется, и это важнее, чем реально-действительное положение вещей, для него самого и всего остального. И в то же время, с другой стороны, эти люди ему сочувствуют и сопереживают, а потому состояние испытываемой вроде бы полноты души от нового счастья, и без того размытого признаками неясности и неопределенности в слове *какой-то*, оказывается, если не эфемерным и не сомнительным по своему существу, то, по крайней мере, непрочным и обратимым. Обратимым в весьма вероятную противоположность свою.

Приметное отношение к действительности

Вернемся, однако, к тому, ради чего был предпринят анализ представленных строк. К тому, что, лишь отчасти и не во всей своей полноте, можно было бы недостаточно точно и пока что не определенно передавать выражением приметное отношение к действительности. А также к тому, что было охарактеризовано еще одним выражением – *зазеркальное дополнение* (воспринимаемой и отображаемой, в разбираемом случае не в приметах, действительности). И, наконец, к тому, что

было бы формой дополнительного существования, на примере, пока еще, выбранных для предлагаемого рассмотрения тех же строк.

Словом *приметное*, с одной стороны, можно было бы, и в этом нет никакой неестественности, отмечать выделяемое наблюдаемое внешнее как несущее внутренний смысл, его в себе содержащее, воспринимаемое и, в каких-то случаях, знаково (как правило, не намеренно* передаваемое. Следовало бы это из простой производной связи: *примета* от *примечать*⁸. Иными словами, приметное – это то, что видят и замечают, а видя и замечая, делают соответствующий вывод (выводы) из замеченного для себя, соответствующим семантическим образом видимое и замеченное объясняя и дополнительно, следовательно, как целостность, интерпретируя.

И в то же время, с другой стороны, как более важное и существенное для анализируемого предмета и стоящей при этом задачи, *приметное* следует понимать как такое, которое предполагает наличие, существование воспринимаемой связи, определяемой нередко как связь причины и следствия, между чем-то одним, но при этом внешним, и чем-то другим, также внешним, имеющим отношение к будущему, тому, что произойдет или способно произойти, равно как и к настоящему, обычно прямо и непосредственно не наблюдаемому⁹.

Связь эта может быть также и между всё тем же видимым, воспринимаемым, внешним и чем-то внутренним, не обязательно себя выражающим и воплощающем вне. Наличие данной связи при этом поддерживается для сознания тем, что невидимо, но что неизменно присутствует как регулятор взаимодействия имеющих место себя проявить положений вещей. Чем является таковой регулятор, что составляет его природу и суть, не всегда, для того же сознания, может быть важно, важным необходимо считать его неизменно наличие, предполагаясь по виду как основание некоей действующей и себя проявляющей силы, воспринимаемой, если не единственным, то предпочтительным и определяющим образом как явление нечеловеческое.

Не будем в данном месте входить в философские, религиозные и мифологические проекции и рассуждения относительно интерпретации сознанием, тем либо иным каким-либо типом его, характера восприятия

* Случаи намеренно предполагаемой намеренности при передачи знаков, в том числе также символических, с опорой на традиционное знание и практики, следует видеть, в первую очередь, в обрядовых и ритуальных действиях, что к приметам не будет иметь отношения. Если, что видится необходимым добавить, передаваемые как приметные знаки, не производятся чем-то и кем-то потусторонним и/или нечеловеческим (умершими предками, мифологическими персонажами, божествами и пр.). Однако дано ли это было намеренно или явилось случайно, адресату, как правило, не всегда допустимо установить, при том, что передача подобного рода, скорее, не будет приметой, но или знаменем, или явлением, или же объявлением, скажем, во сне.

и объяснения указанной силы, в целом общеизвестные и довольно понятные. Не в этом состояла задача. С одной стороны, важно было отметить наличие силы, не уточняя ее природы, а с другой, применительно к разбираемому материалу примет, сила эта никак себя для того же сознания и не выражает. Отмечается лишь самоё наличие связи между чем-то одним, наблюдаемым, видимым, воспринимаемым, и чем-то другим, еще или вообще, по природе своей, не воспринимаемым и не видимым, будь то внешним либо же внутренним.

В итоге, по виду, применительно к материалу примет и поверий, происходящее в мире, в действительности, либо производимое кем-либо, не всегда намеренно, а если намеренно, то не всегда направленно в полагаемый воспринимающим результат, – будучи внешним по отношению к наблюдателю, становится для него носителем смысла (по принципу знака), который имеет, может иметь для него, как свой внешний вид, характер и опять-таки смысл, в реальной, им проживаемой действительности, так и внутренний, в действительности его проживания и переживания. То и другое способно и сочетаться, и расходиться по виду и существу. Проживаемое, положение, состояние, сопровождается переживанием (состоянием эмотива, души), равно как и переживаемое, внутренне и душевно, находит свое выражение в проживаемом. И вместе с тем, другое какое-то внешнее положение, состояние не обязательно, в своей значимости, что следует подчеркнуть, будет иметь результатом и следствием, либо сопровождением, эмотивную составляющую. Так может быть, но и так может не быть. Равно как и наоборот, душевные переживания и состояния не обязательно будут и могут иметь выражение во внешнем.

Однако не это было бы определяющим в отношении того, что названо было "*приметным с другой стороны*", а то, что реализует и допускает для воспринимающего и интерпретирующего, объясняющего соответствующим образом, сознания, знаково себя полагающую для того же сознания связь между тем, что внешнее *A* и внешнее-внутреннее либо только внешнее или только внутреннее *B*. Связь не видимую, не рациональную, не реальную, возможно потустороннюю, часто не мотивируемую и не объяснимую. По принципу «так есть, так положено быть, потому что мир так устроен». Эта связь и составляет, собственно говоря, то, что можно определять как свойство 'приметного' для сознания не только с другой, а с ведущей, определяющей своей стороны.

Говоря об этой названной связи, неуловимой, неухватимой и не выражаемой в очевидных словах, поскольку, как правило, иррациональной (об интуиции здесь, однако, не приходится говорить, скорее о побуждающем импульсе, хотя точнее было бы, импульсиве, однако оставим на время этот вопрос), – говоря о подобной связи, обратимся для избранной для ее представления наглядности к тексту цитировавшегося романа.

Итак, есть некое внешнее (отнесемся в разбираемом случае к тексту романа как к тому, что, передаваясь, отображаясь им, происходит в реальной действительности). Этим внешним, на основании четырех процитированных строк, выступают два связываемых, но при этом не внешне, ситуативных по своему характеру положений. Первое передается словами *Я ехала домой*, второе, соответственно, *все ... глядели на меня*. Опустим на время существенное для понимания текста, но не исключительно внешнее, то, что *казалось мне* и что *глядели с участием и ласкою*.

Позиционные представления о поездке домой, традиционно-культурные, но также и психологические, ранее были рассмотрены, равно как и психологические и одновременно с этим общекультурные, об ощущении, связываемом с положением быть в центре внимания всех, при котором все окружающие смотрят, глядят на тебя. К этому важно, однако, добавить, что положение это не связывается с неприязненным чувством избыточной любознательности, любопытства и возможного неодобрения со стороны этих всех. Напротив, речь идет об их сочувствии, об эмпатии и соучастии. Не менее важным было бы также и то, что эти *все*, о которых речь, *глядели на меня* не все сразу одновременно, что было бы трудно переносить, а скорее всего (представляя себе ситуацию), поочередно, по мере не столько движения в ходе езды, сколько меняющегося внимания к *Я*, бросая в ее сторону поминутные взоры. И при этом, что также видится важным добавить, не *все* как таковые вообще, находящиеся, бывшие, проходящие и сидящие, а *все* те, кто *глядели*. Иными словами, всякий из них, кто глядел, и кто бы из них ни глядел, глядел *с таким участием и с такою ласкою*. Из чего получалось бы выборочно-обобщенное, а точнее обобщающее, представление ситуации с позиции внутреннего восприятия и ощущения описывающего и находящегося в ней лица.

Таковым предстает изображаемое в тексте романа внешнее. Что касается, также изображаемого в этом же тексте, внутреннего, то оно может быть интерпретировано в двух отношениях. Как состояние души, которая *была полна Неясным для самой, каким-то новым счастьем*, с изображаемым внешним никак по виду и смыслу не связанным, поскольку, если и не возникшим, то пробужденным, вызванным чем-то, имевшим место до этого и перед этим, другим. Будучи вызвано бывшим ранее, точнее было бы говорить, заложено, имплицировано, в ситуации происходящей поездки оно себя ощутимо, настойчиво, выпукло проявило, очевидно и ясно, как переживание, переживаемое состояние, прочувствовалось. Поскольку, в отрыве и взвешенности происходящей к дому езды, с промежуточным отхождением от бывшего в прошлом и не оформленным приближением к ожидаемому в доме будущему (не всегда, по крайней мере в деталях, известному) человек находится в том состоянии, все той же души, которое

предполагает обращенность к внутреннему в себе, в открытой, а часто и обостренной форме.

Вторым проявлением внутреннего, отображенного в тексте романа, было бы переживаемое в изображаемый момент ощущение, передаваемое словом *казалось*. *Казалось*, и здесь наблюдается, если и не прямая в смысле реальная, то субъективно воспринимаемая, связь, предполагающая для я объяснение внешнего, – *казалось* то, что *все глядели на меня*. И к этому, в этом субъективно воспринимаемом внешнем, в том, что *глядели*, себя проявляет *их* эмотивное внутреннее – то, что *глядели с таким участием и с такою ласкою*, которое, неизбежно, интерпретируется как таковое в этом ключе все тем же внутренним я, с его позиции и восприятия, поскольку *Казалось мне самой*.

В итоге можно увидеть действие пяти составляющих:

1. Внешнего, бывшего, происшедшего ранее, каких-то событий и положений, связей и отношений, легших в основу *нового счастья*, переживаемого в изображаемый момент (без дополнительных сопровождений того, что *душа была* этим счастьем *полна*, что *Неясным для самой* и что *каким-то*, поскольку это исключительно субъективные маркеры переживания в данный момент, а потому и не бывшее в прошлом внешнее).

2. Внешнего изображаемого в тексте романа момента, ситуативное, настоящего времени, передаваемое словами *Я ехала домой* (опуская все сказанное о промежуточности сопровождающего его состояния с отрывом от прошлого и неопределенностью будущего).

3. Внутреннего переживаемой полноты души в ощущении *нового счастья*, с его вместе с тем для субъекта, неясностью, неопределенностью и неоформленностью (*Неясным для самой* и *каким-то*), при указанной новизне, которую можно интерпретировать в двух, а точнее трех, не обязательно связанных, а потому и открытых к прочувствуемому предположению, отношениях – а) как то, что такого переживания и подобного счастья до этого, т.е. до внешнего, переданного в 1, не случилось; б) как то, что случившееся (переданное в 1) открывает какие-то новые, что возможно, но вовсе не обязательно, в своих положениях перспективы и в), одновременно, поскольку отчасти как следствие из предыдущего (а и б), как то, что это новое счастье, его новизна, не исключено, что лишь кажущиеся, мимолетные, иллюзорные, если и не способные обратиться в нечто противоположное, то, как всякое новое, а потому неизвестное в отношении будущего, неясно, неопределенно, неуловимо и химерично.

4. Внутреннего ощущаемого состояния того, что *казалось* – глядения всеми, с интерпретацией его, этого их глядения, как сочувствующей приязни, близкой к любви (*с таким участием и с такою ласкою*), с обращением этого внутреннего к *их* внутреннему, сочувствующему, ощущаемому ими в себе, сопереживанию. Это последнее, сочувствующее по

отношению к я сопереживание с их стороны, можно было бы выделить как нечто отдельное в самостоятельный пункт, если бы не снимающее такую возможность как однозначную и очевидную словом *казалось*, с его подчеркнутостью в *мне самой*.

5. Внешнего наблюдаемого и соответствующим образом (в пункте 4) интерпретируемого субъектом проявления тех, кто ее окружает. То, что *казалось мне самой*, скорее, следует относить, исходя из акцентов, возможных для восприятия текста, к тому, что, в первую очередь, *с таким участием, с такою ласкою*, и во вторую, что *все*, но не к тому, что *глядели (на меня)*. Видимо, всё же глядели, пусть и не все, и пусть не с указанным проявлением чувств.

Из выделенного по пунктам складывается Внешнее прежнего событийного положения Я (1) – Внешнее изображаемого ситуативного положения Я (2) – Внутреннее переживаемого Я состояния полноты души и неопределенности нового счастья (3) – Внутреннее ощущаемого Я состояния, связываемого с тем, что *казалось глядели*, все те и каждый из тех, кто глядел (4) – Внешнее наблюдаемого Я по отношению к себе проявления со стороны окружающих, заключающегося в их визуально себя выражаемом внимании с их стороны (5).

Отношения между указанными и выделенными по пунктам проекциями разного внешнего, равно как и не единого внутреннего, можно было бы передать таким образом, при котором 1 порождает и служит возможности переживания и проявления 3, которое с этим 1 соотносится (если не прямо и непосредственно, то импульсивно и коннотативно); 2, соответственно, служит возможности усиления 3, а также реализации 5, которое побуждает, служит причиной способности проявления для 4, а то, в свою очередь, соотносится с 3, с которым имеет координативный по своему характеру вид отношения: состояние переживаемого счастья (3), с одной стороны, если не порождает, то связывается с замечаемым в себе (что следует подчеркнуть) ощущением 'казалось глядели' (4) и в то же время то, что 'казалось глядели' и главное, как, *с таким участием и такою лаской* (4), дополняет и, коррелируя, развивает, может, не столько испытываемую в (3) полноту души, сколько неясность для самой какого-то нового счастья.

Передать это можно было бы схематически в следующем виде: Внешнее 1 > Внутреннее 3(1) < Внешнее 2 > Внешнее 5 > Внутреннее 4 > Внутреннее 3(4). Из чего получалось бы, что в изображаемом центре находится Внешнее 2 (*Я ехала домой*), от которого не симметрично лучами расходятся связываемые между собой в обе стороны Внешнее 1 (события пережитого прошлого) и Внутреннее 3 (полнота души новым счастьем с его неясностью и неоформленностью), с одной стороны, и Внешнее 5 (то, что глядели), побуждающее Внутреннее 4 (казалось, глядели), замкнуто обращенное к Внутреннему 3 (с неясностью и неоформленностью

переживаемой новизны), с другой стороны. И если в центре изображаемого находится Внешнее 2 (поездка домой), то в обращающем вокруг себя и включающем, эмоционально и эмотивно, в себя все остальное оказывается Внутреннее 3 (полнота души и нового непонятного и какого-то счастья). Из чего, в свою очередь, получалось бы, что между этими центрами притяжения – *внешнего* (2) и *внутреннего* (3) проявляет себя регулирующий все остальное смысл и ведущий мотив отражаемого.

Одновременно с этим можно бы говорить и о том, что параллельно себя проявляют не менее важные отношения внешнего / внутреннего, которые можно выразить в виде $1 > 3 < 5$, что означало бы то, что Внешнее прежнего событийного состояния (1), порождает (ранее породило), а тем самым, мотивирует и имплицитно влечет ведущее, основное в изображении, Внутреннее переживаемой полноты души в ощущении нового счастья (3), которое уточняется и проясняется, становится представимым и восприимчивым в соответствующем ключе через воздействующее на него в своем значении Внешнее наблюдаемого в интерпретируемом со стороны Я проявлении к нему окружающих (5).

Поясим это, отвлекаясь от схемы и ее отражающих цифр. Некие, известные только субъекту и не называемые события и положения прошлого (до предпринятой им, как можно предположить, поездки домой, в романсе представленной с первой строки ее открывающих слов) послужили основой того, что в производимой в изображаемое как настоящее время поездке субъект в себе ощущает и переживает (полнота души и неясность какого-то нового счастья). Из этого следует то отношение между Внешним 1 и Внутренним 3, которое можно интерпретировать как причинно-следственное порождение и вместе с тем мотивацию (импликацию).

Одновременно с этим и с другой стороны, то, что происходит во время поездки, сопровождая ее во внешнем (бросаемые или посылаемые, обращенные взгляды попутчиков и окружающих), содержит в себе субъективно воспринимаемое и интерпретируемое представление Я о том, что все смотрят (все, кто смотрит) на нее с участием и ласкою, усиливаемыми словами *таким* и *такою*. И это служит тем уточнением и тем пояснением внутреннего ее состояния в данный момент в полноте души неясным и новым каким-то счастьем, которые позволяют судить не то, чтобы о его сомнительности, этого нового счастья, сколько о его неуверенности, неосновательности и, по-видимому, также и преходящести. Душа полна новым счастьем, которое как *неясное* и *какое-то*, вместе с тем и скорее всего, субъективно и не вполне обосновано, во всяком случае может стать, в каком-то не слишком далеком будущем, причиной разочарования и обманутых ожиданий. Из этого следует, что то чувство неясности и неоформленности, которое переживает субъект в ощущении нового счастья, находит свое подтверждение и выражение не в себе, но

во взглядах всех окружающих. Отсюда интерпретация и восприятие этих взглядов в ключе сочувствия ей и ее состоянию: Внешнее 5 переносит на себя, уточняя и проясняя семантику во Внутреннем 3.

Тем самым, в итоге, центральное и основное в отображении внутреннее (3) оказывается помещено между внешним прошлого (1) и также внешним, но настоящего (5), разным по своему виду, характеру проявления и существу. К этому необходимо добавить еще одно внешнее (2), поездки домой, действующее и проявляющее себя вроде бы фоном, но вместе с тем также импульсом и усиливающим, обостряющим, дающим возможность прочувствованного переживания отображенного внутреннего (3), в его полноте и одновременно неясности и неопределенности, – своего рода подвешенность состояния с необретением (либо исходным отсутствием) твердой, уверенной почвы. Выразить смысл и характер этих трех, подключаемых к переживаемому состоянию проявлений внешнего можно следующим образом:

1 – имплицитное внешнее прошлого, событий и положений того, что послужило причиной переживания (3), в тексте романа не отраженное, событийное и позиционное по своему характеру (произошедших в прошлом событий с позициями предполагаемых участников в них);

2 – объективное внешнее настоящего, осуществляемой, имеющей место в отображаемой действительности, последовательно разворачиваемой далее в тексте романа, ситуации происходящего (поездки домой), – ситуативное внешнее изображаемого;

5 – субъективно интерпретируемое внешнее, представляемое в своем воздействующем на субъекта характере как наблюдаемо кажущееся (*казалось мне*, с тем, что казалось).

Аналогичным образом, говоря о различающихся видах внутреннего, то, что было ранее обозначено как его проявление в 2, и то, что в 4, можно было бы характеризовать, для 2 – как внутрь, в себя обращенное, вызванное предварительным внешним, но замкнутое в настоящий момент, интровертное, заключенное на себе и в себе, в полноте и одновременной неясности, эмотивное, переживаемое состояние (*переживание*). Для 4 – как обращенное, с одной стороны, от себя вовне, а с другой, от вне и извне к себе и внутрь себя, *ощущение*, понимаемое и предполагаемое как кажущееся. Ощущение себя, своего эмотивного положения, в окружении, среди тех, кто находится рядом, перед глазами, в общем пространстве и времени, а потому среди них. И это было бы экстравертно направленное и вместе с тем интровертно затем обращенное внутреннее (поскольку в себя) представляемого, кажущегося, субъективно воспринимаемого в себе ощущения. Субъективное ощущение (4), в отличие от субъектного переживания (2).

О взаимодействующем через 'примечаемое' отношении к реальной действительности

Возвращаясь к мысли о необходимости объяснения на приведенном примере (без обращения пока еще к материалу примет) – того, что было названо *приметным отношением к действительности с его зазеркальным характером дополнения* применительно к ней и к этому *формой* (в приметах, но не только в приметах) *дополнительного*, или, если точнее, то *дополнительности существования* не только отображенного в них (говоря о приметах), но и соответствующим образом переживаемого и проживаемого вследствие их, – возвращаясь к необходимости объяснения этих трех крайне важных для нас понятий, покажем все это, оттолкнувшись от соответствующего рассмотрения того же романа.

Итак, *приметное*, понимаемое в двух (а точнее, в трех) проявлениях – как такое воспринимающее отношение к действительности, которое, в первую очередь и прежде всего, выделяет в ней, видит, обращает свое внимание на одно (*примечает*), опуская другое, пренебрегая им, не придавая ему значения. Отслеживающее, выделяющее и выявляющее это по своему характеру *примечание*, во вторую очередь, имеет, однако, не любознательный и не познавательный смысл в отношении наблюдаемой действительности, но принципиально иной, увиденное, воспринятое в ней интерпретирующий для себя и применительно к себе развивающий. Отношение это предполагает со стороны воспринимаемой внешней реальной действительности воздействующий, от нее исходящий, характер на жизнь, обстоятельства существования, положения, переживания субъекта, и это дается ему в ему посылаемых либо не посылаемых ею, но им соответствующим образом понимаемых и интерпретируемых, формах и видах происходящего внешнего. Посылаемое либо не посылаемое, не всегда это может быть важно, воспринимается это внешнее субъектом как знак, т.е. нечто такое, в разбираемом ключе, что не случайно, с одной стороны, и служит предупреждением, имеет свое значение для него, с другой.

Еще одна, третья по своему существу, позиция и значение для *приметного* также предполагает воспринимающее, со стороны субъекта (субъектов в их концептуально объединяющей совокупности), отношение к все той же действительности и в тех же ею ему (или им) посылаемых либо не посылаемых, но так понимаемых знаках, и отношение в этом виде своем не воздействующее, а взаимодействующее. Посылаемый либо не посылаемый знак, как то, что в действительности происходит и вроде бы наблюдается в ней, может, с одной стороны, в действительности, в крайнем случае своем, и не происходить, а потому и приписываться как происходящее в ней, с другой, иметь иной вид и характер, интерпретируясь

и, тем самым, воздействуя на нее, в субъективном ключе. Характер такого с ней интерпретирующего взаимодействия имел бы не осознаваемый субъектом и импульсивный позыв, а потому и не преобразующий ее самоё, по крайней мере на таковое преобразование в ней не направленный, хотя, и тут важное следствие в уточнение дальнейшего, ее дополняющий и развивающий. Не намеренно и не направленно, но подобное отношение к действительности, по существу изменяющее и расширяющее ее, имеет, если не следствием и достигаемым результатом, то скрытым мотивом что-то в ответ от нее получить, с ее стороны, на нечто свое, для себя и в себе, воздействовать, в желательном, что достаточно очевидно, ключе. И это было бы не только и не единственно взаимодействующее и дополняющее, расширяющее, отношение к действительности, но отношение, субъективно в нее входящее, в известном смысле также вторгающееся, и себя модально (оптативно) отображающее в ней.

Характер этот, уже не только интерпретирующего, но и направленно преобразующего воздействия на действительность может иметь также вид стремления в ней что-то намеренно и в свою пользу, либо в пользу кого-то другого, равно как ему во вред, изменить, предполагая при этом, что естественно и само собой разумеется, ответное действие, точнее воздействие, с ее стороны.

Поскольку то и другое, будь то намеренно и сознательно ориентированное воздействие на действительность, будь то только желательно и импульсивно, предполагает преобразующее по своему характеру отношение к ней, под *приметным*, в этом третьем своем проявлении, следует понимать такой *примечающий* в ней проектив, который приписывает (играя словами, *примётывает*) ей способность как изменяться, так и поддаться в себе изменению, в угоду субъекту, ему на пользу либо ему же, равно как и кому-то другому, во вред. Тем самым, это было бы не только взаимообратное и взаимодействующее отношение к действительности, но и такое, которое предполагает ее восприятие как также субъекта и способного, действуя, реагировать существа.

Исходя из сказанного и опять возвращаясь к рассмотренному фрагменту романа, то, что *Я ехала домой*, как внешнее выпадает из представляемого круга. Нет в этом знаков означенной перед этим приметности. Данное внешнее необходимо рассматривать как содержащий в себе, заключающий, но также и предполагающий все остальное форму-сосуд, дающий возможность ему (всему остальному) проявляться и существовать.

Знаковым следовало бы считать, а потому и *приметным*, в первом и во втором своем смысле, однако не в третьем, поскольку нет стремления к изменению этого внешнего, дается лишь субъективно воспринимаемая констатация его, – таким знаковым следовало бы считать внешнее, обозначенное как *5*, а именно то, что все *с таким участием, С такую ласкою*

глядели на меня. Со стороны этого внешнего на субъекта себя направляет воздействующее и вместе с тем взаимодействующее с ним отношение. Между этим внешним и переживаемым внутренним (2), тем самым, имеется координативная связь. И здесь же следует отмечать дополнительность отношения к изображаемому во внешнем 'глядению всех' (о чем, впрочем, уже говорилось), которому приписывается кажущиеся субъективно 'такое участие' и 'такая ласка' с их стороны.

Говоря о приметности на примере того же романса, имеет смысл обратиться к тому, что отображено в нем в последующем, с рассмотрением этого в избранном для объяснения трех указанных ранее понятий ключе. Два следующих за первым четверостишия передают восприятие исключительно внешнего, того, а точнее в той его части, которая относится не к окружающим в смысле попутчиков с их взглядами, а к природе*:

Я ехала домой... Двурогая луна
Смотрела в окна скучного вагона.
Далекий благовест заутреннего звона
Пел в воздухе, дрожащий, как нежная струна.

Раскинув надо мной свой розовый вуаль,
Красавица-заря лениво просыпалась,
И ласточка, стремясь куда-то вдаль,
В прозрачно-чистом воздухе купалась.

Поскольку не пейзажные обстоятельства и связанные с ними художественные параллели и характеристики нас будут интересовать, но лишь признаки внешнего, способные, с одной стороны, представить его проявляемый для разбираемого текста вид, а с другой, вероятный характер взаимодействия с внутренним, себя объявившим в том, что было передано как состояние души (3) и ощущение взглядов сочувствия на себе (4), – попытаемся это внешнее под данным углом рассмотреть.

Повторяется первая строчка (художественную роль повторения опускаем), как внутренне мотивированное возвращение к происходящему, к поездке, точнее к езде, ибо в данном месте уже не так важно второе *домой*. В силу его известности из предыдущего, равно как того, что представлено далее. *Я*, как оказывается из смысла второй строки, находится в поезде, а первоначальное восприятие *Двурогой луны*, которое может не знакомого с текстом романса слушателя во всей его полноте, а потому воспринимающего исполняемое в последовательности, подвести к пред-

* В данном месте цитируется один из существующих вариантов анализируемого текста, которых, как это нередко бывает с романсами, может быть несколько, различия между которыми для нашей задачи будут неважны.

ставлению о том, что происходящее имеет свое отношение к ночи, уточняет себя в положении к раннему утру.

Интересным для нашей задачи, опять опуская художественную нагруженность, точнее пренебрегая ею и переводя в разбираемую плоскость того, что будет иметь отношение к интерпретации зазеркалья, – интересным и показательным видится то, что *Двурогая луна смотрела в окна (вагона)*, а не то, что (если представить себе все это реально) сидящая перед окном героиня видела в нем, а точнее, смотря в окно, через него, луну, пусть будет двурогую, хотя в этом случае такая луна называется *месяц*. Или, что также возможно и не исключено, но тогда трудно себе представить луну как двурогую и вряд ли такое возможно, пусть даже и ранним утром, но не о реальности восприятия мира в разбираемом случае речь, поэтому и здесь отвлечемся, – двурогая луна виднелась в окнах едущего вагона, как бы заглядывая внутрь через них.

Сказанное будет первым пунктом дальнейшего отнесения применительно к разбираемой характеристике внешнего. Вторым таким пунктом видится то, что можно было бы определять как субъективно приписываемые внешнему признаки. Есть внешнее за пределом вагона (о нем еще будет речь) и есть внешнее в пределах вагона, внутри его, о котором не сообщается ничего, кроме того, что вагон этот *скучный*. С одной стороны, можно было бы говорить, о монотонности, однообразии, статичности и рутинной стабильности ничего не меняющегося и не происходящего в нем, все молча (по-видимому) сидят и уныло едут. Впрочем, не это себя проявляет для текста, не будучи также и исключено, а то, что ‘скучность’ вагона, и это будет с другой и при этом определяющей стороны, представляет собой транспозицию, вынесение ощущения *Я* в отношении окружения, связываемого с ездой и поездкой домой (однообразная езда всегда утомляет), в непосредственное для себя окружение внешнего. Находясь при этом в вагоне, *Я* в нем замкнуто, неподвижно и неспособно к активному проявлению, что естественно и очевидно в условиях производимой езды. И это ее несвободное и при этом вынужденное положение соотносится, с одной стороны, с ощущением ею в себе самой, по поводу неясности и неоформленности переживаемого состояния, равно как и, с другой стороны, с ощущением монотонности непосредственно ее окружающего.

Субъективное восприятие и с этим интерпретация внешнего себя проявляют и далее. И если *Далекий благовест заутреннего звона* следует видеть как отображаемый объективно, то в представлении о том, что *Пел [он, благовест] в воздухе, дрожащий, как нежная струна* уже нет. В этом фрагменте не точность, впрочем, собственно говоря, и не субъективность приписываемому проявлению благовеста нас будет интересовать, но то, что выделяется, замечается, примечается именно слышимый благовест

издалека (что само по себе не случайно), а не что-то другое, то, что *пел* этот благовест *в воздухе* и был при этом *дрожжащий*, с добавлением (не во всех вариантах встречаемых), метонимическим по своему существу, однако не это важно, как *нежная струна*, в котором может быть важно то, что струна эта *нежная*.

Итак, имеется внешнее непосредственного окружения, нахождения и пребывания в нем, своего рода внутреннее внешнее. Это скучный вагон. Имеется внешнее за пределом вагона (скучного внутреннего внешнего) – *луна*, которая и *двурогая*, и *смотрела в окна* (воздействующий, любопытствующий своего рода, контакт внешнего, находящегося за пределами, с внешним внутренним вагоном в его пределах), и то, что *в воздухе* (звук благовеста), и то, что далеко, а потому, хотя слышно, невидимо (*благовест заутреннего звона*). И то, что, далее по тексту, но к тому же – в небе, наверху, как двурогая луна, *красавица-заря*, которая *лениво просыпалась*, *Раскинув надо мной свой розовый вуаль* (важно, и что *розовый*, и что *вуаль*, и что *раскинув надо мной* – сомнительная легкая прозрачно-призрачная защитность розового как иллюзорного, а потому неверного; имеется желание, но нет уверенности, верности и силы). И кроме того, что в небе наверху, также и снова *в воздухе*, на сей раз *прозрачно-чистом*, в котором *ласточка купалась, стремясь куда-то вдаль*. Важно и то, что *вдаль*, и что *стремясь*, и что *куда-то*.

Внешнее за пределами внутреннего пребывания и нахождения *Я* в вагоне и в себе, наблюдаемое и воспринимаемое, из сказанного предстает в трех таких проекциях: ‘в небе наверху’, ‘в воздухе’, ‘вдали и далеко и (как направление) вдаль’. В этом наблюдаемом и воспринимаемом внешнем выделяются, а потому предстают *приметными*, объекты. Такие, как *луна* в ее двурогости, и потому, как знак, двузначности и, следовательно, амбивалентности, по отношению к положению и состоянию *Я*, себя проявляющей в отстраненной праздности смотрения (не заглядывания) в окна скучного вагона. Такие, как *далекий благовест заутреннего звона* – *дрожжащий, нежный* (‘в воздухе’), охваченный волнением (в дрожании), переживающий и обращенный в своей сочувствующей нежности к переживаемому состоянию *Я*. Как *красавица-заря* (для ‘неба наверху’), которая *лениво просыпалась* и в этой лени не проспавшегося пробуждения, еще не вставания, хоть и *раскинув надо мной*, но все же и *розовый*, и лишь *вуаль*. И, наконец, как *ласточка*, которая *стремясь куда-то вдаль, в прозрачно-чистом воздухе купалась* (опять для положения ‘в воздухе’).

Разбираемое внешнее за пределами, контрастируя с внешним пребывания внутри, в аспекте ‘в небе наверху’ предстает как отстраненное, ленивое, не заинтересованное, неверное и иллюзорное. В аспекте ‘в воздухе’, прежде всего, как ‘вдали и вдаль’, что можно в связи с этим и объединить: ‘в воздухе’ – это, прежде всего, ‘вдали и вдаль’, а следовательно,

поскольку далеко, то видимо и слышимо, но не доступно и недостижаемо. Пусть и в стремлении (но лишь для *ласточки-души* и лишь *куда-то*, а потому неизвестно и неопределенно), и в воздухе *прозрачно-чистом*, в котором та же ласточка, стремясь куда-то вдаль, *купалась*. Ср. в приметах: *чтоб душечка* (умершего) *омылась*, для чего ставят воду на окно. Мотив умирания, но не смерти, по-видимому, в этом месте не случаен.

Все сказанное в отношении внешнего на примере двух четверостиший разбираемого романа потребовалось для того, чтобы показать, во-первых, признаки такого отношения к действительности, которое в дальнейшем будем представлять в понятии *приметное* (пренебрегая, исходя из цели, художественными обстоятельствами анализируемого текста как для него ведущими и определяющими). Во-вторых, и в том же самом отношении, но с уточнением его, как такое приметное отношение к действительности, которое возможно интерпретировать и понимать в аспекте *зазеркальности* имеющегося, развивающегося, *дополнения* отображаемой действительности. И в-третьих, обращаясь через все это к субъекту, для него и в существующем, создаваемом, воспроизводимом им, отображении в повериях и приметах, но не только в них (скажем, как в тексте разбираемого романа, если опять же пренебречь его художественностью) – как *форму* его, т.е. субъекта, *дополнительного* по отношению к действительности *существования*, которая находит свое выражение и отражение в приметах и повериях (и не только в них).

Под приметностью как признаком изображаемого и воспринимаемого, как отмечалось ранее, следовало бы понимать а) примечающую, выделяющую, из всего и на его фоне, избираемость тех либо иных объектов (*луна*, *звон благовеста*, *заря* и *ласточка* в романсе), с не замечающим пренебрежением другими, при б) их воздействующем и в) взаимодействующем отношении с субъектом (амбивалентно отстраненное, подчеркивающее скуку, проявление луны, сочувствующе-нежное для благовеста, и не случайно *благовеста*, как ‘благая весть’, лениво бесполезное и иллюзорное в пробуждении зари и самодостаточное, но при этом устремляемое куда-то вдаль купание ласточки, как порыв душевный, но в его отходе, оставлении, переходе где-то и куда-то на тот свет). В том, что дано для пояснения в скобках следует видеть равным образом отношение как воздействующее, со стороны примечаемого объекта на субъекта, так и, в обращенной, обратно направленной расположенности, отношение взаимодействующее, со стороны субъекта на объект, с перенесением, вынесением (транспозиционностью) во внешнее того, что представляет состояние внутреннее. Приметное отношение к действительности, о котором речь, во всем этом и будет заключаться.

Зазеркальность дополнения действительности, соответственно, состояла бы (во внешне наблюдаемых признаках) в приписывании ей, при пере-

даче, отражении, не зеркальных, т.е. симметричных, а зазеркальных черт, "потусторонних" по отношению к ней и ей как таковой не свойственных. *Зазеркальных* означало бы в этом случае не симметричных, иных, не релевантных либо не вполне, не полностью релевантных ей, при этом не всегда обратных и не обязательно, вместе с тем также и искажающих. Иных и дополнительных (не дополняющих), что было бы точнее, по отношению к ней. Дополнительность, которая проявляет себя в представлении о ней, о действительности, как о чем-то другом, смещенном, не обязательно как о том, чем она по своей сути не есть, хотя отчасти и это, а в положении к ней, так бы было точнее, не то, чтобы к себе приспособленном, но к себе обращенном, к себе ориентированном и собой своего рода проникнутом. Иными словами, это было бы, с точки зрения субъекта (субъектов), тем, что можно было бы определить позиционным отношением к ней и таковым ее восприятием.

На примере того же романа, опуская то кажущееся, которое, исходя из субъектно переживаемого ощущения, намеренно и не случайно (но для романа, в его художественном отношении к реальности) приписывает всем тем, кто глядели, признак, не обязательно бывший, себя объявляющий в том, что глядели *с таким участием* и *с такою ласкою*, хотя именно это могло бы иметься в виду применительно к принципу зазеркального как иного и дополнительного восприятия действительности, – опуская данный признак, поскольку это действительность человеческих проявлений и чувств, можно было бы взять из того же романа другие примеры для иллюстрации. Если воспринимать их не как художественные, опять же, приемы, а как способ позиционного отношения к действительности, то и 'смотрение' двурогой луны в окна вагона (то, что *скучный*, к данному положению не подходит, это не зазеркальность, а перенесение своего ощущения вовне), и 'пение' в воздухе далекого благовеста (но не дрожащего, как нежная струна, это не зазеркальность), и розовый вуаль, 'раскинутый' красавицей-зарей, и то, что 'просыпалась', и 'купание' ласточки в прозрачно-чистом воздухе, – то (но только для данного случая), что принято объяснять как персонификацию, метафорическую* в своей основе, можно видеть как признаки зазеркальности дополнительного восприятия и отражения**. Не это важно, поскольку на то же самое можно взглянуть и с другой, еще одной, стороны, как на способ того отношения к действительности, не намеренный и не сознательный, по крайней мере, не обязательно таковой, который, являясь позиционным по своему

* Не случайно *метафорическую*: от греч. *μεταφορά* 'перенесение', *μετά-* 'над' + *φορός* 'несущий'.

** В данном месте не будем вдаваться в детали разграничения мифологического и поэтического восприятия действительности и, соответственно, того и другого мировоззрения, о чем писалось и говорилось неоднократно, начиная с А.А. Потебни.

существо, т.е. предполагающим взгляд и для себя характерную точку зрения, приписывает действительности признаки и проявления, для нее, как действительности, не характерные. Данное положение следует понимать широко, не в одном только метафорическом и персонифицирующем ключе, но также и в других, ей не свойственных поворотах, о чем пойдет речь основательнее при рассмотрении материала примет и поверий.

Все это, если исходить не из внешне наблюдаемых признаков, хотя на них и опираясь при анализе и объяснении, а из мировоззренческого по своей природе существа, можно и следовало бы понимать как форму дополнительного по отношению к действительности наблюдаемого, воспринимаемого и внешнего, т.е. реальной действительности, существования в ней. Именно и в первую очередь, существования, что ярко и очевидно себя проявляет на материале примет и поверий (не случайно здесь слово *поверий*). Будучи формой такого существования в действительности, соответствующим образом ориентированной и направленной к ней, в значении и с позиции убеждения, веры, что так именно есть, хотя более точным, впрочем не исключающим веру и убеждение, было бы определение, связываемое со 'своим представлением в ней' (субъекта, субъектов, для себя самого, для себя самих), – будучи таковой, форма эта предполагает мировоззренчески обусловленный для субъекта (субъектов ментальной традиции) экзистенциальностный поворот. Такое в реальной действительности существование, которое не только с ее стороны на себя, но, в первую очередь, от себя на нее видит в ней 'зазеркальность иного' (по отношению к ней), не отдавая в этом себе отчет, в том, что это некая 'инность' и 'зазеркальность', но именно так понимая и воспринимая предмет, по существу, тем самым, в своем бытии, пространстве и времени существования, себя, в таком своем о ней представлении, дополняя к ней. Можно было бы интерпретировать это как образ действительности в общем сознании и у всех в голове, однако для разбираемого материала примет и поверий важно и сущностно не то, что это образ, отображенный в сознании и с этим ментальности, не комплекс имеющихся в этой связи представлений, а способ, точнее форма, действительного для себя, а потому и единственного, существования в мире, который так устроен и таков есть.

Применительно к разбираемому тексту романа, если взглянуть на то, что представлено и показано в нем с соответствующей стороны, форму дополнительного по отношению к реальной действительности существования можно было бы видеть в укрытом, но себя пробивающем, дающем себя ощутить, контрасте (но только для данного случая, как пример, в нем себя обнаруживший) между замкнутостью своего нахождения в скучном вагоне (опуская перенесение своего переживания вовне), понимая и воспринимая это, видя, как 'существование' для себя, и свободой, открытостью

верха и далей, того, что в небе и в воздухе. Переводя этот контраст в представление о форме дополнительного по отношению к действительности существования, следовало бы говорить о такой его форме, в себе, для себя, с переносом в действительность, которая предполагает неизбежность для себя закрытых в своей ограниченности пространств, с привязанностью к данному месту и данному времени, при одновременном существовании, наличии чего-то другого, открыто свободного, но лишь наблюдаемого, из клетки своей, как далекое и слишком высокое, а поэтому недостижимое. "Я так живу", такова форма моего существования в этой действительности (дополнительного, здесь надо добавить, по отношению к ней), "мы все так живем", такова действительность, если говорить о позиции, позиционном отношении к ней, а по существу пребыванию в ней, так устроен мир, идя далее, он таков (но нельзя говорить "для меня", оставаясь в пределах мысли о существовании), что замкнутость ограниченно связанного моего пребывания здесь и сейчас имеет вверху и вдали совершенно другую жизнь, воздушную, легкую, не ограниченную, открыто свободную, купающуюся в прозрачной пронзительности и чистоте, но недостижимую и для меня закрытую. Это и есть тот мировоззренческий принцип подхода к действительности, который не утверждает, но чувствует так и так себя обнаруживает в форме существования, не осознаваемо, что важно, поскольку нет иного воззрения и иного способа ощущения своего бытия.

О действительности пребывающего в ней бытия

Сказанное, следует еще раз подчеркнуть, имеет свое отношение не к романсу, который был взят для примера намеренно не художественного объяснения используемых в нем выразительных средств, а к мировоззренческому принципу, подходу и взгляду, не для него (или не для него только) типичного и себя проявляющего, но через него способного быть объясненным. Так же как, и это была бы еще одна сторона немаловажного для последующего анализа уточнения, представленный на примере романса принцип контрастного сосуществования с другим как форма дополнительного существования в действительности не был бы единственным и исключительным. При этом не следует говорить, что таких принципов много и что они могут быть разные. По крайней мере, данное положение не подходило бы к материалу примет и поверий, мировоззренческий принцип в которых, объясняющий форму определенного нами как дополнительное существования в действительности, в общем и целом един, проявляя себя в своих видах и формах в дальнейшем, о чем еще будет речь.

Завершая анализ романса, что бы стоило сделать, для того чтобы проследить отраженное в нем до конца, рассмотрим под тем же углом

отношения внутреннего и внешнего с выведением того, что для них в их взаимности характерно, обратившись к последнему, заключающему всё перед этим сказанное, четверостишию:

Я ехала домой, я думала о вас,
Тревожно мысль моя и путалась, и рвалась.
Дремота сладкая моих коснулась глаз.
О, если б никогда я вновь не просыпалась...

Не находим мы в нем, по представленным проявлениям и признакам, того, что можно было бы прямо и непосредственно отнести к отражению внешнего, помимо третий раз повторенного (2) *Я ехала домой* и разве что *о вас*, понимая это как субъективно передаваемое отнесение к прошлому (1), каузивовавшему состояние переживаемой (а может быть, только пережитой в самом начале) полноты души новым счастьем. Все остальное отображает в признаках себя проявляющее в своем развитии состояние первоначальное, усиливаясь представлением о тревожности мысли (*о вас*), ее путаности и нестабильности. В охватившей сладкой дремоте – дремоте не без пребывания в монотонном движении поезда (воздействие внешнего (2) на охватившее *Я* состояние внутреннего), и сладкой к тому же дремоте от мысли *о вас*, обращенной, тем самым, к событиям прошлого (1), выходим мы вместе со слушателем и исполнителем к тому положению, при котором действительность сна, воображаемая, внушаемая себе, только кажущаяся, но это не важно, оказывается лучшей и более предпочтительной той реальной действительности в ее проекции к настоящему-будущему, которая сформирована, в экзистенциальном и чувственном своем существе, бывшим в прошлом. Можно было бы говорить для *Я*, но, оставаясь в пределах принципа формы существования, мы этого не будем делать.

И это был бы еще один, в том числе и мировоззренческий, дополнительно зазеркальный по своему естеству, поворот, при котором имеется, возникает действительность еще одного пребывающего в ней бытия. Понимаемая как действительность сна. Являя собой и представляя контраст для реальной, с ее предчувствующим ожиданием того, что произойдет, а также и вместе с тем видимой, в контрасте в ней пребывания в замкнутой ограниченности с недостижением открытости в воздухе и наверху, воспринимается, видится эта действительность сна как не реальная, но при этом желаемая форма существования. Для данного, что необходимо добавить, положения и места, а с этим и понимания, в тексте романа отображенного.

Из чего получалось бы важное уточнение для того, о чем говорилось ранее. Если отвлечься от взгляда на сновидения и отражаемую ими действительность как на не реальный по сути своей объект и нереальную

форму существования, посмотрев на это с иной стороны* – как на еще одну форму реального существования**, то можно было бы говорить о способности, если и не регулируемого и не всегда желаемого, как в тексте романа, то вполне при этом действительного пребывания там. Из чего могут и будут следовать свои положения для реальной и параллельной, тем самым, действительности и своей формы существования в ней. Зазеркальность и дополнительность, как неизбежные признаки, тогда касались бы не только действительности сновидений, что само собой разумелось бы, но и, с переходом и переносом от нее, с позиционным, не обязательно контрастирующим, однако инностным, к той действительности, которую называют реальной, они, эти признаки, касались бы вместе с тем и ее.

В тексте романа действительность сновидения, сна предстает как форма в нее погружения с пробуждением и обратным последующим выходом, неизбежным, если не сопровождаемым смертью. Форма, которая служит подчеркиваемому объяснению реальной действительности как рвущей и ограничивающей, не дающей возможности сладко-дремотного, самодостаточно успокоенного и бестревожного существования в ней. Как форма (для сновидения и сна), в которую можно и стоит войти, но с осознанием, мыслью, что лишь на какое-то время, для отдохновения и переключения, не ухода, понимая и видя при этом изначально закладываемую необходимость, выходя, вернуться. К той действительности, которая не мимолетна, не сиюминутна, не кажущаяся (по крайней мере, исходно), которая, вбирая, включая в себя, себе подчиняя и подавляя, во всех своих проявлениях, не желаемых, но при этом реальных, твоего пробуждения-выхода неизменно и неотступно и постоянно ждет. Это свойственно ей как действительности твоего в ней существования и твоего бытия. Из чего получалось бы, для нее и в отношении ее, окруженно-пропитанное и одновременно с этим пропитываемое собой пребывание, постоянного

* Что типично для целого ряда традиций, определяемых не только как мифологические, впрочем, здесь не об этом речь.

** В качестве классического и наиболее яркого примера традиционно приводятся мифологические представления австралийских аборигенов (в частности, устанавливающий и восстанавливающий связь с универсумом ритуал Время сна), для которых действительность сновиденческая является первичной, вневременной и постоянной (своего рода вечный и созидающий абсолют). Сюда же можно отнести и философию Платона, в которой видимое здесь есть лишь тень действительного существующего, и мировоззренческие построения, находящих свое начало в Индии, для которых мир этот, видимый есть лишь иллюзия, кажущееся и не настоящее. Так же как и идея холономного, или голографического, конструирования мира и действительности проживания для человека. В последнее время много пишется и говорится о подобном понимании и подходе, не будем, однако, углубляться в этот мировоззренческий предмет, лишь попутно отмечая данную возможность применительно к разбираемому явлению и материалу.

и неизменного нахождения в ней (со всеми болями ее и печальями, но также и вероятной радостью с мимолетностью счастья) – как форма существования человека во внешнем, в том, что и составляет внешнее для него.

О возможности субъектного преобразования реальной действительности

Говоря о том, что было названо зазеркальным как дополнительным отражением реальной действительности (впрочем, не только реальной), можно было бы вспомнить известный по пушкинским строкам мотив, получается, что не смотря в зеркало, а обращения к нему, передаваемого в словах, как к живому, способному слышать и отвечать, существу, со стороны обеспокоенной своей внешностью мачехи. Может, не столько собственной внешностью как таковой, сколько ее восприятием, видимостью и представлением у других. Впрочем, это из текста так прямо не следует. Мотив, если иметь в виду его обращение к человеческому, преисполненный женской зависти зрелого возраста к девичье-юному и прекрасному, что добавляло бы к определению того, что прекрасно, также признак и времени с неуклонностью изменяться и поддаваться ему (компонент минования, позиционной утраты, прежнего состояния и бывших ранее черт).

У Пушкина в его *Сказке о мертвой царевне и семи богатырях* выглядит все это следующим образом. Припомним сюжет в предварение. У царя, в его отсутствие, рождается дочь, царица, по его возвращении из похода, не выдержав восхищенья при виде его, умирает. *Год прошел как сон пустой, Царь женился на другой.* Та другая всем была хороша, кроме нрава и горделиво-ревнивого отношения к людям, и только с зеркальцем, полученным ею в приданое, она обращалась весело и добродушно. Однако дело не в том: *Свойство зеркальце имело: Говорить оно умело.* Обращаясь к нему время от времени, как можно предположить, она, по сюжету сказки, повторяла одни и те же слова, обнаруживающие ее к нему интерес. Приведем их в их текстовом виде:

"Свет мой, зеркальце! скажи,
Да всю правду доложи:
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее?"
И ей зеркальце в ответ:
"Ты, конечно, спору нет;
Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее".

Сразу же после чего, восхищенная, ведет она себя, говоря осторожно, не вполне сообразно своему положению, что может свидетельствовать (забегая вперед и исключая сомнительную для сказки психическую неуравновешенность) о ее отношении к потустороннему нечеловеческому в его непосредственной связи с черной магией и колдовством:

И царица хохотать,
И плечами пожимать,
И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами,
И вертеться подбочась,
Гордо в зеркальце глядясь.

Не вполне адекватный хохот подобного рода, сопровождаемый перечисленными ужимками с пляской, и есть, по традиции, показатель и признак указанного потустороннего нечеловеческого, проявляющего себя, точнее было бы говорить, объявляющего в человеческом виде и образе. Обликом человеческое оказывается нечеловеческим по своему существу, что может иметь и имеет, в традиции, сказках, а к этому также повериях и приметах, и обратный характер – человека в облике и обличье нечеловеческого.

Однако вернемся к тому, о чем в данном месте речь. Эта другая царица у Пушкина, подменная, поскольку царица не по своему существу, не только разговаривает со своим зеркальцем, обращаясь к нему (если по тексту) постоянно с одними и теми же словами, но и глядится в него. Интересует ее при этом, фактически, лишь подтверждение зеркальцем сказанного, типичное для того, что приписывается ведьмам в традиции: самолюбование, с уверенностью их в своей исключительности и непреодолимости. Если же этого нет, ежели возникает или только возможна какая-то конкуренция со стороны человеческого, то действия этого нечеловеческого (в ведьме и через ведьму) направляются на уничтожение, вытеснение, нейтрализацию и обращение (превращение) его, в то, что не сможет, не будет мешать, не создавая угрозы соперничества в том отношении, которое можно сводить к пониманию жизненной силы. И это была бы, тем самым, экзистенциальная составляющая той действительности, о которой как отраженной ведется речь, в ее отношении к человеку и не человеку, прямом и обратном, видимом, наблюдаемом и отображенном, преображенном в сознании и для него, представляемом, превращенном, невидимом.

Идя по порядку, первое, что было бы необходимым отметить, это то, что с помощью зеркальца, при посредстве его, та другая царица, обладая способностью, не свойственной для обычных людей, если не видит, по-

скольку все же не видит, судя по тексту, то знает и ведаёт скрытое. И при этом владеет, точнее овладевает им, при помощи зеркальца, располагает им затем далее, как обобщенным, генерализированным знанием, реальным, практическим знанием целого, – мира как такового, действительности как таковой. Интересует ее, правда, в этом мире и в этой действительности, впрочем (что немаловажно), только одно – имеет ли она в нем и в ней кого-то, кто был бы лучше ее в отношении красоты, соответствующей не только ее, но общим, по традиции принятым, представлениям.

В словах проявляется это в формах сравнительной степени в собственном для нее значении превосходной, проявляемом в конструкциях с местоимением *всех*: *Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее?* и с таким же ответом со стороны зеркальца, вторящим и параллельным: *Ты, конечно, спору нет; Ты, царица, всех милее, Всех румяней и белее.* И это было бы тем, что следовало бы посчитать как второе. Красота, о которой речь, выражаемая с помощью слова *милее*. Для всех окружающих, не в отношении к ним, т.е. *милее* для глаз, для облика, видимости и визуального восприятия. При этом не важно, насколько это соответствовало бы действительности, поскольку это, по существу своему, субъективное восприятие, но крайне важно при этом, что это *милее* – *всех*. Из чего получался бы субъективно воспринимаемый другими, всем окружением, обобщенный признак женской красоты как таковой, поскольку именно о красоте в этом случае речь, без уточнения и дифференциации.

Уточнение и дифференциация появляются тут же и следом, в словах *Всех румяней и белее*. Традиционное представление о женской, в разбираемом случае, красоте, выражаемой (не только применительно к женскому) словами *красна с молоком*, в сочетании красно-румяного с белым, предполагает стоящее за всем этим здоровье, витальную силу, говоря по-другому.

Опустим фольклорные и мифологические, по происхождению и ведущему проявлению, представления о красном и белом, о чем можно долго и обстоятельно говорить и что находит свое отражение в научной литературе¹⁰, выделив главное применительно к разбираемому месту, а в дальнейшем также и к материалу поверий-примет. Интересует эту другую царицу, фактически, субъективно воспринимаемая и также оцениваемая всеми другими красота, внешняя, видимая приглядность ее для глаз (*всех милее*), связываемая прямо и непосредственно с проявлением витальной силы-здоровья, себя обнаруживающей в большей, чем у всех остальных и по сравнению с ними, ее румяности и белизне.

Интерес представляют в пушкинском тексте, в отношении рассматриваемого нами предмета, еще два, а точнее три, таких обстоятельства. Во-первых, то, что, обращаясь к зеркальцу, царица определяет знание, которое она от него хотела бы получить, словом *правда*, и при этом не

просто *правда*, а *вся*: *Свет мой, зеркальце! скажи Да всю правду доложи*. Отвлечемся при этом от неизбежных художественно-поэтических экстраполяций, как это делалось при рассмотрении перед этим романа, посмотрев на явление и то, что представлено и показано с помощью слов с другой стороны. И, во-вторых, а с этим тут же и в-третьих, стоило бы обратить внимание (посмотрев опять же на это с другой стороны) на то, что к зеркальцу она обращается со словами *Свет мой* и тот же *свет* появляется сразу же следом в ее к зеркальцу обращенном вопросе – *Я ль на свете всех милее...*

Вся правда, о которой шла речь, касалась бы (ничто не мешает это предположить) указанного ранее положения о том, что видимое и воспринимаемое зеркальцем и, тем самым, отраженное им либо, что вполне вероятно, скрыто, а потому и в нем не отражено, хотя и известно (зеркальцу) и видимо только ему. Либо, что также возможно и не исключено, может быть, при желании той же царицы (об этом во многих сказках), в каких-то последовательных фрагментах непосредственно им же (зеркальцем) отображаться в наблюдаемых, видимых образах. И при этом отображаемое им представление о мире, о той действительности, которая существует, полное, абсолютное и совершенное. Зеркальце видит и знает *все*, что имеется, видится и существует. Что касается *правды*, то в этом случае, видимо, не стоило бы искать каких-либо дополнений и, примененная по отношению к интересующему царицу знанию, она означала бы явное, не скрываемое и не искаженное отображение действительного положения вещей.

Подтверждается это и во фрагменте, когда через время, после того как царевна подросла и царица, собираясь к той на девичник по поводу ожидаемой свадьбы, опять обращаясь к зеркальцу с тем же вопросом, вдруг в ответ узнает, что *царевна всех милее, Всех румяней и белее*. Выходя из себя и никак не желая *всей правды* в отношении себя в этом случае признавать, царица обвиняет зеркальце во лжи: *Ах ты, мерзкое стекло! Это врешь ты мне на зло*. Зеркальце перестает быть зеркальцем для нее, становясь обычным *мерзким стеклом*, не способным правды-истины отображать, утрачивая в ее представлении такую способность, и то, что было *правдой*, воспринимаясь ею как *правда*, обращается в ложь. Правда, тем самым, являет себя, применительно к данному положению объективных вещей, как понятие, с точки зрения заинтересованного лица, относительное и субъективное – то, что удобно, хотелось бы и желалось бы знать, в модальности, следовательно, не индикатива, а оптатива.

Следуя этой модальности, царица первоначально пытается лишь частично сказанное зеркальцем в отношении царевны признать, объясняя все это дурью с ее стороны и стремлением той с ней, царицей, тягаться. Из чего следует все та же не объективная, а субъективная, направляемая

и управляемая, как воздействующая, сторона отношения к действительности, а потому поддающаяся вмешательству и исправлению. Допуская возможность наличия у той белизны, по достижении той девичьего возраста и, тем самым, расцвета и полноты, а также того, что мать в ожидании появления царевны смотрела на снег (*Мать брюхатая сидела, Да не снег лишь и глядела!*), допуская такую возможность, царица требует подтверждения своей не сравнимой ни с кем красоты: *...как можно ей Быть во всем меня милей? Признавайся: всех я краше. Обойди всё царство наше, Хоть весь мир; мне ровной нет.*

Красота разделяется в признаках. Можно быть белой, белее всех, но не обязательно быть при этом милее всех во всем остальном. И это критерий действительной красоты (*всех я краше*), быть милым в глазах, милым глазу, другим. Из чего прямо следует, поскольку этот признак оставляет она за собой, что ни в 'царстве нашем', ни во 'всем мире', по мысли царицы, побуждаемой желанием, ей 'ровной нет'.

Когда же и во второй раз зеркальце, не поддаваясь напору с ее стороны, отвечает, не уклоняясь, по правде: *А царевна всё ж милее, Всё ж румяней и белее!*, т.е. красива по всем трем основаниям, царица предпринимает активные действия по устранению соперницы. Тем самым, действительность, о которой речь, с одной стороны, может быть познана во всей ее правде, а полученные в отношении этой правды субъективно определяемые в своих признаках знания, с другой стороны и как следствие, можно использовать, при желании, для изменения все той же действительности в интересующем отношении. Тем, кто способен к подобного рода действиям.

На основании сказанного складывалась бы модель такого представления о реальной действительности, которая воспринимается как способная субъектно быть ориентирована, а потому и, в своей модальности, как субъективно окрашенная. Не только в силу возможности абсолютного когнитивного проникновения в нее (своего рода просвечивания) с извлечением "всей правды и истины" в виде получаемого как объективное знание (хотя и в субъектно интересующем отношении), но и в силу возможности, допускающей и предполагающей вмешательство и вторжение, с изменением, акциональным, физическим, в ней какого-то положения вещей и каких-то параметров в угоду и на пользу того, кто вторгается либо от имени кого осуществляется это кем-то другим, подготовленным, знающим и способным к такому воздействию. В формуле это можно представить следующим образом:

$$S(A) > \{[RD > Cogn(RD)] > Act(ConvertRD)\} > S(A)$$

Субъект S , он же адресат A , либо действующий от имени адресата $S(A)$, своим проникающим, просвечивающим проникновением в действительность RD извлекает необходимые знания в отношении ее $Cogn(RD)$, для себя либо для адресата, после чего, имея такую способность, действует по ее изменению $Act(ConvertRD)$ в свою пользу $> S(A)$. В этом случае действенной и показательной предстает эта способность вмешательства.

На примере *Сказки о мертвой царевне*. Царица, с одной стороны, обладает возможностью с помощью зеркала узнать, получения не столько знания, сколько знания полного и абсолютного, когнитивного просвечивания действительности по параметру 'кто милее и краше всех'. И вместе с тем, с другой стороны, на основе этого знания и отталкиваясь от него, начинает действовать, имея такую возможность, в данном случае как царица, отдавая подневольной чернавке необходимые для этого указания. Цель и смысл ее поручения, реализуемого, передаваемого в предполагаемом его осуществлении другому, заключается в том, чтобы в нужном себе направлении действительность изменить, под себя подстроив, "исправить", устранив нежелательное для себя положение в ней, в разбираемом случае – уничтожить соперницу.

Та модель, о которой речь, свойственна, а потому и может быть применена также и в отношении предметного мира примет и поверий, передаваемой ими, отображаемой в ее проявлениях и признаках, интерпретируемой в своей ирреально-реальной модальности, поскольку субъективно воспринимаемой объективной действительности. Точнее было бы говорить, действительности существования тех, для них действительного и реального, кого можно определять как приметносителей, кто поступает и действует (не только слышал, предполагает и знает), сообразуясь с содержащимися в повериях и приметах представлениями, опираясь в своем поведении и в своей проживаемой жизни на них.

О позиционирующем отношении к реальной действительности

Возвращаясь к тексту пушкинской сказки, обратимся к оставленному в обращении к зеркальцу выражению *Свет мой* и далее сразу за этим *Я ль на свете всех милее*, с тем, чтобы, как говорилось, посмотреть, применительно к свету, на то и другое с какой-то еще одной стороны. Дабы не возникло при этом вполне логичное представление о натяжке, хотя точнее было бы говорить, о приписывании, в отношении текста того, чего там, собственно, нет, это заявленное смотрение с еще одной, а вернее, с иной стороны, будем производить, исходя не из пушкинской сказки и, соответственно, текста, а так, как это делалось нами отчасти и ранее при рассмотрении романса, – отталкиваясь от представлений, возможных,

предполагаемых как таковые, которые следуют, складываясь, из какого-то определенного взгляда на мир.

Впрочем, не взгляда, точнее не столько взгляда, сколько себя ощущения в мире, своей не обязательно осознаваемой ориентации в нем, предполагающей собственное, способное быть выведенным, отношение, связываемое с тем, что можно и следует понимать как позицию, позиционность в нем. Позиционность в смысле не одной только помещенности с пребыванием и присутствием, себя, своего, с остальными, на фоне, рядом и в отношении их, хотя это также как неизбежное следствие, позиционность как признак, параметр положения, такого, а не иного какого-то, для мира предметов, явлений, вещей, а также событий, случаев, ситуаций, действий, т.е. всего в этом мире происходящего, как самих по себе, так и в субъектной их ориентированности, к человеку, людям, в том числе и в первую очередь, моим и со мной, моего рода-племени, и меня рядом с ними и вместе с ними.

О таком понимании, точнее восприятии и ощущении, действительности, в повороте, определенном как позиционный, и будет речь, применительно к представлению о *свете*, который, в каком-то контексте и смысле, может быть *мой* и в то же время, в другом каком-то, еще одном, смысле-контексте, *царством*, которое *всё* и *наше* (если дальше по тексту) и *миром*, который *весь*. И то и другое, *всё царство наше* и *весь мир*, получается (также по тексту) можно, они поддаются этому, обойти, чтобы что-то вывести для себя, понять и узнать, с тем чтобы (продолжая возможное представление) получить основание к действию, в свою пользу, ради себя, либо, напротив, недействию, если нет в этом необходимости и какой-то особой нужды.

В этом смысле мир, о котором речь, может быть и субъектен, и субъективен. Субъектен в том понимании, что, не будучи принадлежащим субъекту (хотя и такое возможно, не только в антиутопии), он подвержен, включен в сферу его проявления и действия, в том отношении, что может быть субъектом (субъектами), воздействуя на него, изменен. В ту сторону и в тех параметрах, которые тот (или те) себе к изменению в нем, в свою угоду и пользу, как правило, представляют. Субъективен он в том своем, для того же субъекта (субъектов), позиционном для них, точнее позиционирующем, положении, что он (они) видят в нем что-то одно и не видят, не замечают, не желают видеть чего-то другого, препарировав для сознания, перепланировав и переопределяя его в необходимом, желательном, для него (для них) долженствующем, а тем самым, и вмешивающемся, вторгающемся, нередко насильственно, отношении. Иными словами, модальность индикатива не только переводя, но и делая, переориентируя, претворяя, преобразуя, в модальность своего, для себя, опатива, императива, дебитатива, другого какого-то субъективного положения и значения ирреальной

модальности, воспринимая, что также нередко, это приписываемое реальной действительности значение как ей свойственный индикатив.

В этом указанном смысле, но лишь отчасти, можно как соответствующую характеристику *Свет мой* и понимать. *Свет мой* в том смысле, что я не только живу в нем и действую, но и воспринимаю как выгодный мне, способный быть выгодным в том или ином отношении, поддающимся и приспособляемым мной для меня. Свет, говоря по-другому, мною созданный в моей голове и в таком пересозданном виде перенесенный в действительность окружения. Вместе с этим, переводя это к зеркалу, данное положение можно было бы понимать и как то, что с помощью зеркала, в нем, способном не только отображать, но и отображенное преобразовывать, существует, себя проявляет, живет и действует *свет*, который я понимаю или могу понимать как *мой*, поскольку, опять же в зеркале, через него, при его посредстве и помощи, могу получаемое отображение преобразовывать в желательном для себя отношении.

Одновременно с этим имеется еще одна сторона у того же *света*, который *мой* при посредстве зеркала. В зеркале, а точнее за зеркалом, в чем и состоит, собственно, общепринятый смысл зазеркалья, существует еще один свет, в который можно войти через зеркало и при этом не обязательно в нем увидеть его. Если же понимать такого рода способность как *мне* только свойственную и никому или мало кому другому (сюжет ряда сказок и с ними *Алисы в стране чудес*, во второй ее части, для Зазеркалья), то этот *свет*, в который способность имею входить только я, что как не *мой*, в котором я себя чувствую обособленно исключительным и отделенным от всех остальных?

Переводя все это, но в сжатом, собранном и не осознанном виде в позицию, скажем так, двух миров, двух существующих для сознания представлений о свете, в том же сознании взаимодействующих, так, таким внутренним образом, что один свет способен воздействовать на другой, в нужном смысле и направлении его изменяя, – переводя все это, (отвлекаясь от текста „Сказки о мертвой царевне”) в положение *Свет мой*, с одной стороны, который в зеркальце, через зеркальце и за зеркальцем, с *Я (ль) на свете (всех милее)*, с другой, *Я на свете*, который не столько в зеркальце и не за зеркальцем, но который с помощью зеркальца можно отобразить и увидеть либо узнать о нем *всю его правду*, – переводя все это в подобное положение, можно и следует говорить об указанном позиционирующем отношении к миру. Том отношении, которое предполагает и допускает, по внешнему виду, раздвоенность, но не по концептуальному и психологическому своему существу. Для подобного рода сознания нет представления о двух мирах или светах – том, в котором *Я*, живу, нахожусь, пребываю, и другом, зазеркальном, который *мой* и ничей другой. Позиционирующее положение в мире и свете (для *Я*)

предполагает, то отношение, о котором речь, к нему, к действительности своего реального проживания и пребывания, как к миру и свету, по своему существу *зазеркальному*, с нахождением, воплощением, исполнением в нем не только и даже не столько того, что действительно есть, сколько того, что в нем для того же *Я*, для меня, имеется, может быть нежелательно (либо желательно, в подтверждение собственной ценности как формы существования *Я*) и как таковое, для меня не желательное, способное и должествующее, надлежащее быть преобразовано и переведено в желательное для *Я* состояние.

Все это входило бы в разбираемое представление о зазеркальном как дополнительном, а в этом также и дополняющем, изменяющем, расширяющем, отношении к реальной действительности, которое обнаруживает себя, применительно к интересующему нас материалу поверий-примет, и не только к нему. Том отношении, которое воспринимаемую и видимую, даваемую в ощущениях, действительность именно так понимает. Не в силу вторгающегося желания ее, себе подчинив, изменить, что свойственно в большей мере некоторым мировоззренческим построениям и системам, а по причине такого именно к ней отношения, такого ее восприятия и понимания ее, перенося на нее, переводя и отображая в ней, а тем самым, и без осознания приписывая, то, что свойственно миру внутреннего и субъективного, не внешнего. Из чего бы следовала позиция, предполагающая понимание действительности как свое продолжение, а в ней себя – как ее (продолжение). Не разграничивая, не разделяя того и другого (не для восприятия, а для действия и своего проявления), смешивая, перемешивая и переставляя параметры субъективного и объективного, внутреннего и внешнего, человеческого и нечеловеческого. Что можно представить как мифологический по своему существу синкретизм, однако не историко-философские и не концептуально-мировоззренческие стороны данного положения будут нас интересовать, а то, что находит свое отражение в словах и семантике на материале примет и поверий.

Зазеркальность всё проникающего всеведения

Говоря о словах и семантике на материале исходно мифологических текстов, обращенных к приметной и дополняющей зазеркальности в отношении реальной действительности, имеет смысл обратиться к сюжету, разработанному Пушкиным (и поэтому авторскому) в его *Сказке о мертвой царевне и о семи богатырях*, в фольклорном его отражении. Не для сравнения с поиском расхождений и сходств, а в контексте стоящей задачи, с определениями того, что позволит лучше понять предметный мир, находящий свое отражение в повериях и приметах.

В сборнике братьев Гримм сюжет, о котором речь, „Sneewittchen” (53)*, название и, соответственно, имя самой героини переводимые как *Снегурочка* и *Белоснежка*, в интересующем нас фрагменте с зеркальцем мало чем отличается от представленного у Пушкина. Вторая супруга, *eine andere Gemahlin*, короля, взятая им через год после смерти первой (*eine andere* дополнительно можно воспринимать и в отношении ее этой *другости*), была красивая женщина, *eine schöne Frau*, но гордая и заносчивая (высокомерная), *aber war stolz und übermütig*, и терпеть не могла, чтобы кто-нибудь мог превзойти ее красотой, *und konnte nicht leiden, daß sie an Schönheit von jemand sollte übertroffen werden*.

Было у нее чудесное зеркало, *Sie hatte einen wunderbaren Spiegel*, когда она подходила к нему (становилась перед ним), *wenn sie vor den trat*, и себя там (в нем, внутри) разглядывала, *und sich darin beschaute*, спрашивала, *sprach sie*:

„Spieglein, Spieglein an der Wand,
wer ist die schönste im ganzen Land?”
„Зеркальце, Зеркальце на стене,
кто самый красивый во всей стране?”

В связи с разбираемым предметом значимым видится подчеркнуть то, что, прежде чем задать свой вопрос Зеркальцу, она перед ним становилась (перед ним *вступала, входила*, если буквально, – *vor den trat*) и себя там внутри (*darin*) разглядывала. Понимать это можно, как дополнительное и выводимое представление, в том отношении, что входила она, если не внутрь зеркала (что, впрочем, также не исключено, хотя и не обозначено), то своим отражением и внутрь всматриванием вступала в визуальный контакт с зазеркальем, приобщаясь, тем самым, и к "зазеркальному" знанию, того, что во всей стране (*im ganzen Land*), кто в ней самый красивый (*wer ist die schönste*), поскольку интересовало ее только это. В сказке у братьев Гримм, что также можно отметить не только попутно, зеркало – на стене (*an der Wand*), что создает дополнительную возможность потенциального прохождения за стену – мотив, нередко используемый в сказочных и фантастических фильмах.

Зеркало на ее вопрос отвечало: *Gosпожа королева, Вы самая красивая в стране* (не говорится *во всей*) – *Frau Königin, Ihr seid die schönste im Land*. И подобный ответ королеву удовлетворял, она была им довольна, *Da war sie zufrieden*, потому что (и так следует из текста) она знала, что зеркало сказало правду – *denn sie wußte, daß der Spiegel die Wahrheit sagte*.

* Цит. по изданию: *Brüder Grimm Kinder und Hausmärchen*. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1980, 1997.

Интересно здесь то, что удовлетворение ее от ответа (*zufrieden*) связывается не только и даже не столько с тем, что *Ihr seid die schönste im Land* (*Вы самая красивая в стране*), сколько с тем, что она знала, что зеркало правду сказало – *denn sie wußte, daß der Spiegel die Wahrheit sagte*. Не случайно здесь и то, что знала, *wußte*, и то, что правду (истину), *Wahrheit*, и то, что сказало, *sagte*, а не вообще говорит (было бы *sagt* или *man sagt*). Знала она эту правду, с помощью зеркала и при посредстве его, и не из одного лишь ее, эту правду, подтверждающего ответа.

Не менее интересен также второй ответ зеркала, когда Снегурочке-Белоснежке исполнилось семь лет и стала она красивее самой королевы. На тот же вопрос так ответило зеркало:

„Frau Königin, Ihr seid die schönste hier,
aber Sneewittchen ist tausendmal schöner als Ihr.“

„Госпожа королева, Вы самая красивая здесь,
но Белоснежка в тысячу раз красивее Вас (чем Вы).“

И испугалась тогда королева, *Da erschrak der Königin*, и стала желтой и зеленой от зависти, *und ward gelb und grün vor Neid*.

Обратим внимание, в контексте характеризуемой дополнительной, свойственной для "зазеркалья", на сочетание, внешне парадоксальное, того, что *Вы самая красивая здесь, Ihr seid die schönste hier*, и тут же следом *но Белоснежка в тысячу раз красивее Вас, aber Sneewittchen ist tausendmal schöner als Ihr*. Не случайным видится это *здесь (hier)*, равно как и преувеличенное, но только по внешности, *тысячекратно*, в тысячу раз (*tausendmal*).

Итак, королева – самая красивая здесь. Где это *здесь* и что означает? и где тогда то *не здесь*, в котором Белоснежка красивее тысячекратно, *Sneewittchen ist tausendmal schöner als Ihr?* и отчего, собственно, и чего, собственно, тогда испугалась вдруг королева, став при этом желто-зеленой, желтой и зеленой, если точнее?

Не будем, однако, на эти вопросы, и значимые, и не случайные, отвечать, поскольку это увело бы существенно в сторону, потребовав своего рассмотрения и обращения далее к тексту. Отметим лишь, что из этого следует и с этим связывается та дополнительность, а с нею и расхождение, того, что *здесь*, и того, что *не здесь* условного "зазеркалья", которые, не разбирая и не уточняя, можно сводить к представлению о все том же *приметном* как примечающем, выделяющем и способном вторгаться, с тем, чтобы изменять, предполагающим также свою, настоящую, правду (*Wahrheit*), в которой и для которой привычное и наблюдаемое, воспринимаемое здесь, для того, чтобы понять и представить в его отношении

к этому *здесь*, воплощает и отражает себя (упрощая для общего понимания) тысячекратно, *tausendmal*.

Сюжеты с волшебным зеркальцем находят свое отражение также в *Народных русских сказках* А.Н. Афанасьева (210–211 и 237)*. Рассмотрим их, обратив внимание лишь на те стороны, о которых речь.

В первом повествовании (210) небезынтересным видится градационное представление, казалось бы, на первый взгляд, о красоте. После того как *ў караля жонка ўмерла, і ён ажаніўся з другою, харошчаю, як была першая; але дачка ад першай жонкі за яё харошчая*. Другая жена была лучше первой, но это не исключительно значит, красивее, *харошчая* многое предполагает, впрочем, не будем эту мысль развивать, к тому же фольклорному тексту не свойственную. Была лучше – и все, но дочка той первой, была еще лучше этой другой королевской жены.

Аднаго разу, сообщается тут же за этим, жонка караля падышла да люстра і пытаецца: «Люстро, люстро! Чы харошая я?» – «Ты харошая, але твая пасербіца яццэ харошчая!» – адказала люстро. И далее следом крулева казала лакею весці пасербіцу на спыцыр, там яё забіць і прынесці на тарэццы серца.

В этом сюжете ни слова не говорится о том, что зеркало было волшебное и что принадлежало оно королеве. Перед нами зеркало как таковое, скорее всего, на стене (*падышла*), просто зеркало, можно бы было сказать, что обычное зеркало, но получалось бы, что всякое зеркало – необычное, способное говорить, отвечая на вопрос, но не каждого, а королевы, и тот, который интересуется ее – *Чы харошая я?*

Второй сюжет (211) разворачивается по-другому, героиней становится не королевская, а купеческая дочь. Опустим, однако, начало. Изгнанная из дома на смерть, попадает она в *частый, дремучий лес*, где оказывается во дворце у двух богатырей, становясь им *родною сестрицею*. Отец ее между тем *немного погодя женился на другой жене. Была эта купчиха красоты неописанной и имела у себя волшебное зеркальце: загляни в зеркальце – тотчас узнаешь, где что делается*. Богатыри отправляются на охоту, наказывая сестрице своей: *«Смотри же, до нашего приезда никого к себе не пуцай!»* *Попрощались с нею и уехали. В это самое время заглянула купчиха в зеркальце, любит своей красотой и говорит: «Нет меня в свете прекраснее!»* *А зеркальце в ответ: «Ты хороша – спору нет! А есть у тебя падчерица, живет у двух богатырей в дремучем лесу – та еще прекраснее!»* *Не полюбили эти речи мачехе, сообщается следом, позвала к себе злую старушонку и дала ей колечко.*

* *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957, т. 2.

Итак, была купчиха красоты неописанной и имела у себя волшебное зеркальце, не просто отвечало оно на один и тот же вопрос, но, заглянув в него, можно было тотчас узнать, где что делается. Купчиха, не спрашивает, заглядывая в него, а говорит, утверждает: «*Нет меня в свете прекраснее!*» и только тогда ее зеркальце поправляет, что при всей ее красоте, ее падчерица, та, что в дремучем лесу, еще прекраснее. Купчиха не знала до этого про нее, ни что она есть, ни где обретается. Зеркальце ей сообщает об этом. И снова, как и в предыдущих сюжетах, купчиха не действует по исправлению интересующего ее положения сама, посылая для этого злую старушонку.

Представленный в этом фрагменте сюжет дает представление о зеркальце обладания, и при этом волшебном, чудесном зеркальце. И это было бы более или менее характерным, хотя и не столь обязательным, признаком, если учесть то, что было представлено у Афанасьева в предыдущем тексте (210). В данном месте и случае в целом неважно, насколько полным либо неполным и сокращенным является тот или иной вариант, важно то, что, воспринимаясь как значимое, усечению не подвергаясь, передается.

Вторым важным признаком, и потому сохраняющимся, было бы то, что, в обладание ли или только в использование, будь то зеркало или зеркальце, попадает второй, а точнее другой, супруге женившегося на ней короля (купца) после смерти первой, от которой у него остается малолетняя дочь, которая потом подрастает, становясь прекраснее своей мачехи. Впрочем, это последнее обстоятельство имеет не столь непосредственное к зеркалу отношение. Важно для данного признака, определенного как второй, то, что женская ипостась, к зеркалу обращающаяся, *другая*, не первая.

И та же женская ипостась, что также считать следует важным, во-первых, считает себя, и при этом не без оснований, непревзойденной единственной и самой лучшей, в отношении признака красоты, красоты или хорошеи, как в 210 у Афанасьева, не признавая при этом (при своей дружости, что видится необходимым добавить) никакой конкуренции женского зрелого либо дозревшего для себя. И, во-вторых, как признак с этим, а отчасти и с первым, в отношении дружости, связанный, существенным для ее такого о себе представления, а с этим, как следствие, и проявления в дальнейшем, будет то, что разбираемая женская ипостась обладает способностью, наделенная будучи соответствующей властью, как королева, царица, купчиха, а потому и богатая, а с этим нравная и волевая, – обладает способностью действовать с тем, чтобы соперницу свою устранить. Что и делается ею без промедления при посредстве посылаемого с подобным заданием исполнителя.

Устранение соперницы оказывается, тем самым, возможным и достижимым вследствие а) дружости "королевы"; б) обладания ею и обращения

либо одного только обращения к зеркальцу (зеркалу), чудесному в своей способности видеть все, всю правду о свете и истину (*die Wahrheit*), определяемому поэтому, хотя не везде, как *волшебное* или *wunderbar* в сборнике братьев Гримм, и в) наделенности властью, сопряженной в ней с нежеланием признавать женского над собой превосходства в отношении признака непревзойденности красоты. Из чего следовало бы, исходя из мотива, определенного нами как 'исправление', в свою пользу, себе в угоду, существующего положения вещей, понимая шире – условно реальной действительности, такое ее исправление в своей мотивирующей части, которое, оборачиваясь, предполагает, по существу, вытеснение другим, в женском ее проявлении, того, что фигурирует первоначально как первое (первая супруга царя, короля и купца), а затем как его продолжение, в дочери этой первой супруги. Вторжение этого второго другого, освященное брачным союзом и допустимо возможное в этой связи, в действительность для него, по сути, не своего, исправляет эту действительность, для него другого не своего, имеет целью таковое ее "исправление" под себя, для себя, в мотиве производимого вытеснения соперницы, представляющее собой не что иное, как уничтожение, истребление и проекцию смерти. В парадигматическом отношении это живое и мертвое, живое, которое умирает, мертвое и с этим мертвящее, которое приходит ему на смену, стремясь живое, юное, не окрепшее, лишенное силы власти, вытеснить и собой заместить.

В связи с чем возникает вопрос, применительно к разбираемым текстам, имеющий также свой смысл и в дальнейшем, для материала примет и поверий, – чем является это самое зеркало или зеркальце, с помощью и при посредстве которого его обладатель либо знающий, как им пользоваться, в женской, (что, видимо, немаловажно) своей ипостаси, волшебное или нет, узнает, обращаясь к нему, о существующей правде на данный момент, действительном положении дел в интересующем его отношении? Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, не столько как таковой, сколько в контексте стоящей задачи, обратимся к еще одному сюжету с всевидящим зеркалом в сборнике А.Н. Афанасьева.

Третий этот сюжет (237) несколько отстоит в своем построении от предыдущих. Речь в нем идет не о том, не о прекрасной и бедной падчерице, которую мачеха решает убить. Сюжет этот о Елене Премудрой. Не будем рассматривать всего предыдущего в нем, а возьмем только то, что связано с зеркалом. Иван отправляется на поиски выпущенной им из заточения красавицы, красы несказанной, которую трудно поймать, поскольку она больно хитра, обойдет и обманет любого и к тому же умеет летать. Удастся, однако, Ивану лишить ее крылышек, после чего он, желая жениться на ней, объявляет ее невестой. Елене Премудрой, с помощью хитрости, удастся уйти от него, и Иван опять отправляется в по-

иски. Попадает он в тридешатое государство во дворец Елены Премудрой. Однако чтобы жениться на ней, должен такой жених-кандидат до трех раз спрятаться от нее так, чтобы та его не нашла, в противном случае голова с плеч. Две пробы, как обычно, оказываются неудачными. В первый раз Иван прячется в небо, за третьи облака, *да у Елены Премудрой есть такое зеркало: стоит только заглянуть в него, так вся вселенная и открывается; разом узнаешь, где что в белом свете творится. Вот подошла она к этому зеркалу, заглянула в него и тотчас узнала всю подноготную.* Вторая попытка, с прятаньем на дне моря, да к тому же в пасти у щуки-рыбы огромной, в самой пучине, в сыпучих песках, также ничего не дала. *Елена Премудрая только глянула в зеркало и все сразу узнала.* И только в третий раз, при помощи служанки своей недостижимой невесты, удается Ивану избежать неминуемой смерти и с этим стать ее женихом.

Служанка прячет Ивана за зеркалом, приведя во дворец. Как ни смотрит Елена – не видать жениха, *рассердилась она и ударила с досады по зеркалу; стекло вдребезги распалось – и явился перед нею Иван, добрый молодец. Тут, нечего делать, пришлось покориться.*

Всевидящее зеркало в этом сюжете связывается со своей обладательницей, Еленой Премудрой, которая хитра, капризна и своенравна, не желая покоряться мужскому давлению и началу. Не раз повторяющимся мотивом в сказке возникает мысль-представление о хитрости. Не только сама Елена хитра, но и хитрецом она называет Ивана, всякий раз, когда видит его при помощи зеркала. Хитрость, тем самым, с одной стороны, есть способность не даваться поймать и увидеть, равно как и, с другой стороны, и с этим как следствие, скрыться, уйти, выпасть из поля зрения, в действительность (продолжая рассматриваемый нами аспект), которая за пределом реального восприятия, в иную действительность, ирреального. Зеркало Елены Премудрой дает возможность увидеть все: *разом узнаешь, где что в белом свете творится; стоит только заглянуть в него, так вся вселенная и откроется.* Но и эта *вся вселенная, и где что, и в белом свете,* и то, что *разом узнаешь,* – все это для того мира и той действительности, которые перед зеркалом, которое оно отражает в себе, не за ним. То, что за зеркалом, подобному видению и восприятию не поддается. Стоящего за зеркалом Ивана Елена, при всей своей хитрости и премудрости, видеть не может. И только, когда она ударяет *с досады по зеркалу и стекло вдребезги распадается,* Иван является перед нею. Исчезает, собственно говоря, не преграда, не завеса, отделяющее одно от другого, одну действительность от другой, то, что может быть видимо (при наличии зеркала), и то, что не может быть, поскольку за ним, – исчезает само это противоположение, невидимое становится видимым, поскольку зеркала и, тем самым, того, что за зеркалом, больше нет. Именно это становится причиной того, что *Тут, нечего делать, пришлось покориться.* При отсутствующем противо-

положении одного и другого, того, что перед зеркалом, и того, что за ним, с распадением, уничтожением, исчезновением зеркала, Елена Премудрая не будет хитрее Ивана, своего жениха.

Зеркало, следовательно, с одной стороны, дает превосходство и власть, своей всевидящей правдой и знанием всего того, что вокруг, над другими. И, с другой своей стороны, оно же предполагает наличие иного, невидимого существования за собой, о котором, собственно говоря, ничего неизвестно, не только доподлинно, но и что оно действительно есть. Не мотивируемое и неуловимое, не осознаваемое это существование, которое и знанием по этой причине назвать нельзя, воспринимаемое внутренне, импульсивно (опираясь на тексты приведенных сюжетов) как нечто всевидящее, присутствующее везде и нигде, но при этом, может быть, именно в силу такой своей непривязанности и неприкрепленности ни к чему, способное всю вселенную, весь белый свет, собою пронизывая, проникая в них, все о них знать и видеть – где у них что. Играя словами, можно было бы говорить о том, что вселенную, поскольку *вселённую* (гр. οἰκουμένη от οἰκέω 'жить, обитать' и, тем самым, 'обитаемая или населенная земля, вселенная'), т.е. со всеми живущими существами на ней, а белый свет, потому что *свет*, потому что он освещенный и видимый, в то время как есть, может быть, что-то помимо его, не освещенное и невидимое, а потому и не свет, по крайней мере, не белый. Так же как и не вселенная в смысле вселения, поселения на ней, а что-то еще. Но мы это делать не будем, не в игре словами, пусть и основанной на этимологии, суть, а в том, что то зеркало, о котором речь (а на деле, для мира народных поверий-примет, любое возможное зеркало), с одной стороны, что-то отображает и передает. И то, что оно отражает и передает, можно увидеть и об этом узнать, а знание это и это видение будут той "правдой", которая *вся*, обо всем, что видимо в свете и что имеется в нем, и другой правды-истины нет. А с другой своей стороны, получается, что имеется также и вместе с тем нечто, чего зеркало не отображает и не передает, о нем это зеркало не сообщает и никакого знания не передает. Загадочное и необъяснимое это нечто можно лишь обратить в ничто, не увидев его при этом и ничего о нем не узнав. Если разбить само зеркало. И это все.

Говоря о все том же зеркале, впрочем, в аспекте уже не всевидения, а высвечивания, просвечивания и освещающе-направляемого выбора, можно вспомнить мотив и с ним имя героя фламандских и немецких народных книг и легенд Уленшпигеля. Имя это традиционно имеет два объяснения, переводясь, соответственно, как 'зеркало совы', нем. *Eule*, нижненем. *Ule* 'сова' и *Spiegel, spegel* 'зеркало'. Сова – как ночная и мудрая птица, видящая невидимое, скрытое от света, людей, поскольку оно во тьме, знающая поэтому то, чего не знают другие, к этому надо добавить мифологические и народно-фольклорные представления о сове,

рассмотрение которых не входит в задачу. И тогда получалось бы, что Уленшпигель – зеркало, отражающее, передающее, знающее то, что укрыто, скрыто и то, что не показывают и хотят укрывать. Развенчивающий, обнажающий и разоблачающий, следовательно, аспект.

К тому же, обратному, темному, нижнему и обнажающему, добавляется второе этимологическое объяснение, от средневерхненемецкого *ufern* 'мыть, чистить' и *spiegel* 'зеркало', а на жаргоне охотников 'задница, зад'. Из чего получалось бы – скрытое, тыльное, заднее зеркало отображения и к этому вместе гладкое и светящееся, на солнце сверкающее, обыгрываемые значения 'зеркало > зад', которые надо мыть, чистить, с одной стороны, и с помощью которых мыть надо, чистить, показывая и обнажая, все то, что скрывают и не показывают как недостойное, подлое, низкое, не желая, чтобы другие знали об этом, либо стыдась*.

В этом случае это было бы зеркало отражения скрытого, темных, негодных, порочных сторон человеческого существования и бытия, с их обнажающим выведением наружу, на всеобщее видение и обозрение.

Во всех этих случаях можно и следует говорить, в контексте стоящей задачи и с нею затем материала, о все той же не раз упомянутой дополнительной применительно к зазеркалью с понятием приметности *примечания*, видения, выделения, замечания, и с этим *примётывания* к воспринимаемой действительности в своем таком основании.

О зеркале в материале примет

Обращаясь к понятию приметной в основе своей дополнительной для "зазеркалья" того предметного мира, о котором последует речь, перейдем непосредственно к разбираемому материалу примет и поверий, оставаясь, однако, в контексте наглядно связывающего такой переход представления зеркала. Зеркала в народных повериях и приметах, которых достаточно много с ним таковым**, но из которых выбраны будут только некоторые для предполагаемого также в дальнейшем разбора.

* В сюжетах об Уленшпигеле, в том числе и фильмах о нем, нередко обыгрываются оба, этимологических по своему представлению, мотива – и зеркала совы, и зеркала-задницы, наглядно то и другое словами, позами, жестами самого Уленшпигеля передавая, что означало бы, исходя из мысли создателей, что герой прекрасно знает и понимает, кто он такой и/или что он такое. Что он только зеркало, а точнее вовсе не только зеркало, но отраженное, передаваемое в нем, через посредство его, воплощенное и объявляемое знание об укрытом. То, что можно отметить и в отношении примет – в наблюдаемом, видимом предполагающих отображение укрытого.

** В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова приводят в своей монографии цифру 44 (В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова: *Лингвистика народной приметы*. Белгород 2008, с. 184, выходные данные книги см. сноску 3).

Для облегчения задачи, а также поскольку не собственно зеркало разбираемый в повериях и приметах предмет, материал для предполагаемого рассмотрения возьмем из источника, где он (в отношении зеркала, впрочем, не только его) уже собран и в одном месте компактно представлен. Тот же источник будет основой исследуемого материала также в последующем*.

Рассмотрим приводимые в нем приметы с зеркалом по порядку, с тем чтобы подойти в конце к чему-либо обобщающему. Относят подобного рода тексты обычно к так называемым бытовым приметам, касающимся повседневности, однако для наших целей это не будет важно.

Нельзя показывать (зеркало) маленькому ребенку — не будет спать и говорить.

Первое, на что следует обратить внимание в данном примере, и это будет определяющим для представления о зеркале также в дальнейшем и что вполне понятно и объяснимо в силу использования и назначения самого предмета, — это то, что в зеркало смотрят. Привычным было бы для современного понимания *смотрятся*. Или, как в приведенном случае, его показывают — маленькому ребенку, то ли с намеренной целью, то ли без таковой, для того ли или не для того, чтобы в зеркале что-то увидеть. Этим что-то, опять же по современному представлению, можно представить себе отражение себя самого, т.е. смотрящегося.

Не выясняя причину и смысл запрета в отношении маленького ребенка, стоит задаться вопросом — почему, после того как ему покажут зеркало, он не будет спать и говорить? Простым и на поверхности лежащим вроде бы смыслом было бы то, что ребенок зеркала испугался. Предполагать можно было бы, что причиной такого испуга было то, что ребенок увидел себя. Но это лишь предположение, поскольку запрет *показывать* зеркало не обязательно означает, что он в нем увидит свое отражение. Нельзя показывать зеркало, а не избегать того, чтобы он в него заглянул.

В связи с этим, даже если подобное предположить, то почему, увидев себя, ребенок не будет спать и говорить (опуская вопрос об испуге, поскольку о том, что он испугается, что зеркало может его напугать, также не говорится)? И, продолжая, развитие той же мысли — как долго, на какое время и можно ли допускать, что вообще? Сокращенный, сжатый и лаконичный характер примет¹¹, впрочем, делает не вполне адекватным подобную постановку вопроса. Обращаясь к мысли о бытовых условиях

* В.А. Кульматов, Т.В. Кульматова: *Русские народные приметы и поверья*. Москва: АСТ, 1999.

применения данной группы примет, можно увидеть в сказанном, что не будет спать не вообще, а, по крайней мере, в тот день и какие-то с ним ближайшие. В отношении же представления о 'не говорить' подобное разрешение уже не видится столь очевидным. Однако не будем ни то, ни другое каким-либо образом определять, оставив это для рассмотрения иного характера. Поставленная задача заключалась не в том.

То, о чем речь, будет связано с представлением а) о том, что нельзя показывать зеркало маленькому ребенку (оставаясь в пределах того, что в примете сказано), в первую очередь, потому, что ребенок и потому что маленький, и к этой мысли придется вернуться несколько позже; б) если же его ему показать, то нечто, с чем ребенок при восприятии зеркала может столкнуться и неизбежно столкнется (не обязательно видении своего отражения в нем), при видении зеркала, не в нем себя, это нечто подействует так, что ребенок не будет спать и говорить. Ни больше, ни меньше, а только то.

Из чего будет следовать мысль о том, что зеркало имеет к этому нечто такое свое отношение, которое позволяет через него и при его посредстве, главным образом и в первую очередь в нем, с этим нечто вступать, по крайней мере, в визуальный контакт, но, возможно, не только. И это нечто, которое, не будучи в зеркале, но через зеркало способное себя проявлять, действует таким образом (но нельзя при этом сказать на людей), что маленький ребенок*, переставая спать и говорить, а может, и не начав говорить, если не говорил до этого, – такой ребенок оказывается приобщенным, в итоге, к нечеловеческому, теряя способность начатки в себе человеческого, как ему свойственные по возрасту, проявлять. Можно было бы дальше пойти, исходя из мотивов сказок, в которых фигурируют дети, такого ребенка такая потусторонняя сила приобретает способность с собой унести. Однако мы это делать не будем, поскольку не в мифологизируемом объяснении передаваемого в тексте приметы речь.

Важным для данного и всего последующего будет представление о приобщении с помощью зеркала к тому, что, как следует думать, не в нем, а за ним и что способно оно в себе, отражая либо не отражая, содержать. И не менее важным в той же связи становится представление о том, что то, что содержится в нем и за ним, что *там* находится, располагает себя и стоит, есть тем, что обладает способностью, через то же зеркало и при его посредстве, входить, объявляясь, вторгаясь, в том, что *здесь*, в природу и мир человека. И при этом не просто входить в это 'здесь', объявляясь, а и воздействовать на положение пограничных, не устоявших

* Согласно народной традиции не вполне еще человек и близкий в значении 'свой', для рода и для меня, опираясь на мифологические представления ритуалов инициации и перехода, так называемые *rites de passage*, по определению А. ван Геннепа.

себя, нестабильных в человеческом мире существ таким образом, который предполагает их в этом мире неприкрепление, а в конечном и крайнем случае уход из него. То, что за зеркалом, может, способно с собой забирать, лишая человека, в каких-то граничных и значимо примечающих (*приметных*) случаях, а с этим и не совсем еще человека (каковым понимается маленький ребенок), каких-то его поддающихся таковому воздействию свойств, в том числе и витальных. Здоровья, жизни и – красоты, как это следует из приводимой ниже приметы:

Нельзя во время еды смотреться в зеркало — всю свою красоту заешь.

Объясняя эту примету в ключе уже сказанного, стоит задаться вопросом, почему нельзя смотреться в зеркало во время еды и почему от этого заешь красоту, и не просто, а всю и свою? Попытаемся ответить на него, оставаясь в пределах на предыдущем примере выведенного.

Если смотреться в зеркало, то в зеркале неизбежно увидишь себя (при обычных, добавим, и повседневных условиях, поскольку речь идет о том, что во время еды). Это первое. В зеркало, часто или как правило, смотрят, любуясь, а если и не любуясь, то с тем, чтобы определить, как выглядят, насколько красиво (по своим представлениям) и хорошо, не требует ли получаемый в зеркале вид какого-то усовершенствования, улучшения себя и своей доработки.

Однако на этом бытовые и повседневные признаки, с зеркалом связанные, можно сказать, что себя исчерпали. Далее появляется предостережение о том, что нельзя смотреться в зеркало во время еды. Бытовое житейское (и возможное) представление о том, что поглощенному любым отвлекающим делом во время еды человеку принимаемая им пища на пользу никак не идет, а поскольку смотрение в зеркало связано с красотой, то и, соответственно, красота его вследствие этого пострадает, – подобное объяснение будет далеким как от выводимого в отношении зеркала положения, так и от мира примет. Мешает подобному объяснению также и то, что можно увидеть за фразой *всю свою красоту заешь*. Не только, что видится немаловажным, *заешь красоту*, но и *всю, и свою*.

В продолжение сказанного в отношении предыдущей приметы можно предположить, что *заешь*, как ранее говорилось, с помощью и при посредстве того, что за зеркалом и что в нем. Если быть при этом последовательным и более точным, то, собственно говоря, не ты заешь сам, заест твою красоту, и при этом всю, это то, что за ним и в нем, с другой от тебя стороны то другое. Оно и способно забрать, поглотить, в данном случае, поскольку ты ешь и, любуясь, смотришься в зеркало, 'съесть' параллельно

и вместе с тобой не еду твою*, но то от тебя, что в нем – красоту твою (даже если ты не обладаешь ей таковой, но такое людское ее понимание и восприятие не для зазеркалья, красоту здесь следует понимать как внешний и человеческий вид, его образ и облик). И по этой последней причине, с учетом того, что указано в скобках, – всю. Весь твой облик и человеческий вид. Поглотить, забрать с собой, унести, отобразив у тебя, заев.

Интерес представляет примета, отстоящая по своим внешним признакам от того, что перед этим было рассмотрено:

Если двое будут вместе глядеться в зеркало, то в одну или в одного влюбятся.

Важно, что двое и то, что вместе (не трое, не четверо либо сколько-нибудь еще). С одной стороны, таким образом, вопрос касался бы удвоения (раздвоения?), а с другой и одновременно, совместности этих двоих – двое как единое целое и как одно, не раздвоенное. Свойство зеркала, из чего бы следовало, таково, что оно обладает способностью, преобразуя в себе, претворяя, двойное, удвоенное, удвоенно разведенное и разделенное в единое целое, не различая, сливать, делать одним то, что здесь, по этой его стороне, не едино. Не оно обладает этой способностью, не само зеркало, а то, что за ним и в нем, хотя в данном случае это не столь уж важно.

Далее говорится о том, что такое глядение в зеркало ведет к тому, что эти двое в одну или в одного потом влюбятся. Мотив любования, всматривания и рассматривания с видением облика, образа, о котором уже сообщалось, себя самого. И при этом, через посредство образа себя самого, скорее увиденного, чем отраженного, при посредстве своего такого вида и облика, привлечение, втягивание и притягивание зеркалом, в зеркале, и тем, что в нем и за ним, другого вида и облика, в который оба эти двое и влюбятся.

Зеркало в данном случае, та сила и та сторона другого, иного и дополняющего, дополнительного, комплементарного в нем, вбирает в себя (забирая, что неизбежно) облики этих двоих как единое, поскольку глядятся те вместе, сливая их в образ ими невидимого, но смотрением, вглядыванием в зеркало притягиваемого, вид и образ того, который будет в последующем 'формой их любования', примет облик ее, образ и облик той или того, в которого или в которую оба и влюбятся. Забираемое, вбираемое зеркалом и при посредстве его в себя, способно быть отраженным, ото-

* В этой связи стоит вспомнить известный мотив у Гоголя из *Пропавшей грамоты*, когда стоящая за спиной и плечами героя нечистая сила съедает то, что он ест: „Вот-вот, возле самых ушей, и слышно даже, как чья-то морда жует и щелкает зубами на весь стол”.

браженным и "возвращенным" (в силу свойства и признака зеркала отражать), по показателю, как в разбираемом случае, внешнего вида и облика в отношении любования. Из чего и следует это самое *влюбятся*. Отчасти, что также можно было бы предположить, в себя, в свое не свое отражение, свое не свое, потому что двойное, удвоенное, но как одно, и свое не свое, потому что преображенное и претворенное.

Если зеркало поднять над головой так, чтобы в нем отразился молодой месяц, то увидишь столько лун, сколько луне дней.

Первый вопрос, возникающий в отношении данной приметы – где увидишь? в зеркале? Но если поднять его над головой так, чтобы в нем отразился молодой месяц, то зеркало должно быть при этом прозрачным, предполагая возможность смотрения и видения через него. Увидишь перед собой? Или потом, опустив зеркало, в нем и увидишь? Или не в нем? Оставим, однако, все эти вопросы без их разрешения как не существенные для того, о чем речь. Важно то, что при посредстве зеркала и используя зеркало, отразив в нем молодой месяц, пусть это не будет прямо над головой, а таким образом над головой, чтобы перед глазами и видеть при этом глазами, повернув, обратив его (зеркало) соответствующим образом, можно увидеть то, что иным каким-либо образом увидеть было бы не дано.

В связи с разбираемым признаком немаловажным видится также и представление о месяце и с этим луне. Не вдаваясь в подробности и связываемые с таковыми подробностями знания и обстоятельства, стоит упомянуть обратную и темную сторону в отношении луны и с нею ночи ('зеркало совы' Уленшпигеля и с этим 'чищения задницы', как темного, скрытого и одновременно сияющего на 'темном' небе начала). Видится не всякое что-то, имеющее свое отношение к небу, а то, что сияет на темном, отображая и отображаясь, тем самым, в зеркале и на нем. Если не как повторении и не части себя, то на том и в том, что с этим сияющим на темном и в темном связано.

В этом сияющем в темном, на фоне темного, "зеркалом" месяца в небе, возникает и появляется свет, мотив света (о чем была ранее речь) – *увидишь столько лун, сколько луне дней*. Говорится о *днях*, но о днях применительно к молодому месяцу. Поскольку месяц должен быть молодой, то *луны*, в нем содержащиеся по количеству его дней, можно увидеть в зеркале, лишь подняв его над головой (это свойство, впрочем, себя объявляет, если и в отношении неба и с этим луны, то не в отношении возраста месяца), и лишь для месяца молодого. Поднятие зеркала над головой таким образом, чтобы в нем отразился месяц, связывать можно с мыслью о вынесении зеркала за пределы себя, и за пределы вверх, с поднесением к верху, не середине и низу. То, что, как обозначено, месяц должен быть

молодой, можно было бы связывать с представлением о его росте, подъеме, развитии и становлении.

Зеркало отображает, способно в себе и собой отразить то, что имеет в себе свойство силы, в том числе и витальной, которую можно, отображенной, не только увидеть, но и, как было заметно, на предыдущих примерах, а с ними последующих, также забрать, при посредстве и через зеркало. Старый месяц, тот, что утратил силу и потому на исходе, в зеркале отобразившись, не в состоянии будет, "не в силах", показывать количества дней по количеству в себе своих лун. Такая старость и слабость, во всяком случае, предметную свойственность зеркала, его действительность, действительность того зазеркалья, которая в нем и за ним, не будет с целью ее отражения в себе интересоваться. Касаясь этого последнего положения, можно бы вспомнить все тот же мотив любования, мачехи в частности, в сказках о мертвой царевне. Смотрится она в зеркало в убеждении, а также и в том, чтобы убедиться, не столько в своей красоте, что само собой разумеется, сколько в своей по этому признаку непревзойденности, превосходстве над всем и над всеми. Или, переводя это в то, о чем речь, в своей силе, неодолимой витальности по данному, и что при этом немаловажно, внешнему, визуальному проявлению и основанию, в отношении вида и облика в образе зеркала своего.

То, что, по общеизвестному представлению, *зеркало треснет – к несчастью*, можно связать, в контексте рассматриваемого, с таким состоянием внешнего в действительности его проживания, в ближайшем будущем для субъектов, как можно предполагать, которое (состояние) себя в своем зазеркалье на данный момент уже отразило. Обусловлено это тем, что зеркало "оборотно", т.е. обращено, отражая. Обращено с одной своей стороны, той, что видима, к той реальности, которая существует, будучи дана в своих признаках, положениях и состояниях человеку, способная быть им воспринятой, в ней для него проявленной и им, находясь, пребывая в ней, проживаемой. В то время как с другой своей стороны (хотя о стороне, понимая это в буквальном значении, говорить не приходится), обращено оно, точнее было бы говорить, заключает, содержит в себе, выступая одновременно к этому входом, – обращено к той реальности, которая человеком в ее непосредственности не наблюдается, невидима и не дана для его восприятия.

Реальность эта, будучи дополнительной в понимании своего зазеркалья, нельзя сказать, что на деле, но для сознания тех, для кого приметы с поверьями имеют действительный смысл, – реальность эта, о которой трудно было бы что-то определенное проговорить, помимо того, что она для такого сознания существует и не каким-то, а вполне определенным образом относится к той действительности, которая в своем проживании, будучи видима и воспринимаема, повседневна (различение это не

столько условно, сколько в своем представлении недействительно для того сознания, о котором речь, воспринимаясь, вместе с тем, в его ощущениях, импульсивно), – реальность эта устроена таким своим образом, что, в соединении с реальностью проживания и составляя единое целое с ней, представляет, содержит в себе неизменно то, что способно только или может в реальной действительности произойти.

Не вдаваясь в вопросы мировоззренчески-философского и мифологического характера применительно к сказанному, поскольку не в этом задача и разбираемый вопрос, важным и одновременно с этим достаточным было бы указать на то, что зеркало в своей "оборотности" с обращением к воспринимаемому миру перед собой и с ним связанному в неразделимой связи к тому, что так себе просто и напрямую человеком в обычном его состоянии и положении не воспринимается, – подобным образом действующее и себя проявляющее зеркало, треснув, передает, отражает, но не предвидит, поскольку подобное представление к нему не относится, то, что в своей "реальной действительности", той, которая целостная, а не разделенная, имеет место и произошло.

Напряжение нарушенной равновесности, выражающее себя для человека, если не в благополучном, то в привычно освоенном положении вещей, напряжение это, связанное с ожидаемым, применительно к человеку, несчастьем, действует на зеркало, представляющее собой отражение видимого в его отношении к невидимому, тому, что скрыто за ним и в нем, – напряжение это на зеркало действует таким образом, что оно неизбежно треснет.

То, что зеркало треснуло, тем самым, обозначает несчастье в том его положении, что баланс, обеспечиваемый для человека поддержкой скрытого под поверхностью его повседневного проживания, оказался нарушен, поддержка, говоря метафорически, опустившись, ушла, и поверхность эта, себя через зеркало объявляющая, получившись неровной, прогнулась.

К тому, о чем говорилось ранее в отношении зеркала, можно бы было добавить образно себя проявляющий способ того, что принято называть ощущением мира в себе, вкладывая в это имеющееся не столько в сознании, сколько в неосознаваемо протекающем бытии, представление о себе и всем остальном в окружающем мире предметов с их свойствами и проявлениями, вкладывая в это смысл испытывания, но не в эмпирическом, а скорее, онтологическом для живущего человека положении. Из чего получалось бы представление о зеркале как выразителе не только связанности в своем двуединстве неповседневной и повседневной реальности, но и в нем себя обнаруживающей поверхности, отображающей видимость повседневности при невидимости тут же имеющейся, но себя в нем так прямо не отражающей неповседневности.

Развивая сказанное и обращаясь к еще одному представлению о зеркале, та реальность целого, о которой речь, выражает себя, способна себя выразить, в обращении жизни через поверхность существования *здесь* к то ли существованию, то ли не существованию, но это не тот вопрос, который имело бы смысл разрешать в разбираемой связи, скажем так, к положению *не здесь*. Выражается это в примете такими словами:

Разбить зеркало — разбить жизнь, то есть означает большое несчастье, предвещает покойника.

Нарушение поверхности зеркала, ненамеренное, как надо бы предполагать, применительно к жизни, становится, как в данном случае, уже не знаком, а импульсом, произведенным толчком распада того, что *здесь*, с обращением его к тому, что *не здесь*, погружению, переходу в это не здесь. Знаковый смысл, впрочем, также не следует исключать, поскольку зеркало можно разбить, выступая не столько в самостоятельной роли нечаянного производителя, сколько в роли то ли предчувствующего посредника и исполнителя, то ли толкаемого на это и также нечаянного провидца и предсказателя, если точнее, то воплощенного знака ожидаемой смерти.

Внимание на себя обращает начальное и вводящее положение о том, что *разбить зеркало* значит *разбить жизнь*, но при этом не чью-то, что видится важным добавить. Не следует полагать, что зеркало связано с жизнью конкретного человека, поскольку это не так. Жизнь в этом случае себя проявляет и выступает не как таковая, в привычном для этого смысле, как биологическое и витально-активное существование здесь и в какое-то протяженное время с его началом и продолжением в представлении о сейчас с допускаемым развитием в некоем будущем, после которого неизбежен обрыв и конец. Жизнь представляется необходимым воспринимать в рассмотренном перед тем отношении, через поверхность зеркала, одного к другому, того одного, которое витально-активно в привычном для нас понимании, к тому другому, которое в непосредственном виде и наблюдении человеку в обычном его состоянии и положении не дано. Разбить жизнь, тем самым, обозначало бы нарушение поверхности, как отделяющей, так и связывающей, точнее было бы говорить, связывающей, как пуповиной, это одно с тем другим, из чего и следует как неизбежность возникающее представление о смерти как о большом несчастье, предвещающая покойника. Смерть и диктует, и означает такой оборот.

Не случайно и показательно в этой связи имеющееся представление, пожалуй, у всех представителей человечества независимо от национально-культурной и мировоззренческой принадлежности (впрочем, это опять же не наш вопрос), об избирательно-обобщенном и лично неприязательном отношении, позиции и действии смерти. Смерть, с одной стороны,

по известному представлению, не выбирает, в каких-то, моровых, скажем, случаях способен и может косить всех подряд. С другой своей стороны, смерть приходит к кому-то, за кем-то и у каждого, следовательно, своя, ее можно, в определенных моментах и положениях, как свою либо кого-то другого, увидеть (приметы содержат такой материал). И одновременно и вместе с тем, приходя за кем-то одним, она же может, через посредство того, кого забирает или уже забрала, умирающего или покойника, забрать, прихватить, увести за собой и кого-то очередного и следующего, – действие, которое не только опасно, но и потенциально множественно и которое, по этой причине, необходимо прервать.

Возвращаясь к зеркалу, то, о чем применительно к жизни и с нею в своей неизбежности смерти, приходится говорить, смерти не как существу, а как состоянию (для сознания, впрочем, это неразделимо), видится таким своим образом, при котором разбивание зеркала будет в себе содержать представление о разбивании "жизни" в сложившемся и существующем равновесии для здесь и сейчас. Нарушение этого равновесия, проявляемого на все той же поверхности через зеркало, и есть ожидаемая, а фактически уже произошедшая и себя проявившая смерть, не кого-то и для кого-то, а потому и не чья-то, но как "перевес" стороны не здесь, его усиление и утяжеление. Кто-то вследствие этого неизбежно умрет, но на кого падет такой выбор себя уже проявившей смерти, вопрос этот не к разбитому зеркалу.

Смерть в данном случае можно, воспринимая, интерпретировать как процесс, чего-то и где-то происходящего, движущегося и развивающегося, идущего рядом, совместно и в параллель с тем, что принято обозначать словом *жизнь*, при того и другого, в процессе, движении и переходах, неразделении. Балансирующее движение это, качание между тем и другим, проявляет себя, обнаруживая, в поверхности зеркала, как на воде, на ее поверхности, если лодкой, гребя по этой поверхности, плыть. Верхняя часть, над водой, над водной поверхностью, представляющаяся вроде бы, но и не вроде бы, от воды отделенной, в то время как на деле и по существу к воде и относится, и ей, собственно, принадлежит. Перевернись эта лодка, которая на поверхности, и тогда видимость отделения от воды в ней плывущих сразу объявит себя.

Переводя это к разбираемому зеркалу, видится необходимым отметить, что не вода – это смерть, а жизнь – то, что над нею и в лодке. Жизнь – это все в своей совокупности, то, что над водой, то, что в воде, и то, что плывет по ней на поверхности. Смерть же лишь оборот, нарушение бывшего сочетания водно-надводных своих составляющих, обнаруживающая себя, проявившая, но для человека пока что не состоявшаяся, перевернутая на водной поверхности лодка.

Следующая примета, не случайно, хотя это не было нашим намерением, обращается одновременно и к зеркалу, и к воде, объясняя то и другое (поскольку об этом в разбираемом случае речь) с еще одной стороны:

Неумытый и нерасчесанный может смотреться в зеркало или воду безнаказанно только два раза; в третий раз дьявол уже снимает образ такого человека и тем самым на долгое время делает его подвластным, своею жертвой. Кроме того, владея изображением человека, дьявол может сделать в любое время порчу на изображении, которая немедленно передается живому человеку.

Появляется и проявляет себя неизменный по отношению к зеркалу, и воде с ним, мотив смотрения – *смотреться*, в то или другое. Но не просто смотреться, как следует из приведенного текста, а неумытым и нерасчесанным. Связан с тем и с другим еще один, известный из сказок, мотив "водяного" присутствия потустороннего с забиранием, присвоением, унесением с собой, с тем чтобы сделать такого с собой забираемого человека подвластным себе. То, что в тексте данной приметы представителем такого потустороннего становится дьявол, не суть важно. Важным для разбираемого вопроса и с ним материала является то, что, если проникновение смерти в видимое пространство существования человека с забиранием того, кто станет покойником вследствие этого, связывалось с "разбитостью" жизни через разбитое зеркало, то еще одно забирание – потусторонним, не смертью, действующим в дьяволе и через дьявола, и не человека при этом, точнее витальной силы, проявляемой в жизни его, но его образа, изображения в зеркале и на воде, такое с собой забирание связывается со смотрением в зеркало или воду.

Проникновение потустороннего и соприкосновение с ним, не желаемый, но при этом взаимодействующий с ним со стороны человека контакт производится, осуществляет себя через воду и зеркало. Зеркало как поверхность и поверхность воды, в которых это потустороннее, как получается, неизменно присутствует.

Опуская мифологические, а возможно, не только мифологические детали, не в широком, во всяком случае, понимании этого слова¹², поскольку связываемые, скорее всего, с позднейшими пояснениями по поводу манипуляций дьявола, и не случайно дьявола* (но не об этом опять же

* Интересна в этой связи характеристика дьявола в его отличии от сатаны у Даля: «*Дьявол* во злѣ по са́мотности, себялюбію, *сатана* во лжи по кичливости, самонадѣянности». Об этом подробно в работе автора „Знак и значение. Семантика предсказаний в знаменьях, поверьях и приметах” (‘Бесы’, ‘черти’ и ‘дьявол’ русского восприятия).

речь) с человеческим изображением, снятым им и во владении его находящимся, опуская эти детали, не имеющие, впрочем, и своего отношения к зеркалу как таковому, зеркало служит лишь средством такой забираемой передачи (образа с овладением его), обратимся к вопросу о зеркале и воде применительно к тому, что а) смотрясь в него или на нее, точнее на гладкую поверхность ее, смотрящийся передает как зеркалу, так и воде (где-то и в чем-то в них, скорее всего, под поверхностью) свой образ, внешний свой облик, наблюдаемые, видимые черты себя самого; б) такое смотрение не должно и не может предполагать передачи им своего "нечистого" образа (*немытого и нечесанного*), поскольку существует опасность, по крайней мере, с третьего раза (опустим здесь числовые представления о тройке, о три и трикратности), и опасность при этом реальная, невозвращения подобного образа к своему обладателю с изменением, как получается из приметы, владельца: *владея изображением человека, дьявол может сделать в любое время порчу на изображении, которая немедленно передается живому человеку.*

Невозвращение, о котором было сказано в пункте (б), не означает при этом его отделение от владельца, человек продолжает владеть своим видимым образом, в противном случае он бы лишился лица. Речь как раз о том раздвоении (впрочем, слово это не совсем точно передает заключаемый смысл), которое предполагает присутствие, одновременное и не разделенное, в данном случае изображения и образа, но это может касаться также чего-то другого, о чем не говорится в примете, присутствии, а если точнее, наличие здесь и там, для простоты объяснения, однако опять же не здесь и там, поскольку это нечто единое, как получается, человека в совокупности его проявлений и свойств, но не одного только человека, в той действительности, которая, по сути своей, есть действительностью и повседневного, внешнего, видимого существования, проявления и бытия, и действительностью такого же существования не внешнего, скрытого, не повседневного и в обычных условиях невидимого, того, что было названо зазеркальем, поскольку с помощью зеркала, при его посредстве и через него в эту сторону, часть, положение, состояние и пребывание свое можно войти. В этом смысле и отношении и говорилось о зазеркалье и его комплементарном, дополнительном, но нельзя сказать, дополняющем, отношении к действительности внешнего и наблюдаемого проживания человека.

Получается, что смотрящийся не столько передает зеркалу и воде под поверхностью свой образ и изображение, сколько при подобном смотре в зеркало или в воду, являясь на их поверхности, дает возможность увидеть себя. Как если бы заглянул в окно, при том условии, что, находясь за окном или перед окном, в зависимости от места своего в тот момент пребывания, видимый образ его остается при нем, точнее образ видим, но

носитель и обладатель его получается с одной стороны окна, а не с двух сторон. Положение с зеркалом и водой, только по виду подобное, предполагает, но не раздвоенное, а единое пребывание обладателя образа, хотя в разбираемом случае, в одном только образе, не целиком, в таком состоянии, экзистенциональном по своему существу, которое зеркало и вода не разделяют на два, но лишь предоставляют возможность увидеть.

По этой причине дьявол в примете получает способность с третьего раза нечистым изображением в зеркало либо в воду смотрящегося овладеть. Нечистым к нечистому, с третьего раза, поскольку соответствующий цикл отделения образа от владельца, но не в мысль избавления его от него, а как способность манипулятивного им управления, цикл такой предполагает трехкратность. И еще потому, что та сторона бытия и существования, а с этим мира и самой реальной действительности, которая человеком привычно воспринимается как не *эта*, не здесь для него, сторона эта (и здесь обращение, а не игра словами *это* и *то*) для нечистого и потустороннего будет *его*. Оно там находится и там пребывает, как здесь находится и пребывает в обычном своем состоянии живой человек, точнее, здесь и сейчас живущий, поскольку понятие и представление о 'живой' не исключается для живущих не здесь, не сейчас, и потому точнее было бы говорить, что не здесь (и/или не сейчас в ряде случаев) находящийся, понимая под этим *не здесь* ту сторону, которая для нас 'перед зеркалом', не за ним.

Пребывание и нахождение за зеркалом (если использовать разбираемое представление) и за водой, не в воде в обычном понимании этого слова, нечистого и потустороннего вовсе не означает для него невозможности нахождения не там или не только там, т.е. здесь, и *перед* по отношению к зеркалу, в этом мире, говоря по-другому, но для них, по-видимому (если исходить из существующих мифологических представлений), это сопровождается с прониканием, переходом, преодолением и пересечением границы. Возможно, что предполагающей оборачивание, перевертывание отсюда сюда (исходя из все тех же мифологических представлений), не исключено при этом, что с изменением каких-то свойств и способностей. Не об этом, впрочем, в данном случае речь, к тому же в примете нет на то никаких указаний, а поэтому можно представить себе и другое.

Дьявол, как нечистая и потусторонняя сила, обладает способностью, не типичной, не свойственной для обычного человека, снимать образ и изображение, овладевая им, с поверхности и под поверхностью зеркала и воды в момент смотрения человеком в зеркало или в воду. Находясь при этом вовсе не обязательно за зеркалом и водой, но здесь, за спиной и сзади либо с левого боку, как отмечают не только приметы, смотрящегося в них человека. И тогда то, что только с третьего раза он может таким отражаемым изображением овладеть, означало бы ту же указанную перед тем

троекратность, в модели своей содержащую представление трех миров – верхнего, среднего, нижнего, за которой стоит представление о его силе, имеющей свое отношение к нижнему. Впрочем, за всем этим не стоит положение о том, что нижний мир является третьим, такое считаемое деление было бы неуместно, миры не разделяются для сознания так о них мыслящих на третий, первый, второй. Следует говорить о целостности, о полноте, совокупном наличии всех трех в их единстве.

Не случайно, возможно, что с этим связано и во всяком случае не исключено, что при желании и необходимости избавления от нечистого, в приметах и не только в приметах (точнее, хотя и несколько образно, было бы говорить, что в мире примет, не привязывая этого мира, а вернее воображения о нем, к одним только приметам, приметы его лишь отображают и передают), – при подобном желании либо возникшей необходимости следует трижды плюнуть через левое плечо. Трижды, видимо, для того (ничто не мешает это предположить, хотя и, как следствие, не исключена и другая возможность), – для того, чтобы "плюнуть" на это нечистое, не развивая дальнейшую вероятную мысль с представлением о том, что означает *плюнуть* и что за собой ведет, чтобы плюнуть на него в каждом из трех миров.

Итак, по той либо другой причине, исходя из семантики разбираемого зеркала и возвращаясь к ней, то, что содержится в представляемой примете с овладением образом и наведением дьяволом порчи на изображение, которым он овладел, о зеркале говорит как о средстве взаимодействующего в обе стороны, допустимо возможного обращения и контакта того, что себя объявляет как перед ним, так и за ним. С помощью зеркала, а также и в нем, на его поверхности, можно не только увидеть, но и воздействовать, в крайнем своем проявлении овладеть, тем, что в нем появляется, что дает, представляя, увидеть себя. В необычном, усиленном, не хотелось бы говорить, что магическом, случае, поскольку это все же не то, наделенном особой способностью, скажем так, предполагающем ее таковую, с помощью зеркала можно увидеть, хотя и не обязательно в нем, то, что определялось ранее как вселенная, мир, вся действительность в ее целостной неразделенности применительно к здесь и не здесь. И это 'не здесь' можно и следует понимать не только (для современного о том представления) в значении потусторонности, но и в пространственном, а также, возможно, и временном, отдалении от наблюдателя. О чем свидетельствуют не только сказки, но и приметы с повериями, толкования сновидений и многое прочее, имеющее отношение и выводящееся из традиционных о том представлений.

И, наконец, рассмотрим еще один пример из примет о зеркале, на сей раз последний, общеизвестный и продолжающий быть живым:

Зеркала в доме, где покойник, завешивают, чтобы он не мог в них смотреться.

С таким вариантом того же, более полным и объясняющим:

Если в доме кто-то умирает, зеркала закрывают тканью или тюлем, чтобы покойник не вернулся и не забрал живых.*

Широко и часто встречающиеся объяснения подобной приметы и связанных с ней представлений сводятся к мысли о зазеркалье, в котором существуют, находятся злые, нечистые силы и духи, соответствующим образом через зеркало и при его посредстве воздействующие на живых. К этому добавляется также народное представление о сорока днях, в которых душа умершего находится в этом мире (три дня не отдаляясь от дома) и, следовательно, может в зеркале, если посмотрит, увидеть себя, а тогда ей трудно будет, если вообще возможно, из этого мира уйти, с одной стороны. А с другой, то ли оставшись там, в зеркале и за зеркалом, то ли, смотрясь в него, находясь перед ним, душа эта в виде умершего и в его образе (так это можно было бы объяснить) может явиться и быть увиденной не умершим еще и живым человеком. Видение это для неподготовленного, в духовном, эмоциональном и сакрализованном понимании, человека может вести к нарушениям в нем, различного рода, в том числе и психического.

Еще одно объяснение предполагает связанное с предыдущим в отношении покойника представление о присутствии смерти при нем. И тогда смерть не только в не завешенном зеркале может увидеть себя, но и, как это было в предшествующем случае с дьяволом, через зеркало, с помощью зеркала, будучи здесь и одновременно не здесь, прихватить с собой очередную жертву, еще одного человека из этого дома. Подобный мотив появляется часто в приметах и не только в приметах. Забирает смерть через зеркало на сей раз, в отличие от дьявола с изображением-образом, жизнь, понимая ее как витальную силу.

Объяснять это можно и в том отношении, что забирание, унесение, прихватывание с собой, будь то смертью либо нечистым, обуславливается, становясь возможным, также и тем, что в зеркале и через зеркало смотрящийся в него объявляет себя как присутствующий и существующий по обеим его сторонам, актуализируя, тем самым, такое свое обоестороннее положение, "напоминая" (смерти и дьяволу) о себе. Из чего возникает у них как возможность, так и желание, искушение такого "на-

* https://tsn.ua/ru/lady/dom_i_deti/interyer/zerkala-narodnye-primety-i-kommentarii-psiologa-307119.html [дата обращения: 18.05.2020].

помнившего" им о себе подхватить. Не будем входить в этом месте в представления о соблазнительности со стороны смерти и дьявола подобного и типичного для них проявления, связываемого не только с желанием, но и с необходимостью растущего, распространяющегося, овладения живым с обращением его себе в подчинение (дьяволом) либо в мертвое (смертью), за которыми и стоит положение о том, что одного умершего смерти, при возможности большего, недостаточно. Все это уводило бы в сторону.

Важным и неизменным, также и в том числе для последующего, будет выведенное впечатление о зеркале (опуская все остальное, с ним связанное, из него вытекающее либо сопровождающее его) – как о форме проявленного в своей целостности и совокупности существования и с ним бытия, в единстве неразделяемой на две половины действительности, отображаемой, передаваемой, с помощью зеркала и его зазеркалья, в том виде, который иначе был бы не так нагляден и представим. Понятно, что не одно только зеркало может служить тому же, но не назначению и не роли, подобные функциональные и артефактные определения были бы в данном случае неуместны. И тогда возникает вопрос неизбежно – чему? Тот вопрос, который подводит, как следствие, к представлению об экзистенциальной сущности зеркала, о его положении и месте в том предметном мире явлений-вещей во всей его совокупности целого, который в сознании и для сознания, объявляя себя в повериях и приметах, имеется и существует (понятно, не только в них). Того сознания, необходимо добавить, о котором, собственно, речь, характер, свойства, особенности которого в повериях и приметах поэтому будут себя показывать и объявлять.

Возвратимся, однако, к вопросу о зеркале, ответ на который не представляется достаточно ясным и очевидным без всего остального, имеющегося в том же предметном мире явлений-вещей. Ограничимся в этой связи, без вхождения в подробности, уподоблением, не разбирая не только подробно, но и сколь-нибудь сущностно, ни то, ни другое. Ни то, что уподобляется, ни то, чему оно будет уподоблено, но лишь в разбираемом единственно смысле и отношении. Для такого уподобления возьмем ту воду, которой касалась примета с дьяволом, и только в том проявлении, которое могло бы прояснить приближенную к экзистенциальности свойственность зеркала каким-то удобным образом. Экзистенциальную его свойственность в отношении предметного мира приметным сознанием отображенной действительности и по этой причине соответствующим образом с этим миром взаимодействующим.

Чем была бы вода для такого предметного мира, добавим, в ее отношении только к своей поверхности, способной отображать? и не просто отображать, а того, кто в нее смотрится. Место такой воды для сознания можно было бы определять как раскрытый перед глазами смотрящего вход, а где вход, там и выход, вход и выход соединения, а потому, как след-

ствии, обеспечивающий также и переход – этого и того, от этого к тому и в обратную сторону. Своего рода пространственная дыра, понимая под тем, что пространство, как простирающуюся вглубь, вдаль и вверх составляющую не одного лишь земного мира и его бытования, мира и его бытования как таковых. А дыра – как отверстие, предполагающее и допускающее способ проникновения, как внутрь, так и вне изнутри, с тем отличием, что дыра эта существует, имеется и возможна для человека, в условиях его повседневного бытования и таких же, с этим его бытованием связанных свойств, для одного только лицезрения, для смотрения в нее или через нее, без способности и возможности пройти в нее всем физическим своим естеством. В нормально-естественном, что необходимо добавить, для себя состоянии. Так примерно можно было бы определить, не вдаваясь в подробности, место и положение зеркала в его отношении к действительности и жизни в ней находящегося и ее проживающего не только в себе человека.

Поверия и приметы в лингвоконцептологическом восприятии

Существование как самодвижущийся процесс

Предмет рассмотрения в данной работе, и к его подведению служила вся предыдущая часть, обращается, так или иначе, вокруг идеи существования человека (но при этом не бытия, что предполагается к своему изучению в последующем). Существования его в том смысле и отношении, что можно было бы определять как проекцию, которая предполагает его появление на свет, а затем, опуская жизнь как таковую (для данной части исследования, отраженной в работе), как следствие и завершение в самом конце, – уход, оставление этого света, т.е. смерть и с ней умирание.

Не философское, однако и вместе с тем, и не мировоззренческое, а также не психологическое и не социологическое это исследование. Предполагает оно обращение к материалу примет и поверий с изучением, рассмотрением данного материала под определенным углом. В связи с чем, прежде чем перейти к его таковому анализу, видится небезразличным кое-какие моменты и стороны оговорить.

В первую очередь, представляется немаловажным для заключенной в работе концепции обратить внимание на следующую особенность. Поверия и приметы, бывшие объектом данного рассмотрения, располагались (вслед за источником, однако не в этом суть, порядок представленного в нем материала для целей анализа можно было бы без труда переставить) от свадьбы, с учетом того, что предшествует ей и затем естественным образом следует, через рождение, появление на свет, к чему добавляются отображенные в материале представления о детях, к умиранию, смерти, похоронам и покойнику.

Важным было, приходится повторить, не то, что такую последовательность передает, отражая, источник, возможно также, по-своему не случайно, однако, скорее, в силу числа (по крайней мере, для свадьбы), а с этим и большей представленности с ее разработанностью материа-

ла примет, – важным было, увидев, почувствовав, обозначить, отметить, характер такого заложенного в повериях и приметах в себе ощущения и восприятия мира, который передает, отражает какую-то определяющую по отношению к миру и существованию в нем составляющую.

Сказанное не исключает возможности и допустимости иного подхода, напротив, такая возможность и допустимость, предполагая множественность и неоднозначность подходов и взглядов, естественна и неизбежна. То, о чем речь, в связи с этим можно было бы объяснять, но не исходно заложенным выбором, а тем, что складывалось из впечатления при погружении в предмет, в материал примет и поверий. Поясним эту мысль в отношении впечатления, а с этим, как следствие, и сложившейся на его основе концепции.

В связи со сказанным следует говорить о таком подходе к жизни и ее восприятию, который не мыслится, не формулируется, но переживается и ощущается как развивающийся, идущий своим течением, ходом своим процесс. Процесс не зависимый от человека, как от одного, так и от многих, объединенных происхождением, местом, временем своего проживания, людей. Того, что принято определять, укладывая в понятия рода (и с этим народа, но более широко и для материала примет не вполне актуально), в понятия также соседей, семьи и т.п.

Процесс, о котором речь, независимый от людей, имеет характер и вид поступательный, движущийся, самодвижущийся можно было бы без преувеличений сказать. Люди, в составе живущих, как уже родившихся и появившихся в этом мире и находящихся в нем, в составе рождающихся и подрастающих, а также тех, кто ожидается к появлению или, напротив, из этого мира уходит либо ушел, – все эти люди в своей совокупности, не то, чтобы безликой и не различаемой, но не дифференцируемой по индивидуально особенным и своим специфическим свойствам, что само собой разумеется для материала примет, впрочем, как и для текстов народного творчества в целом, однако не в этом дело и не об этом речь, – все эти люди, так понимаемые и, фигурируя в приметах, неизменным образом воспринимаемые, оказываются не то, чтобы втянутыми, а подчиненными и подключенными к чему-то такому, что действует, не только по внешнему виду, но и по внутреннему своему существу не вне их, но как бы помимо их. Помимо их действуя, проявляет и обнаруживает себя этот процесс через них и в них, отражаясь и видясь в них (эффект зеркала, в предыдущей части рассмотренного).

Не углубляясь в особенности и свойства того процесса, о котором ведется речь, в силу того, что предлагаемое исследование не философское и представление об этом процессе необходимо было для объяснения материала, с прочувствованной погруженностью в нем, к тому же абстрактные рассуждения, оторванные от изучаемых текстов, мало что бы вносили

в предмет и решаемую на его основе задачу, – не вдаваясь во все это и не входя, существенным было бы вместе с тем, опираясь на предлагаемый порядок от свадьбы через рождение к смерти (с опущением проживаемой между рождением и смертью собственно жизни как таковой), показать, обозначив, пунктирный характер затрагиваемого, так или иначе, процесса.

С одной своей стороны, он находится, двигаясь поступательно, но при этом нельзя сказать, развиваясь, развития нет, есть циклы, которые, будучи связаны с ним, точнее привязываемы к нему, не имеют к нему как таковому своего отношения. Метафорически можно представить поезд, который движется, где-то себе останавливаясь по расписанию, при том, что такие его остановки являются частью его продвижения, мало существенные, если вообще существенные для него (говорим здесь о поезде, не машинисте, диспетчере и др.), и это движение поезда никак не связано с теми, кто в него, т.е. в поезд, на той или иной его остановке и станции, подключившись к движению, им совершаемому, вошел. Подключение к движению поезда с посадкой в него имеет смысл для вошедшего (вошедших). Для поезда, если это не станет препятствием для него на пути, а в нормальных условиях не предполагается никакого такого препятствия, поезд идет себе и идет по своему расписанию, – для поезда такое их подключение к его продвижению, равно как и для самого продвижения, безразлично. Не важно и не существенно, кто и когда вошел, и вошел ли, кто и когда из поезда вышел, на его продвижение это никак не влияет.

Безразличность и внеположенность такого же рода можно увидеть, прочувствовать и пронаблюдать в повериях и приметах в отношении людей, тех, о ком они и кому адресованы. Безразличие и внеположение эти, касаясь, имеют в виду то, что за всем этим продвижением человека по жизни стоит, можно бы было сказать, от рождения к смерти, но, как оказывается, по внутренней логике материала поверий-примет и процесса, ведущего их, не от рождения к смерти, а от свадьбы через рождение к умиранию. Переводя это все в метафорическое сопоставление с поездом, если рождение можно определять как посадку кого-то на какой-то станции, той станции, которая будет исходно его (для начала его в данном поезде продвижения), с подключением, своим, для себя, не для поезда, к движению в смысле поездки в нем, а смерть, соответственно, с предваряющим умиранием подготовки, как выход из поезда, ожидаемый и для каждого неизбежный, – то свадьбу, в этом контексте можно и следует представлять как отправление, выход поезда от начальной станции. Не будь этого выхода, не будь этой начальной станции, продвижения поезда с подключением всех остальных, пассажиров, к нему не могло бы осуществиться.

Будучи изначальной, исходной точкой процесса свадьба, с тем что предшествует, сопровождает и завершает ее (не будем о циклах, фазах,

периодах и этапах ее говорить, поскольку важно не это, а то, что приметы в себе отражают и передают, способны, по крайней мере, в себе отражать), – будучи таковой изначальной точкой процесса, обозначенного нами как экзистенциальный в его понимании как существования, но не пребывания-бытия, свадьба, с одной своей стороны, соответствующим образом проявляет себя, в каком-то своем, для себя, аспекте и с ним представлении (отображении). И в то же самое время, с другой, задавая общий и следующий за собой процесс, предполагает дальнейшее как продолжение. Здесь, однако, следует важное уточнение, связанное с тем и другим, а также тем и другим обусловленное. Не свадьба, естественно, задает начало процессу, она подключает себя к нему, открывая свое начало в нем для себя, открывая начало не свадьбы, а того, чего началом она является и что далее следовать будет потом.

Из чего получалось бы, обращаясь еще раз для лучшего понимания, к той же метафоре поезда. Поездом в разбираемом случае будет начавшийся свадьбой процесс существования в своем продвижении человека, еще до того даже, как он в этот поезд сел. А та мысль, которая стоит за метафорой поезда в отношении процесса, стоящего за материалом примет, предполагала бы наличие и существование (отвлеченное в материале, но реально множественное в своей проекции для действительности) не одного, что само собой разумеется, поезда, многих движущихся своими путями-дорогами поездов. Объединяет их все, во-первых, их общее отношение к процессу, который они в себе и собой повторяют и отражают, и, во-вторых, то, что процесс этот, для каждого поезда осуществляемый как свой в его продвижении, ничем в обобщенном виде и смысле своем для каждого поезда не отличается. И потому его можно представить как таковой, не имея в виду никакого конкретного поезда, а только, в знакомстве явлений, предполагая его.

Как изначальную точку процесса свадьбу, после того как будет представлено, к ней по повериям и приметам ей полагающееся, можно и следует определенным образом воспринимать, а воспринимая этим определенным образом, соответствующе характеризовать и описывать. Одновременно и с этим как следствие, так же и в том же, процессуально воспринимаемом ключе, можно будет характеризовать и описывать то, что связывалось бы в повериях и приметах с рождением, воспитанием детей и затем умиранием-смертью. Не как развитие представлений о свадьбе, что видится необходимым добавить и уточнить, а как экзистенциально-процессуальное, свадьбой начатое, в человеке отраженное продвижение, с подключением и отключением его от того, в чем с ним вместе находятся все остальные. Такие же, как он, от которых он не отличается, в отношении все того же процесса, ни в чем и никак.

Все это будет основой как самого материала с подходом к нему, так и того, что из этого складывается и получается в ходе и результате производимого над материалом анализа в избираемом развороте.

Возвращаясь к тому, о чем говорилось в предшествующей части, видится необходимым упомянуть о том, что было названо, с одной стороны, *приметным*, а с другой своей стороны, *зазеркальным* как дополнительным (комплементарным) отношением к действительности. Позиция эта, воспринимаемая как целостная и единая, в приметной части предполагала и в материале далее будет предполагать выделение, главным образом и в основном визуальное, из того, что имеется, существует и способно, присутствуя, окружать человека (людей) чего-то отмечаемого, замечаемого и определяемого как важное и на что-то влияющее, с опущением, не обращением внимания, игнорированием всего остального. Выделение это, извлечение, с представлением как объекта, того, что способно, может себя соответствующим образом объявить и на что, вместе с тем, способно и можно в том или другом отношении повлиять, при неприсутствии в текстах примет, а тем самым, как следствие, и в сознании, всего возможного и реально имеющегося в окружающем остального, – выделение это и следует понимать в его положении к тому, что было выведено в заглавии под понятием предметного мира. Предметного мира примет и поверий, в которых имеется, существует одно и отсутствует все остальное, а то, что имеется, что существует и на что обращает внимание текст, находится, с одной стороны, в какой-то позиции и отношении к человеку (в той или иной необходимой связи), а с другой своей стороны, определяет себя, соответствующим образом и в той же необходимой связи объявляя, в какой-то роли своей и с этим, а также не только с этим, в своем, для приметы или в целом примет, значении. Об этом значении и об этой роли того либо иного объекта, группы объектов, равно как и о позиции, положении к человеку при анализе материала и будем впоследствии говорить. Материала, дающего и содержащего в себе представление о предметах, явлениях, свойствах того, что как мыслимый и воображаемый мир находит в них свое зазеркальное отображение.

Зазеркальное, и это было бы второй частью единого восприятия материала, в том понимании, что каждый отдельно взятый предмет (явление, положение, событие и т.п.), равно как и группа каких-то предметов (явлений и пр.), так же как все они в своей совокупности, дают и содержат в себе представление о действительности не той, которая, скажем так, есть, в силу стремления объективного знания и отображения ее, хотя и сама эта так понимаемая ее объективность субъективна и относительна, однако стремление делает ее для сознания объективной, – не той, что приходится повторить, которая есть, а которая в повериях и приметах, через поверия и приметы отражена. Той, которая возникает и складывается как

впечатление, образ на этой основе. И этот образ и с ним впечатление, что естественно и само собой разумеется, зазеркальны в том отношении, что отображают, а отображая, передают нечто свое, иное, нельзя сказать, чтобы искаженное, что было бы применительно к разбираемому материалу неадекватно и неуместно. И это свое и иное своим особым и дополнительным образом к действительности относит себя и себя с ней соотносит. Данное положение не означает, что появляется некая собственная действительность, отличная от действительности привычного повседневного проживания. Не означает это также того, что возникающий из материала, на основе его, образ и впечатление дополняют действительность, как можно было бы из определения предполагать, или что этот образ находится в дополнительном отношении к действительности повседневного проживания в ней. Нет, сама действительность реального повседневного проживания и пребывания в ней, со знакомством с нею по опыту, могла бы служить и в известном смысле служит для восприятия и понимания тем дополнением, которое позволяет понять, впрочем, скорее, почувствовать, то, что за материалом примет и поверий стоит. Понимаемое, видимое (на сей раз видимое) как предметный мир, ими и в них не столько отображенный и переданный, сколько в них, как за зеркалом, о котором в предыдущей части шла речь, содержащийся.

Предварив все то, что будет предметом дальнейшего рассмотрения, приведенными оговорками, пояснениями и уточнениями, можно теперь перейти к материалу. К его такому анализу, который, отталкиваясь от обозначенных положений, будет, с одной стороны, их в себе содержать, а с другой, дополняя, распространяя и уточняя, показывать, что и как хотелось бы, можно и следовало бы для описания предметного мира поверий с приметами выводить, понимая его, по крайней мере, в двух отношениях – как мир предметов, явлений, событий и того, что в нем есть, поскольку представлено, и как действительность, в которой себя проявляют не только предметы, явления, события и пр., но и люди, и человек, в своих позициях, ролях и отношениях друг к другу и к миру их окружающих все тех же предметов, явлений, событий и пр., но лишь тех, которые в этом предметном мире (поверий с приметами) имеются и существуют, при исключении, игнорировании всего возможного остального, к данному миру, из чего это будет следовать, не относящегося и ему как миру не принадлежащего.

О действователях и не действователях на примере примет сватовства

Итак, исходя из сказанного, начнем свой анализ со свадьбы. Предваряет собственно свадьбу, как сложный, растянутый во времени и многоактный процесс, сватовство. Первой приметой, представляемой в источнике, который будем считать основным*, предлагается следующая:

Если сваты сядут под матицу (центральную балку), то сватовство будет удачным.

Вопросы, которые будут в этой связи нас интересовать, связываются, во-первых, с тем, кто такие сваты, какова их роль и в чем состоят представленные в примете особенности их проявления либо, если конкретно, действия. Не в отношении свадьбы с мыслью о сочетании брачующихся, жениха и невесты, равно как и представляемого ими жениха, поскольку не в этом виделась и состояла задача. В отношении того предметного мира поверий-примет, о котором кое-что говорилось, но который вывести и объяснить еще предстоит.

Во-вторых, и в той же самой для выявляемого предметного мира связи, следует определить, для сватов, что означает *сядут* (под матицу), равно как и то, применительно к сватам и тому, что они делают в момент сватовства, чем является матица, или центральная балка в доме, с учетом процесса, который себя развивает в свадьбе, и с учетом роли ее в отношении достигаемой сватами цели. Не в том понимании и смысле, каково ее место в доме и с этим, как следствие, традиционные представления о ней значимо сакрализованного характера, а в смысле позиции и отношения к другим каким-то возможным предметам (для предметного мира примет).

И, наконец, последнее, что будет в-третьих, чем является сватовство, неважно удачное или нет, в последовательности всех остальных производимых, отмеченных и располагаемых во времени этапов и актов свадьбы. Какова позиция сватовства, но не применительно к свадьбе как таковой, а в отношении того процесса, о котором ранее говорилось, определяя его как экзистенциальный, скрытый и самодействующий в своей такой экзистенциальности. Поскольку, и это видится как крайне важное пояснение, удачность для сватовства, что следует из приведенной приметы, не зависит от допустимо предполагаемых других обстоятельств, включая

* Основным источником, вполне достаточным для поставленной задачи, поскольку полно и в тематической последовательности представляющим материал, был уже ранее указанный сборник: В.А. Кульматов, Т.В. Кульматова: *Русские народные приметы и поверья...* Все анализировавшиеся примеры брались из него.

способности сватов красно говорить, убеждать, от положительных качеств жениха-кандидата, от обеспеченности как его самого, так и его семьи, от хорошего его воспитания и не низкого положения, что обычно учитывается и играет свою неизменную роль (вопрос о любовной привязанности можно и опустить, поскольку не к сватам он будет иметь отношение). Удачность осуществляемого сватами действия, предполагающего достижение своей очевидной цели, зависит, согласно примете, от того, сядут ли они под матицу. Не следует добавлять при этом, *или не сядут*, поскольку то, что не сядут, не предполагает, во-первых, неизбежности неудачи, а во-вторых, и это будет определяющим для разбираемого вопроса, в приметах ничего по этому поводу не говорится. Особенность мира примет, та особенность, на которую здесь и в дальнейшем следует обращать внимание, заключается в том, что удача осуществляемого сватами сватовства напрямую зависит от того, что они сядут под матицу. Все остальное, если себя не объявит в приметах применительно к действиям сватов с удачей из этого для сватовства, с учетом того, что определялось как свойство приметности, не может учитываться и рассматриваться.

В доме (говоря о приметности), куда приходят сваты для сватовства, выделяется матица, а с нею затем, как дается в других приметах того же смысла с удачей, также что-то еще, то, что действует и используется в отношении достижения этой самой удачи. Все остальное не замечается, не отмечается и потому для примет об удаче для сватовства в представляемом ими предметном мире не существует.

Начнем разрешение поставленных трех вопросов со второго, как более очевидного. Первое, на что следует обратить внимание, будет сводиться к тому, чтобы установить – то, что производится сватами после их вхождения в дом невесты (то, что это дом невесты, думается, своего пояснения не требует), действие или не действие? и какого характера это действие либо не действие в отношении того, чем является сватовство, равно как и того экзистенциального и самодвижущегося процесса, о котором до этого говорилось. В позиции осуществляемого сватами действия либо не действия к нему подключения.

Чтобы ответить на этот второй вопрос, возьмем для примера и сопоставления примету на ту же тему:

Если сваты унесут с собой из дома невесты вехоть (ветошь), то сватовство будет удачным.

А также еще одну, о том же, но как бы с другой стороны:

При сватовстве родным невесты следует убрать подальше веники и старые башмаки, чтобы не унесли их сваты; если сваты

унесут что-либо из этих вещей, то невеста непременно выйдет за предполагаемого ими жениха, даже если он и не будет соответствовать ей родом и достатком.

Появляются, в отношении предметов, помимо *матицы*, применительно к той же цели у сватов для их сватовства и в том же доме, куда те приходят, *вехоть* (ветошь), *веники* и *старые башмаки*, однако, об этом после, поскольку в разбираемом случае речь о действии либо не действии. Если с матицей обстоит дело так, что сваты, для удачного достижения своей цели, под нее должны сесть (*если сядут*), то об остальных предметах общается, что их те могут с собой унести: *если сваты унесут с собой из дома невесты* (вехоть); *если сваты унесут что-либо из этих вещей*.

Речь в этом последнем случае, двух последних случаях, ведется, следовательно, о забирании, присвоении, прихватывании, *унесении с собой*, тех предметов, принадлежащих и относящихся к дому невесты, которые старые, с одной стороны (вехоть и старые башмаки), пропитанные, скажем так, всем тем, что имеет не просто свое отношение к дому, но к пыльному и сорно-нечистому низу его (веники и башмаки), с другой, со "снятым" ими и содержащимся "памятью" в них хождением, перемещением по этому дому его домочадцев (*родных невесты*), что было бы третьим, еще одним, показателем свойств, заложенных в предопределение удачи осуществляемого сватовства, и куда относились бы и вехоть, и веники, и старые башмаки.

Тем самым, с одной стороны, имеется унесение с собой, как активное действие, предполагающее для сватов необходимость увидеть, выделив из всего остального, отметив как средство для достижения цели (это же будет касаться и матицы, которую, впрочем, не надо особо высматривать и глазами искать). После чего постараться, присвоив, возможно припрятав, прибрать, предприняв для этого соответствующие усилия, что может быть и не столь простым делом, однако не будем вдаваться в детали, поскольку не в этих деталях суть, важно, что это может иметь свою длительность и протяженность. И, наконец, в завершение, по исполнении порученного им задания сватания, уходя из дома невесты, с собой эту вещь либо вещи, унести, вынеся за пределы дома и перенеся на свою, скажем так, территорию.

С другой стороны, применительно к матице, знания о ней как о средстве для достижения цели оказывается достаточным для того, чтобы, войдя в дом невесты (если, конечно, в него войдя), не предпринимая каких-то особых манипулятивных усилий, подойти и сесть под нее. Опустим не исключаемые при этом со стороны родных невесты какие-нибудь игровые либо другого рода препятствия, поскольку не в этом в данном случае учаемый вопрос.

С одной стороны, получается, следовательно, элиминативное по своему характеру действие, производимое сватами для достижения цели. Элиминативное в смысле лишения в свою пользу, отторжения с последующим прихватыванием, забиранием и унесением и, если присваиванием, то внешним и не исключено, что временным.

Элиминативным действием для предметного мира примет, таким образом, называться будет такое, которое предполагает наличие некоего предмета (предметов) у субъекта (субъектов), которого другой субъект либо субъекты лишают, отторгая данный предмет либо предметы в свою пользу, не обязательно при этом присваивая в смысле владения и обладания, но важно, что в свою пользу, имея под этим в виду какую-то цель, которая может предполагать причинение вреда либо какое-то ущемление и подчинение себе, своей цели, владельца. Схематически это может быть передано в следующей формуле:

$$SI > O(S2) > O(S2 > SI) > SI(S2/O) > Fin(SI)$$

Некий активно себя проявляющий субъект *SI*, вторгаясь в сферу присутствия и обладания либо одного только обладания субъекта *S2*, действует на предмет, принадлежащий тому *O(S2)*, таким образом, что отторгает его в свою пользу *O(S2 > SI)*, что ведет к подчинению субъектом *SI* себе субъекта *S2* через этот предмет *SI(S2/O)*, делая возможным и обеспечивая достижение *SI* своей цели *Fin(SI)*.

Описанное подобным образом действие, с участием и при посредстве используемых для этого, но отнюдь не случайных и не любых, а приметных, предметов будет и характерно, и свойственно для разбираемого нами предметного мира.

С другой своей стороны, для достижения той же цели сваты могут, используя, прибегать не к элиминативному по своему виду и проявлению действию, а к тому, что можно представить как локализованное расположение себя в отношении чего-либо (матицы) в помещении (доме невесты). И что будет важным при этом, помимо того, что себя: а) под тем наблюдаемо видимым и очевидным предметом, который, составляя несущую и верхнюю основу дома невесты, держит верх его на себе (центральная поперечная балка, на которую кладутся другие); б) под этим предметом сватам необходимо не просто, став, оказаться, но, разместив себя основательно, сесть.

Из чего выходило бы, что в предметном мире примет имеются некоторые пространственные объекты, которые (как в случае с домом), следует определять как помещения, или закрытые локусы, в которых может что-либо или кто-либо находиться и пребывать. Помещения эти могут иметь обладателя (обладателей), т.е. кому-то принадлежать, а также слу-

жить местом их более или менее постоянного пребывания (проживания). Имеются в помещениях этих предметы, являющиеся, выступающие их неотъемлемой частью, входящие в их структурный и строевой состав, из которого и в пределах которого есть также те и такие, которые составляют основу, своего рода, возможно, несущую ось, собирающий центр всего либо важной части всего. Имеются также в том же предметном мире субъекты (люди), которые каким-либо образом действуют либо как-то себя проявляют – ходят, сидят, лежат, видят, носят, надевают на себя, снимают, поднимают что-либо, к себе прикладывают и т.п.

Все это, как само собой разумеющееся для не приметной действительности реального повседневного проживания, в предметном мире примет, оказываясь задействованным в какие-то свойственные им значения и отношения, проявляет себя по-другому, становится, в существе своем, чем-то другим. Дом невесты для сватов и осуществляемого ими в нем, с их приходом в него, сватовства – это то помещение, в котором они, находясь, должны то-то и то-то сделать, для того чтобы своей цели достичь. Тем самым, для них это место активного их проявления (и соответствующего поведения), предполагающего необходимость реализации поставленной цели, а не просто место в нем нахождения и пребывания в какой-то момент. И к так понимаемому дому сваты относятся, должны относиться с учетом и в преломлении того задания, с которым они пришли.

Опуская все остальное, следующее из сказанного как развитие и продолжение, применительно к матице, а также, на данном пока что этапе, родным невесты, самой невесте и пр., что будет предметом дальнейшего рассмотрения, – то, что *сядут* (сваты под матицу), поскольку об этом в данном случае речь, представляет собой не просто позиционно ориентированное себя размещение (а тем самым, не действие с точки зрения мира примет) под верхом осевого держащего центра того помещения, в котором реализуется цель, но размещение прикрепленное, основательное, припечатывающее, поскольку *сесть*, означая какое-то, пусть и временное, но постоянство, не мимолетность и мимоходность (зашли и вышли), предполагает, внутренне, освоение и притягивание, себя к месту сидения и, соответственно, место сидения к себе*.

Из чего получалось бы, что, если первое, с унесением с собой (ветоши, веников, старых башмаков), было действием, элиминативным по своему значению для предметного мира примет, то это второе, при *сядут под матицу*, следует объяснять не как действие (хотя действие и лежит в основе его, поскольку говорится в примете, что не *сидят*, а *сядут*, предполагая осуществление и направленность), но как себя размещение, имеющее

* Ср. в указанном отношении оборот *греть место кому, греть лавку, скамейку* в смысле сидеть с представлением о проникающей собой данное место основательности.

смыслом внесение и расположение, ориентированное в пространственном локусе помещения его обладателя к верху несущего центра (помещения):

$$SI(DomS2) > SI(PosVal/CulmenDomS2) > Fin(SI)$$

Субъект *SI*, находясь в помещении, принадлежащем *S2*, *SI(DomS2)*, обосновываясь, *Val*, располагает себя, *Pos*, ориентируясь к центральному верху, *Culmen*, помещения *S2*, *SI(PosVal/CulmenDomS2)*, что ведет к достижению цели для *SI*, $> Fin(SI)$.

Смысловую группу проявлений субъекта (субъектов) подобного рода можно было бы называть в обобщении позиционно ориентируемым саморасположением, т.е. чем-то принципиально отличным от предыдущей, также типологически представляемой, группы действий, по своему характеру и значению элиминативных. И тогда то, что это позиционное саморасположение предполагает ориентированность в пространственном локусе помещения его обладателя к верху несущего центра следует представлять как значение, или семантику, данной, в контексте сватов и сватовства применительно к матице, себя проявляющей единицы. Об этом всем будет говорить впоследствии.

И остаются еще два вопроса из обозначенных ранее – кто такие сваты и чем является сватовство применительно к миру примет, с одной стороны, и экзистенциальному саморазвивающемуся процессу, с другой. В отношении того и другого при этом следовало бы сказать, что как мир примет, так и экзистенциальный процесс, о котором перед тем говорилось, явления не просто взаимосвязанные, но существующие и проявляющие себя как единое целое. Не то, чтобы это было одно и то же, но одного без другого нет. Мир примет как предметный представляет собой не что иное, как проявление реализующего себя в нем, воплощаемого и одновременно с этим его регулирующего и им управляющего процесса. К подобному положению при анализе обращаться придется не раз.

Невеста как центральная фигура свадьбы и сватовства

В контексте сказанного и рассуждая последовательно, задаваясь вопросом, чем являются сваты и то, что они производят как сватовство, не о том приходится говорить, что понятно и общеизвестно в аспекте предполагаемого заключения брака и ритуально-обрядовых действий, ему предшествующих и его затем сопровождающих, но фактически о другом. О том, чем является то и другое по отношению к всё тому же миру примет и процессу экзистенциального продвижения, который за ним стоит.

Для того, чтобы к вопросу этому подойти, необходимо представить, прежде всего, в чем состоит реализуемая сватами роль в отношении всего того, с чем они в дом невесты приходят и что за этим должно или может последовать. Несколько забегаая вперед, представляется небезразличным и показательным в разбираемой связи обратить внимание на то, что в соответствии с материалом примет, центральной фигурой всего того цикла, который себя проявляет в свадьбе и с нею связанных действиях выступает невеста. Все остальные участники обусловленной этим активности, так или иначе, обращаются вокруг этого центра, проявляя себя каким-либо образом, тем или другим, применительно к ней.

Но это первое, на что следует обратить внимание. Второе, также в связи с невестой, но несколько шире и в обобщении, будет о том, что собой представляет эта самая определяющая все остальное фигура невесты, с одной стороны, а с другой, что, собственно говоря, происходит с ней, с этой центральной фигурой, в происходящем в своих этапах развитии и, если шире и в обобщении, что может как таковое происходить, имея в виду не только это, но и все остальное в мире примет, применительно к разбираемому циклу жизни (так это было определено), т.е. свадьбе – рождению – смерти.

Обращаясь в предлагаемом определении к первому, или центральной фигуре, и памятуя о том процессе, о котором шла речь, невеста видится как... и вот тут возникает важный вопрос, какое слово можно было бы подобрать для ее более или менее точного определения применительно к тому, что над ней совершается (ибо именно так это выглядит по приметам), но не с точки зрения всех остальных участников, имея в виду жениха, родных, матери и отца, включая сватов, дружек, сваху, так называемых свадебников, или поезжан (свадебный поезд) и всех прочих других, каким-либо образом в приметах задействованных, а с точки зрения все того же процесса и с ним предметного мира, о которых ведется речь.

Попробуем разобраться с этим всем по порядку, с тем чтобы в результате к чему-то прийти. В контексте того, о чем следует и приходится говорить, невеста выступает как такая в человеке себя проявляющая субстанциональность (двигааясь в обобщенном определении), которая, с одной стороны, подвергается мене экзистенционального состояния, а с другой стороны, проявляет себя в отношении той же мены. Не случайно было использовано понятие субстанциональность, с существенным добавлением для ее проявления в человеке, поскольку невеста в разбираемом случае как таковая не объект, также как не субъект, и, развивая возможные проявления, не агент, хотя способна, может и выступает то одним, то другим, то третьим в различных, имеющих к ней отношениях, повериях и приметах. Однако не о текстовых проявлениях разбираемой сущности в данном случае речь, а о целостном восприятии.

Говоря об этом целостном восприятии и отвлекаясь от невесты как таковой, мысля о ней как о явлении, или сущности, применительно к миру примет и процессу, за ним стоящему, следовало бы сказать о том, что в ней, в этой центральной для цикла свадьбы фигуре, заложено, собственно говоря то начало, которое в человеке, опять это следует подчеркнуть, в человеке, как экзистенциальной субстанциональности, далее, разворачиваясь и переходя, получает свое развитие и продолжении, в рождении (забегая вперед) и впоследствии в смерти.

Невеста, как такая фигура и экзистенциальная роль, существует, с одной стороны, как то, что меняет экзистенциальное (приходится повторить) свое состояние, а с другой, в результате и вследствие этой мены, становится источником и вместе с тем средством развития всего остального. Мена, которая с ней происходит и над ней производится, не следует в данном случае говорить, что людьми, хотя по внешнему проявлению это так выглядит, люди также, однако, в контексте того же процесса себя объявляют и соответствующим образом действуют, – мена эта, одновременно и вместе с тем, выступает средством и целью того, что над невестой как над субстанциональностью человека и в человеке производится, равно как и средством и целью всего себя осуществляющего вслед за этим дальнейшего.

Если невеста переживает, проходит, должна пережить и пройти, мену экзистенциального состояния, как в человеке себя проявляющая экзистенциальная субстанциональность (тавтология здесь неизбежна), то сваты, о которых речь, выступают, с одной, человеческой, скажем так, стороны, как каузирующие необходимую для этой субстанциональности мену, а с другой стороны, той, которая от процесса и связана как его проявление с ним, они становятся импульсами, побуждающими все ту же мену толчками процесса. Тем, что, объявляя себя на поверхности, выходя на нее изнутри (в то время, которое как назревшее наступает, выступая наверх), провоцирует, призвано провоцировать, необходимое в отношении невесты (также как и в ее лице) изменение, предполагающее, со сменой ее для нее экзистенциального состояния, возможность дальнейшего, в человеке, продвижения процесса, который за всем стоит и который себя в том, что происходит с людьми, объявляет.

Сваты, следовательно, каузаторы мены экзистенциального состояния в отношении невесты (импульсирующую, скрытую форму их, от процесса идущую, можно было бы к каузации подключить). И тогда сватовство можно было бы, не особо задумываясь и не входя в обстоятельства, обозначить как каузирование указанной мены. Однако и вместе с тем все это и неоднозначно, и не так просто.

Отвлекаясь от материала примет, но оставаясь при этом мысленно в их контексте, видится необходимым учитывать, с одной стороны, зада-

ваемый, конвенциональный характер того, что производится сватами и к чему они призваны по налагаемой роли на них. А с другой, неизбежно иметь в виду и того, от лица и в пользу кого они выступают, кого замещают собой, если бы подобное их положение было возможно. Однако не замещают, а также и не репрезентируют, хотя по внешнему виду это так можно себе представлять. Проявляют себя, получается, две позиции сватов – по отношению к их общественной, скажем так, роли, не находя другого, более точного, определения, и по отношению к жениху.

Остановимся, не углубляясь в вопрос, поскольку поверия и приметы общественной роли сватов, как чего-то само собой разумеющегося, не проявляют, а вхождение в процессуальные положения социума и имеющихся при нем социальных ролей увело бы несколько в сторону, остановимся, не исключая сказанного, а предполагая его, на том, что каузирование сватами мены экзистенционального состояния невесты, с точки зрения социума, обусловлено и конвенционально. Социум, в отношении процесса, о котором шла речь, выступая континуально-континуумным отображением его (ограничимся таким представлением), применительно к сватам объявляет и проявляет себя, с учетом того же процесса, выставляющим, испускающим из себя тех, кто, будучи предназначен по роли как каузаторы (мены и пр.), должен быть и становится конвенционально заложенным обусловливанием необходимо предполагаемой мены.

И, наконец, жених, но в данном случае только с позиции отображаемого повериями и приметами сватовства, выступает обычно скрытым приобретающим, тем, кто, с одной стороны, что вполне понятно и объяснимо, приобретает, берет, претендуя на обладание, себе невесту, а с другой, и это будет иметь отношение к процессу, роль его такова, что приобретение это, в его проявлении для невесты, до мены ею своего экзистенционального состояния с переходом к нему (жениху), на этом заканчивается, поскольку далее он уже не жених. Можно бы было развить эту мысль, выходя за границы и формы приметами отмечаемого материала и обращаясь к идее процесса, о котором шла речь. Задавшись вопросом в этой связи, кем выступает жених как в человеке через него воплощенная экзистенциональная субстанциональность, подчеркнув, что в повериях и приметах это не отражено и такое домысливающее расширение к ним не будет иметь своего отношения. Тем самым, это был бы мировоззренчески-философствующий по сути своей подход. С тем, чтобы в дополняющем рассуждении соотнести различные стороны предсвадебного (в сватовстве) соучастия.

Не следует думать, что речь в данном случае может идти о соотношении легко возникающего противоположения мужского добрачного зрелого женскому, также зрелому и добрачному. В отношении все того же процесса это не применимо. Так же как невеста, будучи центральной фигурой

того, о чем говорилось ранее, определялась как себя объявляющая в человеке экзистенциальная субстанциональность применительно к происходящей с ней и в ней мене, опять же экзистенциального, своего, и не одного только своего, состояния, а будучи таковой, это не следует ни рассматривать, ни представлять как женское проявление зрелого и добрачного, – таким же образом и жених, в разбираемом ключе и с ним смысле, не может аналогично и симметрично либо асимметрично рассматриваться.

Роль и позиция той в человеке экзистенциальной субстанциональности, которая объявляет себя в женихе, но не в материале примет, еще раз подчеркнем, а в том мире, который за ними стоит, не присутствуя, не осознаваясь, но действуя, – эти роль и позиция, как можно прочувствовать и заключить, не к мене экзистенциального состояния сводятся. Представить их можно как иницилируемый по своему характеру поиск, не приобретаемой невесты, что видится важным следствием, и не приобретение ее в обладание себе, но через нее, при ее посредстве и в ней, сводящийся к самоприобретению поиск, предполагающий реализацию себя, с определением в данности приобретаемого вследствие всего этого существования своего положения и экзистенциального места. Иными словами, жених – это та в человеке себя проявляющая экзистенциальная субстанциональность, которая иницилируемо (но не побуждаемо) стоит, объявляет себя на этапе, предполагающем поиск, имеющий смыслом и целью приобретение, можно было бы добавить, в этом мире себя. Имея под миром в виду не предметный мир примет и поверий, а обобщенное представление о жизни как таковой в отношении ее к человеку. В кратком и сжатом определении можно бы было сказать, что жених – это иницилирующая свой собственный поиск субстанциональность в человеке самоприобретения.

Итак, если сваты, с позиции и точки зрения их отношения к невесте в том ее смысле, которое было отражено, выступают как каузаторы ее ожидающей и ей предназначенной мене экзистенциального состояния как субстанциональности в человеке и пр., а с точки зрения жениха определялись как, с одной стороны, его представители, а с другой, как те, кто себя проявляют в том, что ими осуществляется и к чему они призваны, как действующие в его пользу и для него, следовательно, в этом смысле своем, как агенты, – то чем тогда будет производимое ими мероприятие, называемое 'сватовство'?

С одной своей стороны, сватовство – это их задание, то, что они получают для исполнения, которое имеет, помимо цели, осуществление, которое означает удачу всего предприятия, также и определенный вид и характер, предполагающий реализацию в конвенциональной последовательности, этапах и производимых действиях, как вербальных, так и невербальных, которые не положено нарушать. С другой стороны,

задание это, с точки зрения самого его производства, нередко неодномоментно и многоактно. Это последнее означает, что складывается и состоит из какой-то цепочки производимых действий, ведущих, в конечном своем итоге, к достижению либо не достижению поставленной цели. Мероприятие подобного рода, следовательно, можно определять как занятие, в отличие от каких-то других, производимых как действия или не производимых как действия, активных либо пассивных поведенческих форм проявления человека, что будет показано при последующем рассмотрении на основе текстов примет и поверий.

Роли участников отображаемого приметами сватовства

Обратимся теперь к сватовству, опираясь на приведенные ранее три приметы, достаточные в содержащемся в них материале, чтобы что-то на их основе увидеть, о чем можно было бы говорить.

В первой примете (напомним) речь ведется о том, что, если сваты сядут в доме невесты под матицу, то сватовство будет удачным. Вторая и третья равным образом касались еще одного их проявления: если удастся им унести с собой из дома невесты ветошь (вехоть), веники или старые башмаки, это также будет сулить удачу полученному ими заданию. Чтобы этого не случилось в любом, в том числе нежелательном, случае, родные невесты стараются спрятать эти предметы от сватов, ибо иначе у невесты не будет иного выбора, как выходить за не соответствующего ей положением (родом и достатком) жениха.

Из всего этого получалось бы, что активными действующими, т.е. агентами, в сватовстве, на основе данных примет, выступают сваты, с одной стороны, как представители жениха, и родные невесты, с другой. Взаимодействие между ними не обязательно будет иметь сотрудничающий характер, его, скорее, в определенном смысле можно было бы определять как противоборствующее. Не в том понимании, что если целью одних, или сватов, является достижение результата, то цель других (родных невесты) состоит в препятствовании им в таком достижении, но в том понимании и отношении, что родные невесты видят своей задачей отдать ее замуж не за любого предлагаемого сватами жениха и не любой ценой. Иными словами, имеют во всем этом предприятии свои представления и свои условия. И тогда, если сваты себя проявляют и действуют как агенты, поскольку себя в сватовстве проявляют активно, то родные невесты, также себя проявляя активно, могут рассматриваться как контрагенты по отношению к тому же производимому сватами сватовству – занятию, реализуемому в определенной последовательности конвенционально отмеченных актов.

Невеста во всем этом себя активно не проявляет, выступая объектом того, что над ней производится сватами и в чем родные ее выступают как контрагенты-участники. И, наконец, еще один, однако не действующий во всем этом персонаж – жених, в пользу которого и от лица которого действуют сваты. В отношении роли определять его можно как субъекта.

Три (четыре) обозначенных роли – агентов и контрагентов, объектов, субъектов – неизбежно будут встречаться и себя проявлять в материале также других примет и поверий. Представить их можно было бы следующим образом:

Агент (Ag в предполагаемых формулах) – тот, кто действует либо активно себя проявляет в отношении чего-либо, осуществляемого им самим, производимого кем-то другим либо чего-то происходящего, в чем он выступает и объявляет себя как задействованный (со)участник (партиципатор).

Контрагент (Conrag), соответственно, также агент, со всеми для него характерными свойствами, положение и роль которого определяются как противопоставленные, кооперативные либо нет, по отношению к другому агенту. И агент, и контрагент, что необходимо добавить, может себя объявлять как одно, так и не одно лицо, более чем одно, совокупно множественным числом, как совместность.

Объектом (Obj) будет, в этой связи, такое лицо, наблюдаемый и присутствующий при всем совершаемом, но пассивный при этом, участник либо не наблюдаемый и не присутствующий, и тогда не участник, на кого направлено осуществляемое другими действие (последовательность определенных действий) либо активность и без которого, без задействуемой ими роли которого, эта активность, производимые агентами и контрагентами действия, теряли бы смысл.

Субъектом (Subj) будем считать и называть того, кто не действует либо прямо и наблюдаемо не действует, но выступает как заинтересованное лицо, в чью пользу, обычно, как правило, какие-то действия агентами (контрагентами) осуществляются, что-либо производится, активность какая-то предпринимается. Лицо, которое может каким-либо образом реагировать, что-либо выражать, заявлять, отмечать, с возможной при этом целью лучшего для себя достижения цели, уточнения, корректировки, верификации, контролирования. Тот, кто зримо либо незримо, явно либо неявно задействован и, тем самым, участвует в производимых другими действиях, предпринимаемой ими активности либо происходящем.

Исходя из того, что говорилось по поводу производимого сватами сватовства в отношении невесты (роль и линия жениха в приведенных текстах примет не задействованы), объяснять его (сватовство) можно было бы как 'каузацию конвентива в отношении объекта предполагаемой мены экзистенционального состояния (субстанциональности в человеке, что от-

мечалось ранее) в пользу субъекта принятия, приобретения, обладания (ассумптора) объектом осуществляемой мены'.

Каузация конвентива в том понимании, что сваты ведут себя по отношению к невесте (объекту мены экзистенционального состояния, объекту, поскольку мены, производимой над ней) как побудители, те, кто выступают явной и очевидной причиной закладываемой в их действиях свадьбы, для невесты имеющей то значение и тот смысл, что она, становясь женой для кого-то, в своем замужестве с этим лицом (мужем, до этого женихом), изменяет экзистенциональное свое состояние для себя, становясь в этой роли и в этом своем состоянии тем, а точнее той, назначение которой сводится, в частности, но в существенной и определяющей частности, к продолжению рода (мужа), с одной стороны, и к поступательному развитию экзистенции человека, с другой, в последующих поколениях, своих детей и детях детей. Это все входит в понятие и представление каузации – для сватов, а конвентива – поскольку все это обусловленная, традицией освященная, общепринятая и общепонятная, устойчивая и неизменная в своих проявлениях и значениях вещь. Конвентива также в том понимании, что действия, производимые сватами при сватовстве, имеют конвенциональный, а не импровизированный, характер (импровизация может касаться отдельных моментов, но не самого сватовства в его этапах, целях и проявлениях).

Итак, сваты, агенты каузативного конвентива, *Ag(CausConvent)*, того, о чем речь, т.е. сватовства, со всем, что при нем в отношении мены, невесты и пр., как активные действователи, выступают в роли активно-направленных исполнителей производимого ими действия, стремясь к неперемному (согласно текстам приведенных примет) достижению цели, *ProfectFin*, для чего используют, могут использовать диспозитивные, *Disposit*, (сажаясь под матицей, основательно располагая себя под ней) и депортативные, *Deport*, средства в отношении хабитативного проприатива, *HabitPropr*, (унося с собой ранее упомянутые предметы из дома невесты).

Контрагенты того же, *Contrag*, или родные невесты, выступают в роли тех, кто стремится к уравниванию (запросов и предложений сватов с позиции жениха), т.е. конгруенции, противодействуя сватам, *Resist*, по признаку неперменности достижения ими поставленной цели, *ProfectFin*, для чего препятствуют реализации ими возможности депортатива, пряча веники и старые башмаки, как предметы, "пропитанные" домом невесты, содержащие в себе его отпечаток и след (хабитативный тинктум-проприатив). Конгруентность, тем самым, имеет характер возвратно направленный, родными невесты, контрагентами, на себя, а ресиантность, с их стороны, направляется ими на сватов, т.е. агентов.

Представленное можно выразить в формуле, которая одновременно являет собой модель того, что производится в сватовстве с учетом вза-

имодействующих в нем участников. Формула эта неполна, отображая ведущие признаки, за которыми, по своим моделям и формулам, стоят другие, их проявляющие и объясняющие (для 'мены экзистенциального состояния', 'дома', 'пропитанности', 'отпечатка', 'следа' и пр.):

$$\{Ag[(CausConvent)(ProfectFin)] < Contrag(CongrResist)\} > Obj(MutExist) \\ | Subj(AssumptObj)$$

Модель эта, как можно заметить, в своей проективной и объявляемой, наблюдаемой, части, трехместна (без субъекта-ассумптора, т.е. жениха), и четырехместна как существующее в общем сознании и представлении целое, включая субъекта-ассумптора (жениха). Места в модели определяются видами и ролями участников (сваты, родные невесты, невеста, жених в разбираемом случае), сопровождаясь признаками, к ним относимыми. Количество мест у модели, равно как и взаимодействующий их характер, $[Ag < Contrag] > Obj | Subj$, с учетом также самих ролей составляющих, будут служить в дальнейшем при рассмотрении типологическим различающим основанием. Что-то другое, помимо описанного здесь сватовства, будет устроено по-другому, что и найдет свое отражение в его модельной организации.

Сговор как этапная форма возможного проецирования (для невесты)

Переходя к последующему этапу разбираемого цикла свадьбы, рассмотрим примету, из того же источника, имеющую отношение к сговору и связанную, тем самым, со сватовством. Невеста в этом случае проявляет себя как активное, заинтересованное и в свою пользу действующее лицо:

Если невеста, сидя за столом во время обручения, подложит под себя правую руку, то у нее столько лет не будет детей, на скольких пальцах она сидела.

Явным и очевидным участником данного акта (назовем это так, не вдаваясь в дальнейшие уточнения) выступает невеста, остальные в нем, присутствующие и могущие при этом быть, себя не проявляют. То, что осуществляет невеста, сидя за столом во время своего обручения, касается ее самое и, по внешнему виду, ее еще не рожденных, но вероятных и предполагаемых вследствие брака детей, которые выступают объектами

закладываемого ею на будущее, обремененного ими, своего состояния. На какое-то время, по своему вступлению в брак, невеста, супруга в будущем, не хочет их иметь, что выражается в предлагаемом ей в примете выборе, определяемом количеством пальцев правой руки.

Все это интересует нас в двух отношениях. Во-первых, чем себя объявляет сговор с его приложением к невесте, которая действует в разбираемом случае как активный агент. И, во-вторых, как это все выкладывается в стоящую за всем этим модель, что эта модель собой представляет, как в семантическом, так и в типологическом ее понимании.

Сговор, в названном проявлении, можно было бы определять как 'проецирование (в будущее) невестой своего положения, не обремененного не родившимися пока что еще детьми, а потому воображаемыми и представляемыми, на какое-то время, определяемое и закладываемое ею самой'. И это было бы тем, что было означено первым.

Второе, или модель, сводилось бы к представлению сказанного как проецирующего откладывания, *ProjectDelat*, невестой, выступающей в роли агента, *Ag*, применительно к данному проецированию, объектом которого были бы воображаемые дети, *ObjImag*, по показателю обремененности, *Molest*. Модель бы тогда получалась двуместная, с дополнительным индексом времени при *Delat*:

$$Ag(ProjectDelat) < > ObjImag(Molest)$$

Сопоставляя полученную модель, для сговора в отношении невесты, с представлением того, что этот сговор может для ее положения в будущем предполагать, немаловажным видится ряд возникающих в данной связи обстоятельств. Прежде всего, касающихся самой модели в представленной формуле. Можно ли предполагать, что 'проецирующее откладывание', как это было названо, отраженное в ней, будет последовательно и, тем самым, типично иметь двуместность структуры или такое устройство определяет себя для семантики только данного положения вещей? То есть тогда, когда объектом откладывания выступает что-то одно (воображаемые дети, как в разбираемом случае), с таким же одним агентом как его проецирующим, для себя, что, видимо, не случайно, лицом.

Из этого следует, также типологическое по своему существу, продолжение. Двуместность, четырехместность, а также трехместность либо другая возможная в предполагаемом составе своем, выводимая из числа потенциальных участников, определяют ли то, что отображается ими? Или то и другое между собой не связано? Иными словами, если проецирование, относимое, как в данном случае, к отодвижению, переносу во времени того, что лицом (не единственным также и в том числе, но единым в общем своем отношении к проецированию) ожидается, предполагается

и что возможно, как желаемое либо наоборот, если такое в своем существовании имеет агента, распространяясь и переходя на объект, то, видимо (ничто не мешает это предположить, к тому же и материал примет содержит такую возможность), у проецирования как такового и вне связи с определяемым положением вещей может быть как субъект, в пользу которого и от лица которого проецирование осуществляется, равно как и контрагент, который способен себя проявить (что может быть реже, но вовсе не исключено).

Получается, что, если конвенциональный каузатив, как в предыдущем примере, проявляя себя в отношении сватовства применительно к мене экзистенционального состояния для объекта (невесты) и имея при этом агентов и контрагентов взаимодействия, сватов и родных невесты, вышел четырехместным, то это количество мест оказывается обусловленным вовсе не тем, что это конвенциональный каузатив, а тем, что он касается названной мены и направлен не на себя, не возвратен (как в случае с проецированием невесты откладывания времени появления у нее детей), а направлен со стороны агента на кого-то другого, имеет субъекта, в пользу которого данное действие производится, и контрагентов второй стороны соучастия.

Из чего будет следовать представление о том, что количество мест и, тем самым, структура модели, обуславливаясь числом соучастников, зависят не от того, что составляет смысл их проявления, каузация ли это или же проецирование, как в материале приведенных примет, а от того положения, которое за этим стоит. Направлено ли производимое действие на себя и, тем самым, возвратно, имеет ли оно то лицо, в пользу которого производится, участвует ли при этом кто-то другой (другие), который действует от себя, в свою пользу либо кого-то еще. А будет ли это, как в приведенных примерах, каузация или проецирование, оказывается не важным.

Продолжая высказанную в предыдущем абзаце мысль, подходим к той типологии (ибо возможна также другая), которая проявляет себя в количестве мест, занимаемых участниками определяемого в приметах и через приметы положения применительно к тому или иному проявлению экзистенционального, самодвижущегося процесса, в людях себя отражающего, о котором ранее говорилось. О других типологиях с их основаниями речь пойдет в соответствующей, их обнаруживающей, связи.

Прежде чем перейти к представлению последующего, отраженно-го в материале примет применительно к разбираемому циклу свадьбы, немаловажным было бы установить, чем становится сговор как таковой, в отношении цикла свадьбы и производимой как следствие в нем мены экзистенционального состояния невесты, объекта осуществляемой мены, в пользу субъекта, приобретающего объект этой мены, т.е. жениха.

Определение это будет предполагать, с одной стороны, развитие и продолжение того, что заложено в сватовстве, тем более, что обручение, или сговор, является его развивающей частью, вследствие достигнутой договоренности между агентами и контрагентами, сватами и родными невесты. А с другой своей стороны, закладывать переход и возможность к всему дальнейшему, тому, что за сговором должно последовать и наступить.

Все это не будет иметь своего отношения к проецирующему откладыванию невестой времени появления у нее детей. Но только по внешнему виду, не существу, поскольку, касаясь вопроса этого проецирующего откладывания, следует обратить внимание, и это будет существенным, на то, что сговор предполагает, предоставляя невесте, такую возможность. Получается, что это такое время, такой для невесты момент (возможно, не для одной лишь невесты, но не об этом речь и этого мы не находим в приметах), когда она получает способность нечто определенное для себя на будущее свое загадывать и проецировать. "Приметное" в этом отношении время и подходящий в "приметном" этом своем отношении для невесты момент.

Однако, видимо, не только о времени сговора следует в данном случае говорить, поскольку это не время сговора в целом как таковое, а тот его конкретный момент, когда невеста, сидя за столом, получает возможность подложить под себя правую руку. Вряд ли можно считать участвующим предметом при этом стол, но то, что сидение, правая рука для невесты и пальцы на ней, оказываются значимыми, следует полагать несомненным. Из чего получается, что форма загадывания как проецирующего откладывания невестой по количеству лет появления у нее детей, после достижения ею брачного состояния, предполагает во время сговора а) момент сидения ее за столом, предоставляющий ей возможность б) подкладывания под себя своей правой руки в) с выбираемым ею количеством пальцев, соотносимым с количеством лет.

Эта форма загадывания, имея свое отношение к сговору и, тем самым, к характеру протекания и проявляемому виду его, не была бы возможна и действенна, что, видимо, следует предположить, вне всего того, что сговор предполагает. Как действие, производимое своими присутствующими и не присутствующими участниками. Иными словами, направленная со стороны невесты интенция в отношении проецирующего откладывания должна иметь "свидетельствующих" его своим присутствием соучастников. "Свидетельство" это, как следует предполагать, неосознанно и не отмечаемо с их стороны, поскольку вряд ли они замечают и видят то, что невеста, сидящая за столом, подкладывает под себя правую руку с каким-то выбранным ею количеством пальцев. А если замечают и видят, то для производимого невестой действия в пользу себя и на будущее это значения не имеет. Имеет значение соответствующий момент, допускаю-

ший для невесты возможность сидения, с одновременным присутствием участвующих в сговоре и взаимодействующих при этом сторон – агентов и контрагентов, с не присутствующим, но неизменно также участвующим в данном действе субъектом (т.е. женихом).

Производимое невестой проецирование, из чего получается, интенционально и внутренне, становится осуществимым при том, чем является сговор не столько как действие в составе участников, сколько как положение в поступательно развивающемся экзистенциональном процессе, о котором шла речь, в отношении цикла свадьбы как некоей целостности. Если сватовство, в начальном своем этапе, с появлением, приходом сватов в дом невесты с намерением ее сговорить, предполагало конвенциональную каузацию мены ее экзистенционального состояния в пользу ассумптора-жениха и для достижения цели которого в виде получения согласия требовалось со стороны агентов (сватов) либо, через сидение (сажание себя) под центральной балкой, занятия несдвигаемой позиции, либо, через прихватывание и унесение с собой соответствующих предметов, имеющих свое значение для дома, заручения и привязывания к себе (определим это так) его домочадцев, – то чем тогда будет сговор, с учетом всего, как не следствием достижения сватами цели через получение ими согласия?

Конвенциональная по своему характеру каузация мены, вследствие этого и на последующем после достижения сватами цели этапе, переходит в открывающееся в своей перспективе экзистенциональное поле реализации мены. Сговор, тем самым, собой отмечает этап начала предполагаемой, закладываемой в цикле свадьбы, реализации мены экзистенционального состояния субстанциональности в человеке, направленной к своему продолжению и развитию, и это открытие на его пути, на пути продвижения процесса, за всем этим стоящего, допускает возможность, включаясь, входя в него, в этот открытый теперь в своей перспективе процесс, проецировать его вероятные формы во времени для себя. С позиции, что видится важным оговорить, той самой субстанциональности, которая, каузивавшись, проявляет, готовит себя ко всему из этого далее следующего, к реализации каузированного перед этим процесса, состоящего в мене экзистенционального состояния и т.д. А субстанциональностью этой, себя для указанного процесса проявляющей в человеке, как было представлено, и выступает невеста. По этой самой причине она и загадывает, получая такую способность, проецируя время, откладываясь по выбираемым ею годам, те формы, через предполагаемых ею к рождению у себя детей, которые будут, являются формами, экзистенциональными формами, реализации указанной перед этим субстанциональности.

Такова позиция, смысл и потенции сговора (проецирующая способность и сила его) для цикла свадьбы как целостности и того процесса, о котором шла речь.

Этап 'после сговора' как продолжение и развитие процесса

Очередной, наступающий за этим, этап – после сговора. Приметы, согласно выбранному нами источнику, имеющие к данному положению отношение, выглядят следующим образом:

После сговора появление невесты в общественных местах может быть опасным для нее, потому что здесь трудно уберечься от порчи и сглаза, от всего этого в некоторой мере предохраняет пеленка новорожденного, носимая на голой груди.

Гостинцы, которые приносит жених невесте, приходя к ней после сговора (помолвки, обручения), невеста не должна есть до дня свадьбы, иначе впоследствии ее муж любить не будет, поэтому невеста раздает гостинцы подругам.

Кто помогает обшивать невесту, тот помолодеет.

Как следует из первой приметы, невеста в этот период оказывается подверженной действию сил, которые могут быть вредоносными и опасными для нее. Эта ее незащищенность, открытость связана с положением, которое определяется как промежуточное и переходное. С одной стороны, она, в том что обещана с предполагаемой передачей в род жениха, можно бы было сказать, что "отпущена" и находится, если еще не вне, то в начавшемся для нее отрыве от своего родового, в своем родовом не до конца уже и своя. А с другой, в ожидающей ее мене экзистенциального состояния, которое еще не наступило и не произошло, также оказывается во взвешенном и оторванном положении.

Подверженность вредоносному действию ярко передана в следующем отрывке: „В эти дни [после сговора и до свадьбы] невеста в опасении порчи носит платок, сильно надвинутый на лоб – "в нахмурку", больше сидит дома, а когда бывает на улице, носит луковицу в кармане или иголку острием вверх: считалось, что это помогает против сглаза”¹³.

Не вдаваясь в подробности, связанные с объяснением того, на чем основаны порча и сглаз¹⁴ и почему возникает возможность, особенно в промежуточные периоды, обусловленные переходом от одного экзистенциального состояния к другому, такого воздействия на человека, которое причиняет вред, обратим внимание на два обстоятельства – платок, надвигаемый на лоб, и пеленку новорожденного, носимую на голой груди. Обстоятельства эти, в известной мере, дают вместе с тем возможность понять, что стоит за стремлением, а также способностью причинения порчи-

вреда, по внешнему виду, кем-то, кто, вольно или невольно, осуществляет подобное. Вольно, поскольку осознанно и намеренно. Невольно в том смысле, что выступая средством и проводником чего-то, действующего в нем и через него.

Осознанное и намеренное причинение вреда объясняется, на поверхности, человеческой завистью, желанием досадить, навредить самоцельно, для того только, чтобы навредить, лишив кого-то того, что ему, по представлениям вред причиняющего, не полагается, не причитается, чего он недостоин и пр. Осознанное и намеренное причинение вреда приписывается также тем, кто обладает подобного рода способностями и делает это, поскольку таковы его не одна только человеческая природа и социальная роль. Речь в данном случае о так называемых ведьмах и колдунах. Все это общеизвестно и дополнительных пояснений не требует. Интересовать оно будет нас с другой стороны. С той, отчасти, которая предполагает, в дополнение к сказанному, не осознанное и не намеренное причинение вреда, поскольку как первое, так и второе позволит выйти на то обобщение, которое будет смысл экзистенциального положения после сговора объяснять, с тем уточнением, что в отношении невесты.

Сводится то, о чем речь, применительно к осознанности и неосознанности причинения вреда, намеренности или нет, к проявлению, возможности проявления сил, которые не только обладают способностью человека (по внешнему виду) испортить, хотя точнее было бы говорить, в человеке и через него (и тогда возникает вопрос, что же такое в нем), но и такой своей ролью, позицией по отношению к тому, что имеется в человеке. Для объяснения этого стоит напомнить о том, что видится и определяется в разбираемом предмете как главное, об экзистенциальном процессе, по отношению к которому человек себя объявляет как субстанциональность.

Природа изучаемого предметного мира примет и поверий (впрочем, не только их), по-видимому, такова, и это в рассматриваемом материале дает постоянно себя ощутить, что имеется некое скрытое за всем этим движение, поступательный и себя развивающий ход, которому также скрыто, но неотступно, последовательно и, можно сказать, параллельно, противодействуя, противопоставит еще одно, но не движение и ход, а нечто, поглощающее, присваивающее, лишаящее и отбирающее себе. Скажем так, естество, понимая под этим сущность, способную себя в различного рода видах, посредниках, представителях, проводниках и пр. проявлять. Определяется это обычно такими словами, как *потустороннее*, *нечеловеческое*, *мертвое*, хотя точнее было бы говорить, не мертвое, а *мертвящее*, *нечистое*, *смерть* и т.д.

Данное соположение одной стороны и другой, не вдаваясь в общеизвестные мировоззренческие и философские о том и другом представления, интересовать нас будет лишь в том отношении, которое объясняет пози-

цию невесты в ее положении после сговора, позволяя это также понять через используемые, прикладываемые к ней в этот период формы защиты.

Та субстанциональность для человеческого, которая, проявляя себя в невесте как мена экзистенциального состояния с продолжающим видом на будущее (в рождении, говоря по-простому, ею затем детей), субстанциональность эта в период, наступающий после сговора, оказывается незащищенно-открытой для действия на нее упомянутого перед тем "естества", поглощающего, присваивающего себе, экзистенциально-витальную способность и силу, себя объявляющих в человеке как его свойство в нем, свойство живого и порождающего. Именно это притягивает и влечет то, что не столько намеренно, сколько по природе своей поглощает, стремится, лишив человеческое, забрать живую в нем силу, поскольку этим питается и от этого существует. То, что действует данным образом, воспринимается, по известным понятиям, как потустороннее в смысле смерти и мертвого, а также, с тем же прямо и непосредственно связанное, как духи того же потустороннего и мертвого родового, прежде всего чужого и не своего. Отсюда необходимость защиты невесты, связываемые с таким прикрыванием платком волос "в нахмурку", которое не оставляет открытыми также лоб и отчасти глаза, и пеленка новорожденного, носимая на груди. Ибо волосы, грудь и глаза, в первую очередь, открыты возможности причинения вреда, а новорожденное и пока еще не до конца человеческое, не социализированное, не включенное полностью в свое родовое, пограничное, близкое к потустороннему, главным образом, в мертвом его аспекте и проявлении, способно от противодействующего его влияния на человека, *в некоторой мере*, как говорится в примете, что видится не случайным, предотвратить.

Открытость невесты потенциальному действию вредоносных сил, в общественных, как указывается при этом местах, на улице, с предпочтительным, поскольку защитным и ограждающим, нахождением дома, делают ее объектом того, что можно, представив как изменение, нарушение (через понятие порчи), искажение хода начавшегося, открывающегося экзистенциально-витального продвижения, сводить к параметральному признаку деформации. Модель, которая, проявляя данное ее положение, за этим стоит, по своему виду и типу двуместна:

$$Obj(Potent) < Ag(Deform)$$

Имеется некий агент деформации, *Ag(Deform)*, который способен воздействовать деформирующим, искажающим, портящим образом на невесту как на потенциальный объект. Модель эта может, в других своих проявлениях, предполагать контрагента для деформации-порчи, при условии, если роль его будет сводиться к активному противодействию. В при-

веденной примете этого нет. Субъектом, но не для порчи и деформации, а для защиты от них, выступает опять же невеста, и тогда ту же модель можно представить в трехместном, более полном, виде, с учетом того, что содержит примета, отображая это в несколько ином развороте, от агента предполагаемой порчи к субъекту защиты через потенциальный объект:

$$Ag(Deform) > Obj(Potent)=Subj(Protect)$$

Примета с пеленкой новорожденного на голой груди предполагает еще одну важную форму все той же защиты (о том же сообщается и в приведенной цитате с платком) – избегание общественных мест с предпочтительным сидением дома и выходением на улицу с луковицей в кармане или иголкой острием вверх. Последние два обстоятельства анализировать не будем, поскольку это не входит в задачу, упомянув только, что это форма "острой" защиты от сглаза, колюще-режущей злые глаза, и обратив внимание на то, что в данном случае речь идет об еще одном проявлении все той же защиты, связанном с предотвращающим вероятные вредоносные действия избеганием, которое будет встречаться также в других приметах. Тем самым, семантический признак защиты, *Protect*, получает свое расширение либо вследствие применения предметов защиты, предназначенных для этого узитативов, *Usit(Rei)*, вид которых модель не должна объяснять, поскольку это семантика более обобщенного уровня, либо вследствие избегания, предполагающего предпочтительное непоявление вне дома, *Evit(For)*.

С учетом сказанного все та же модель, оставаясь трехместной, выглядит в своем расширении более подробной:

$$Ag(Deform) > Obj(Potent)=Subj[ProtectUsit(Rei)/Evit(For)]$$

Вторая примета, с женихом, приходящим к невесте с гостинцами после сговора, предполагает две части: появление, приход жениха с гостинцами, которые невеста *не должна есть до дня свадьбы, иначе впоследствии ее муж любить не будет*, и необходимости в связи с этим их раздачи подругам. Первая часть содержит ранее уже встречавшийся признак откладывания во времени, *Delat*, однако не проецирующего, как было в примете с детьми для невесты в момент ее сговора, и во времени точно указанном – до дня свадьбы. Вторая часть представляет собой замещение: то, что жених предназначает невесте, та, во избежание нежелательного в будущем проявления для себя с его стороны, передает принесенное им подругам, т.е. вместо себя тем другим, которые, замещая ее, находятся вне пределов обращаемого на нее заложенного в гостинцах от жениха нежелательного воздействия.

Что же касается самого жениха, то приход его к невесте с гостинцами, которые та, как получается, *не должна есть*, означает его, может быть, не стремление, поскольку не в этом, собственно, дело, а декларацию, заявление о себе как ассумпторе, приобретателе (о чем ранее говорилось), через то, что невеста съест, что предполагается к съедению для нее. Признак, который можно назвать консумптивом, *Consumpt*. И поскольку такая его декларация с заявлением, как из всего этого следует, своих прав оценивается как преждевременная, отсюда то, что *впоследствии ее муж любить не будет*, поскольку уже как бы, до свадьбы и после сговора, сговоренную только, но не как жену, "полюбил" (для традиционных значений и представлений подобное различие важно). И из этого следует необходимость откладывания во времени, *Delat*, содержащегося в его декларации, по существу своего, как ассумптора, консумптива, либо заместительной передачи содержащих в себе это гостинцев подругам.

Получающаяся модель двуместна в обеих своих частях:

$$Ag(DeclarAssumpt/Consumpt) > Subj(DelatTemp) / Ag(Translat) > Obj(SubstConsumpt)$$

Жених выступает агентом декларативного ассумптива, осуществляемого им через консумптив, назначаемый по внешнему виду невесте, *Ag(DeclarAssumpt/Consumpt)*. Та, в свою очередь, в первой части модели, выступая субъектом, в пользу которого производится консумптивное действие женихом, проявляет, должна себя проявлять по примете, в отношении откладывания (консумптива) во времени, *Subj(DelatTemp)*, с перенесением, во второй части той же модели, как возможным по признаку 'либо', на подруг как объект замещения для консумптива, *Obj(SubstConsumpt)*, проявляя себя в этом случае как агент.

Последняя из трех приведенных для положения после сговора в отношении все той же невесты примет, относится к тем, кто помогает ее обшивать. Их это действие, направленное на нее, предполагая с их стороны приобщение к переходному состоянию экзистенциональной мены, начавшей себя проявлять с момента произведенного сговора, обращивается для них возможностью омолаживающего их обновления, *Nov*. Сила витального пробуждения, связываемая с ожидаемым преобразованием экзистенционального состояния невесты, действует также на них. Модель такого снабжающего, помогающего, *Adjut*, "приукрашивания", *Ornat*, с их стороны, объектом которого выступает невеста, предстает как двуместная:

$$Obj(Ornat) < > AgAdjut(Nov)$$

Тем самым, как получается в результате и на основе сказанного, положение после сговора, предполагающее обещанность (жениху), отпусkanie от себя для позиции своего родового невесты, что можно охарактеризовать как промиссию, или промиссивное состояние, в развитие и продолжение этого отпусkania можно видеть как взвешенность, недооформленность положения с отрывом от прежнего без определения на этом этапе к последующему. Этот отрыв, своего рода зияние для невесты как субстанциональности экзистенционального продвижения в человеке в отношении к процессу, о котором ранее говорилось, предполагая открытость, незащищенность, с одной стороны, допускает возможность воздействия на нее вредоносных, отбирающих в свою пользу, портящих и искажающих, лишаящих энергии и витальности, потусторонних сил. И в то же время, с другой, в открывающемся, начинающемся после сговора продвижении допускает возможность, через приобщающееся обшивание, обращения пробуждаемых витальных сил на себя, что и предполагает омолаживание для тех, кто помогает подобное обряжение осуществлять.

'Перед венчанием' как подготавливающий этап

Невеста перед венчанием

Следующий и крайне важный этап, отмеченный бóльшим числом примет, по сравнению с периодом после сговора, приближающий кульминацию цикла, состоит в положении перед венчанием. Главным действующим лицом продолжает оставаться невеста, выступая самостоятельно либо одновременно и в паре со своим женихом. Примет с одним женихом без пары с невестой взятый нами источник не представляет, и в этом, судя по всему, заключается немаловажный и определяющий данное положение смысл. Рассмотрим представленный материал в просматриваемом последовательно-временном порядке. Для начала всего того, что имеет отношение к одной только невесте, после чего к обоим, жениху и невесте как совместно действующему и себя проявляющему в единстве лицу.

Приметы с невестой тематически можно подразделить на три группы. Первую составляют такие, которые предполагают активные действия с ее стороны, невеста в них выступает агентом осуществления действий, направленных на благополучие в ожидаемом после заключения брака будущем, либо, что также возможно, агентами аналогичных действий выступают другие, и невеста оказывается субъектом, в пользу которого подобные действия осуществляются. Вторую группу составляют приметы

защитного проявления. И, соответственно, третьи, так же как и первые, будучи проецирующими, вид своего проецирования сводят не к достижению богатства и благополучия в будущей совместной жизни с мужем, на данный момент женихом, а к появлению у нее детей после заключения брака в замужнем ее состоянии.

Для первой указанной группы будет характерна такая примета:

Отправляясь к венцу, невеста вешает пояса в тех местах или над теми предметами, от которых она больше всего желает благополучия: желая хлебного довольства, она вешает пояс в амбаре, скота — в хлеву, имущества — над сундуком и т.д.

Активно действующим лицом в этом случае, как уже отмечалось, выступает невеста, в определяемый и характеризующий временной момент отправляющаяся к венцу, что видится немаловажным в *приметном* своем отношении для разбираемого нами предметного мира. То, что она отправляется в этот момент к венцу, будет иметь отношение как к проживаемому ею в данный момент (приходится повторить) активизированно-направленному в своей заряженности состоянию, так и к тому, что этот момент применительно к этому состоянию для нее, открывая, предполагает.

Предполагает этот момент для нее возможность такого активно направленного на совместное с мужем будущее проецирования, такого на это будущее со своей стороны воздействия, которое, как получается на основе приметы, может определяться как побуждающее (иницирующее) в отношении продуцирующего начала и силы предполагаемого благополучия, равно как и связанного с этим жизнеобеспечивающего и поддерживающего основания.

Осуществляемые ею действия можно определить в их семантике как действия эмотивной направленности (обращенности), эмотивной, поскольку желаемой с ее стороны и побуждающей к достижению того, что желается, с направлением на предметы, используемые как средства. То, что закладывается невестой в производимые ею самой манипулятивные действия по размещению, вешанию, поясов над соответствующими объектами (вещно-предметными в разбираемом случае), касается вида того достижения, которое сводится к экзистенциально-бытийному состоянию, совместного с мужем, ее проживания. Представленную примету следует относить к акционально-провоцирующей группе единиц подобного рода, поскольку действия, производимые невестой (акциональности), имеют направленно побуждающий, т.е. провоцирующий, желаемое ею характер.

Тем самым, невеста действует как агент и одновременно субъект (поскольку для себя и в свою пользу, о будущем муже в примете не говорит-

ся: *от которых она больше всего желает благополучия*), – того, что можно определить как проецируемое объектно дистрибутивное благосостояние (проективный просператив), осуществляемое (в своем проецировании) посредством стимулятивной инструментализации, направленной на вещно-предметные средства. Дистрибутивное – поскольку распределяемое по видам (хлебное довольство, скот, имущество). Модель двуместна:

$$Ag/Subj(Project):(StimulInstr) > ObjDistribut(Prosper)$$

В уточнение того, о чем говорилось ранее применительно к позициям, определяющим в составе модели места: агент, или *Ag*, выступать может также как иницирующей действитель, т.е. как вызывающий некое состояние или положение в его достижении; субъект, *Subj*, не только как тот, в пользу которого или от лица которого совершается что-либо, но и как тот, кто может быть определен (что будет заметно более явно в последующем) как побуждаемый (ответный и реагирующий) действитель, в этом отличие его от контрагента, действующего активно и самостоятельно, хотя, что также возможно, ответно. И, наконец, объектом, в модели *Obj*, может выступать как субъектный, по своему характеру, или потенциально способный к самостоятельным проявлениям, в том числе также и в действиях, так и вещно-предметный объект (объектность субъектности в разбираемых случаях не исключает), на который направлено то или иное активное проявление, действие в том числе, либо который используется для его совершения.

В то время как невеста в разбираемом примере выступает одновременно и как агент, и как субъект, то, что осуществляется ею, в агентном смысле и отношении, распределяется в двух проявлениях – осуществляемом действии, в состоянии совершения которого она находится применительно к времени, определим это как позиционное действие-осуществление, и таковым для нее становится положение *отправляться к венцу* (как ее позиция во времени). И то, что она производит, осуществляет, отправляясь к венцу (перед тем как к венцу отправиться, говоря о реальном времени), определяемое не как положение, т.е. занимаемая ею позиция во времени, но как осуществляемая последовательность соответствующих актов, направленных на реализацию поставленной цели по достижению богатства и благополучия, – *вешать пояса*.

Это последнее, проявляемое в последовательности осуществляемых актов, имея дистрибутивный характер, предполагает объекты-вместилища провоцируемого ею желаемого благополучия и жизнеобеспечивающего характера – *амбар, хлев, сундук*. Предметами-средствами провоцирующего характера выступают используемые для этого *пояса*.

Все сказанное в отношении разбираемой приметы, тем самым, укладывалось бы в такой представляемый в своих различениях вид:

Субъекты: невеста, отправляющаяся к венцу.

Позиционное действие-осуществление (направленно-ориентированное по перемещению в пространстве – субъектно-транспозитивное): отправляться (невесте) к венцу.

Акционально-дистрибутивное достижение: вешать пояса (невесте, отправляясь к венцу).

Объекты-вместилища, или места (провоцируемого благополучия и жизнеобеспечивающего характера): амбар, хлев, сундук.

Предметы-средства побуждающего (инициирующего) характера: пояса, которые невеста вешает, отправляясь к венцу.

Предметы-средства продуцирующего и жизнеобеспечивающего характера: скот.

Сигнификативное действие эмотивной обращенности: желать благополучия (от чего-либо, в чем-либо).

Статальные осуществления проживания: хлебное довольство; благополучие (от) скота; имущественное благополучие.

Уточнения в данном месте требуют параметральные характеристики, которые будут встречаться и далее. Таковыми являются *сигнификативный, статальный и проживание*, все остальное более или менее очевидно.

Под *сигнификативным* будет определяться признак, или параметр какого-либо проявления, который предполагает значимый и о з н а ч а ю щ и й смысл, то, что направлено на что-либо или проявляет себя таким образом, не будучи при этом направлено, что можно и для приметы следует воспринимать как знак, отмечающий внешним своим объявлением, появлением, возникновением, видом, формой, нечто передаваемое, воспринимаемое и представляемое как таковое с позиции и для сознания тех, кто соответствующим образом понимает и интерпретирует поверия и приметы.

Словом *статальный* будет определяться то, что воспринимается как состояние, отличаемое от понятия положения тем, что это некая не обусловливаемая действиями либо другими активными проявлениями форма существования, в которой данный субъект либо одушевленный объект (человек) находится, как единичный, так и множественный. Форма существования, поскольку связанная с теми или иными условиями, обстоятельствами в ней пребывания и проживания, а поскольку пребывания и проживания, то на какое-то более или менее не одномоментное, длительное и длящееся в своей пространственности и окружении время. Иными словами, такая форма жизни, которая себя проявляет и может быть в этой

связи также и определена своими, ее характеризующими, параметрами, проявлениями и условиями.

Понятие *статальный*, как следует из последнего проявления для разбираемой приметы, тем самым, включает в себя *проживание* как одну из своих возможностей. *Статальное осуществление проживания*, согласно характеристике в представленных показателях, следует понимать в том смысле и отношении, что некая форма существования для человека, определенная в своей продолжительности на какое-то время, воспринимаемое как период, отрезок, этап, является для него тем обусловливаемым и собственным его окружением, в котором он неизменно находится, им созданным для себя либо приобретенным, за пределы которого он либо выйти не может, либо не ставит перед собой такой цели, а если ставит и достигает, то в результате меняет характер статального проживания для себя. Поскольку характер этот, не будучи данным раз и навсегда, способен меняться, самим человеком при каких-то условиях либо складывающимися обстоятельствами, благоприятными или нет, постольку статальное проживание предполагает и допускает возможность формы своего достижения, что и было выражено в определении с помощью слова *осуществление*.

Невеста, вешая пояса над объектами, перечисляемыми в примете, делает это, побуждаясь желанием приобретения благополучия себе в своей жизни с будущим мужем. Из этого следует то, что было названо *сигнификативным действием эмотивной обращенности*, состоящим в желании себе благополучия в будущем, через *акционально-дистрибутивное достижение* (развешивание по разным местам поясов), имеющее целью *статальные осуществления* своего *проживания* в формах, предполагающих хлебное довольство; благополучие (от) скота; имущественное благополучие.

Следующая примета, относящаяся к тому же проявлению во времени для невесты, близка по своему значению перед этим рассмотренной:

Чтобы в хозяйстве молодых было все в изобилии, невеста перед венчанием сыплет себе в башмак льняное семя.

Субъекты, в пользу которых производится действие, обозначенное в примете, объявляют себя как пассивные и как активные. Активным, или агентным, субъектом выступает невеста, производящая определенные действия. Пассивными становятся молодые, оба, жених и невеста вместе, однако в будущем, не в настоящее время. Примета, тем самым, имеет такой же, как и предыдущая, акционально-провоцирующий характер, предполагающий положение, при котором производимые в настоящее время действия направлены к будущему, в отношении которого нечто,

побуждаемое здесь и сейчас, активизируемое, вызываемое, реализует, предполагается в желаемой реализации впоследствии как достигнутый результат. Из чего будет следовать то, что, во-первых, осуществляющему соответствующие манипулятивные действия либо только отмечающему и наблюдающему (примечающему) то или иное положение вещей, кем-то производимое создаваемое либо возникшее, возникающее само собой, – тому и другому, производящему либо примечающему, следует знать, что последует из производимого либо лишь примечаемого. Акционально-провоцирующий смысл, соответственно, будут иметь производимые манипулятивные действия, направленные на предполагаемый результат. И, во-вторых, которое можно не знать и которое, обычно, как правило и нормативно, не знают, имеется нечто (не знают, и это важно для уточнения, что именно, чем это нечто является, что оно есть), которое, действуя внутренне, скрыто, неявно, но не незаметно, способно быть побужденным, вызванным к действию, спровоцированным, к тому, чтобы в предполагаемом будущем, нередко осознаваемом производящим (и наблюдающим), то, что вкладывается в производимое (или лишь примечаемое), вызвав к жизни, осуществить.

На приведенном примере: то, что невеста, а не кто-то другой, перед своим венчанием, не когда-то еще, сыплет себе в башмак, не кому-то другому и не куда-то еще, льняное семя, не что-нибудь там другое, – все это, поскольку имеет свое значение, необходимо знать. Знать в отношении того, что именно делать и как поступать, равно как и в отношении того, что из этого может и должно получиться впоследствии, т.е. что производимые невестой действия с предметами и над предметами, именно данными и в данный момент, приведут к изобилию в хозяйстве молодых, т.е. у себя для невесты с мужем в совместном будущем. Как это все распределяется и распределяется ли по пунктам, типа: поскольку невеста, то у молодых (для мужа и для себя), поскольку в башмак, то в хозяйстве и вместе с этим у молодых (у мужа и у себя, мотивирующая символика в фольклорной традиции башмака¹⁵), поскольку льняное семя, то в изобилии, а также всё, и опять же в хозяйстве, равно как и у молодых (семантика льняного семени¹⁶), – все это и важно, и одновременно неважно. Важно как скрытое, внутреннее и содержащееся, неважно – в своем отношении к производимому и с ним объяснению, что именно и почему. Достаточно знать, что в такое-то время тем-то и тем-то лицом надлежит проделать то-то и то-то, чтобы достичь того и того. Характер и мир примет подобным знанием довольствуется и ограничивается, не требуя и не предполагая последовательных соотношений, что с чем связывается и почему, при существенном представлении того, что за чем.

И на том же приведенном примере, говоря о том, что было упомянуто как «во-вторых». Имеется нечто, поскольку должно иметься, не может не

быть, над которым можно задуматься, но ответа не получить, которое действует так, что, если невеста перед венчанием насыплет льняное семя себе в башмак, то в хозяйстве молодых будет, должно быть, может быть, скорее всего следует ожидать, такого статального для них проживания, которое определяют словами *всега в избылиии* (в хозяйстве у молодых).

Что это может быть, что вызывает такое последствие в будущем из того, что производит невеста с льняным семенем над своим башмаком перед своим венчанием? Не вдаваясь в детали культово-мифологических объяснений (что вполне допустимо, исходя из имеющихся в литературе предмета свидетельств, но не об этом в данном случае речь, поскольку не о мифологических обоснованиях разбираемое представление), – не вдаваясь в детали подобного объяснения с приношением жертвы или, что все же скорее и возможно, питанием умерших, своих покойников*, с побуждением их к действию в свою пользу во имя благополучия в своем с мужем будущем хозяйстве, посредством льняного семени, сыпленного в башмак, совершающая это невеста не обязательно может и будет нечто подобное знать (и то, что муж, и что род мужа, и что хозяйство, и что избылиие, и т.п.). Однако, не обязательно зная, соответствующим образом станет действовать, поскольку этого требует обычай и в данном конкретном случае так ее наставили.

Удостоверить для знания, а с этим предметного мира приметы следует, что имеется нечто (приходится повторить) скрытое, но объявляющее и проявляющее себя, а потому в результатах чего-либо достигаемого и заметное, к чему можно и следует прибегать ради этого достижения, если знать, что для этого делать и как поступать. Это скрытое производит и побуждает тот экзистенциальный и самодвижущийся, но регулируемый и направляемый, процесс, о котором ранее говорилось. Во всяком случае способно на него производящим и побуждающим образом действовать, подключаясь к нему каким-то образом, свойственным для себя. Следовательно, обращаясь и провоцируя это скрытое нечто, зная чем, когда и как, возможно, при посредстве его и с его помощью, вызывать то или иное желаемое положение и состояние для себя. В этом, собственно, и состоит равно как задача, так и смысл примет, проявляемые и наблюдаемые в формах типичного для них предметного мира.

В различаемых по своим параметрам признаках разбираемая примета с льняным семенем в башмаке будет выглядеть следующим образом:

Субъекты: молодые; невеста (перед венчанием, она же агент).

Статальное осуществление обладания (в его форме): хозяйство молодых.

* Поскольку льняное семя связано с «тем светом», а также возрождением (см. сноску 16).

Статальное осуществление проживания: всё в изобилии (чтобы было в хозяйстве молодых).

Приметное время (примечающее время возможного осуществления): перед венчанием (для невесты).

Сигнификативное действие достигающего характера: сыпать себе в башмак (невесте) льняное семя.

Предметы-средства подобного достижения (определяемые как движимые): башмак (невесты); льняное семя.

Моделирующая формула разбираемой приметы по внешнему виду будет подобна той, которая была выведена для предыдущей, с тем отличием, что, если парный субъект в той первой подразумевался, но не назывался и поэтому в формуле не обязательно должен был быть отражен, то в этой второй он прямо указывается (в хозяйстве *молодых*). Невеста, выступая агентом, действует, адресуя направляемые ею действия как субъекту тем, кто фигурируют как молодые (она сама со своим в будущем мужем). Вторым отличием будет то, что, если в предыдущей примете понимаемый как вещно-предметный объект имел распределяемый, дистрибутивный, характер (хлебное довольство, скот, имущество), то в разбираемом случае объект этот обобщен (*в хозяйстве молодых*). В таком уточненном виде формула примет следующий вид:

$$Ag(Project):(StimulInstr) > Obj(ProsperSubj=Ag+ParAg)$$

Проецирующее действие агента, *Ag(Project)*, производимое им с помощью провоцирующих нужное проявление, стимулирующих, предметов, *StimulInstr*, направляясь (мысленно, внутренне) на объект и имея его в виду (хозяйство), предполагают его изобилие для субъекта как обладателя, *Obj(ProsperSubj)*, который (субъект) фигурирует, фигурировать будет, в виде самого агента, производящего действия, и его пары, того, кто в паре с ним как совместное, по отношению, в том числе, и к объекту (хозяйству) =*Ag+ParAg*.

Еще одна примета, касающаяся богатства и благополучия, представляет данное проецируемое состояние следующим образом:

Если невеста собирается к венцу, то ей в лифчик кладут отрезанный краешек от целого хлеба и золотой или серебряный рубль под пятку – к богатству и благополучию.

В примете не говорится о том, кто это делает. Видимо, это неважно. Важно, что именно делается, при посредстве чего, в пользу кого и когда. Невеста в этом случае выступает объектом производимых и одновремен-

но с этим субъектом направляемых на нее, в ее пользу, действий. В параметральных признаках представить все это можно было бы так:

Субъекты: невеста, собирающаяся к венцу (она же *объект*).

Агенты: те, кто ей в лифчик кладут отрезанный краешек от целого хлеба и золотой или серебряный рубль под пятку.

Осуществляемое позиционное действие (предполагающее направленное пространственное перемещение): собраться (невесте) к венцу.

Сигнификативное действие достигающего характера: класть в лифчик (невесте) отрезанный краешек от целого хлеба и золотой или серебряный рубль под пятку.

Предметы-средства подобного достижения (*движимые*, а также при этом, в манипулятивных действиях с ними, накладываемые, прикладываемые, первые два, и надеваемый, третий (лифчик), – тем самым, *аппликативные*): отрезанный краешек от целого хлеба; золотой или серебряный рубль; лифчик (невесты).

Статальное осуществление проживания: богатство и благополучие.

Моделирующая формула, которую можно определить, с точки зрения ее значения, как формулу агентивно направленного фортунативно-просперативного эксцитатива (побуждаемого, продуцируемого, имущественного, со стороны агентов, благополучия для объекта-субъекта), – формула эта двуместна:

$$Ag(Excit) > Obj/Subj(FortunProsper)$$

Продуцирование, проявляющее себя в разбираемом случае как эксцитатив, будет рассматриваться далее, при представлении других примеров, распространяющих общий смысл, как разновидность ранее упоминавшегося проецирования, т.е. перенесения в будущее, посредством чего-либо осуществляемого либо осуществляющего себя в настоящем, желаемых, вызываемых к реализации, достигаемых, форм.

Следующая примета, связанная с действиями, производимыми в отношении невесты, имеет не проецирующий будущее, а защитный характер:

Для предупреждения возможного чародейства во время следования к венцу мать невесты или другая близкая родственница завязывает в тряпочку головку лука или чеснока и кладет в карман невесты.

Агентами защитного действия выступают мать невесты или другая близкая родственница, т.е. старшее, что достаточно очевидно, женское родовое своего для невесты рода. Оно ограждает невесту, обладая такой

способностью, от причинения ей вреда, поскольку в этот период, после стовора и до венчания она оказывается особо ему подверженной вследствие открытости, отмечаемой отрывом от своего родового. Не вдаваясь в подробности, связываемые с объяснением защитных свойств лука и чеснока, поскольку не в этом состояла задача, обратим внимание лишь на уже встречавшийся ранее прикладывающий, в данном случае вкладывающий для ношения с собой, характер производимых агентами действий в отношении лука и чеснока, завязываемых в тряпочку и вкладываемых невесте в карман. Характер соотношений параметральных признаков разбираемой приметы будет выглядеть следующим образом:

Субъектами выступают, в данном случае под субъектами следует понимать, поскольку здесь дело не в формуле, взаимодействующих в производимых действиях одушевленных лиц, каковыми будут: *агенты* – мать невесты; близкая родственница невесты; а также *объект* агентами производимого действия и одновременно *субъект*, в пользу которого действие производится – невеста (перед венчанием и во время следования к венцу).

Позиционное действие-осуществление: (ожидаемое) следование к венцу.

Позиционное время (в отношении защитного действия используемых для этого средств): время следования к венцу.

Целевое достижение разрешения ближайшей цели: предупреждение возможного чародейства во время следования к венцу.

Сигнификативное действие предотвращающего характера: завязывать в тряпочку головку лука или чеснока и класть в карман невесты.

Предметы-средства достижения цели (движимые): тряпочка; головка лука или чеснока; карман невесты.

В связи с тем, что передано в примете, для большей точности, следует обратить внимание на временное соотношение производимых агентами манипулятивных действий по отношению к их целевой проекции. С одной стороны, это достаточно очевидно и объяснений не требует, но, с другой, будет важно для представления предметного мира примет (впрочем, не только примет). Головку лука или чеснока мать невесты или другая родственница завязывают в тряпочку и кладут ей в карман по времени до ее следования к венцу, и при этом в карман, т.е. скрыто от глаз, в том числе и, в первую очередь, недоброжелателей. Время производимого действия и предметно-вещный объект, над которым оно производится, в результате, неявны. Время, равно как и само производимое действие, имеют предшествующий по отношению к предполагаемой цели характер (защитной в разбираемом случае). Объектные средства при этом припрятываются. Связывается это последнее обстоятельство, и это будет заметно на материале других примеров, с тем, что защитная и ограждающая их сила себя проявляет, имея значение и соответствующим образом действуя,

при условии скрытости от посторонних глаз. Не только глаз, что имеет смысл добавить, но и от знания, посвящения и осведомленности. Иными словами, скрыто и втайне. Данное обстоятельство будет иметь отношение к тому, на что уже обращалось внимание и что можно было бы передать в положении «невидимое к невидимому». Обращаясь к поддержке, в данном случае защитной силе невидимого (хотя в данном случае это не мертвое, поскольку используются лук и чеснок), следует также невидимо, скрыто, не выявляя, себя проявлять.

Моделирующая формула разбираемой приметы двуместна и выглядит следующим образом:

$$Obj/Subj(PotentDeform) < Ag(AversRepuls)$$

Будучи объектом производимых агентом действий (с луком или чесноком*), невеста, одновременно и в целевом для них отношении, оказывается субъектом, в пользу которого данные действия предполагаются к защитной реализации. Данное положение можно представить как то, что в разбираемом случае невеста выступает объектом предупреждаемого, предотвращаемого, отводимого и отталкиваемого от нее, *аверсивно-репульсивного***, *потенциального деформатива*, в пользу которого как субъекта эти действия и производятся.

Очередная примета, связываемая с невестой в тот же период перед венчанием, имеет проективный, но не в отношении богатства и благополучия, характер. Проецирование касается появления у нее, с заключением брака, детей, отличаясь, однако, от той проекции, которая предполагалась при сговоре с откладыванием с помощью пальцев правой руки их рождения. Здесь это выглядит наоборот, расширяясь к тому же в сторону облегчения:

Садясь в телегу, которая повезет к венцу, невеста не должна становиться на колесо и даже на тележную лавочку, так как сколько спиц в колесе, столько лет у нее не будет детей; чаще всего отец невесты подставляет ей свою ногу – тогда будущая мать легче будет рожать детей; но самое лучшее, если невеста

* В силу своей остроты обладающих апотропическими свойствами, что отмечается в источниках, посвященных данному предмету, однако, почему именно лук и чеснок и что для них стоит за этим, – вопрос, требующий обстоятельного исследования материала.

** Лат. *repulso*, –, –, *āre* [*intens.* К *repello*] ‘отражать’; ‘отвергать, отклонять’; ‘отталкивать, отбивать’; *āverto* (*āvorto*), *verti* (*vorti*), *versum* (*vorsum*), *ēre* ‘отворачивать, поворачивать, направлять в другую сторону’; ‘отводить’; ‘отклонять’; ‘отгонять, удалять’.

влезет в телегу прыжком, и точно таким же способом она должна выходить из телеги.

Представленная примета по своему характеру многосложна. С одной стороны, невеста действует, точнее должна действовать, сама, выступая, тем самым, агентом и одновременно субъектом, поскольку действия, производимые ею, предполагают в будущем ее пользу. С другой стороны, применительно к той же по времени ситуации, агентом себя проявляет, может себя проявлять, и ее отец, хотя допускаяемый выбор между ним и самой невестой предпочтением предполагает действия, производимые ею самой.

Внимания заслуживает целый ряд обстоятельств. В первую очередь, время, определяемое к моменту осуществляемого невестой, позиционного по своему характеру, действия. Позиционного в двух отношениях – как изменение позиции, поскольку *садясь в телегу* предполагает то, что невеста, ногами находясь на земле (ноги в данном случае как раз и имеют значение), сначала должна, для того, чтобы подняться в телегу и сесть, от земли, тем самым и в результате, ногами оторвавшись, всё теми же и опять же ногами, прежде чем оказаться в телеге, стать на какие-то части телеги (колесо, тележную лавочку). Но это, как следует далее, одна из возможностей, и при этом не лучшая. Лучшая, если невеста не будет ногами касаться частей телеги при входе и выходе из нее. Второй проекцией все той же позиционности производимого действия будет пространственное перемещение в телеге невесты к венцу (не только невесты, но все остальные для разбираемого положения неважны). Значимыми, тем самым, оказываются, в отношении проецирования будущего с рождением детей, тот конкретно момент перед венчанием в целом, когда невеста а) отъезжает к венцу и б) *садясь* при этом в телегу.

Вторым обстоятельством, заслуживающим внимания в разбираемой связи, является колесо, на которое невесте не следует становиться, с количеством своих спиц, и добавлением к этому *и даже на тележную лавочку*. Интерес представляет соотношение количества спиц в колесе с количеством лет, в которых у невесты не будет детей, если она, *садясь* в телегу при отъезде к венцу, на колесо это станет. Движение колеса, предполагающее перемещение в пространстве, от дома к венцу как этапу в свадебном цикле кульминационному, в количестве спиц совершающего это перемещение колеса соотносится своим, метаморфным по существу, переносом с движением времени. Однако времени не как таковым, а в приложении и в применении к репродуктивности человеческого в ожидаемо-предполагаемом будущем, несомого и везомого "колесом" (и спицами этого колеса) в невесте – как субстанциональности воспроизводящего, порождающего свое собственное существование в себе человеческого.

И если роль, с количеством спиц, колеса приложима к откладыванию, переносу указанного смысла во времени, при условии, если невеста, *сидясь в телегу, которая повезет к венцу*, станет на колесо ногой, то смысл и даже на тележную лавочку можно связать с каким-то общим и, видимо, сдерживающим откладыванием. Невеста, как следует из дальнейшего, вскакивая в телегу прыжком и также выскакивая из нее по представлению, что это *самое лучшее*, должна избегать ногами касаться несущих, везущих ее к венцу тележных частей. Войти и выйти следует одним движением и толчком, без взаимодействующего, заземляющего, останавливающего, тормозящего по своему существу, контакта ногами, как продуктивным и продуцирующим основанием (семантика ног¹⁷) с тем, что к венцу везет, с теми частями в нем, которые предполагают это в пространстве ее несение.

И, наконец, еще одно, третье, в данном ряду обстоятельство, касающееся отца, как непосредственно старшего, поскольку родителя, и, по отношению к невесте, мужского ее родового, с всё той же ногой. Подставляя ногу, отец, при вхождении невесты в телегу, которая повезет к венцу, способствует не репродукции как таковой, не времени появления у нее детей, а тому, что, как *будущая мать*, она *легче будет рожать детей*. Тем самым, 'мужское непосредственно старшего продуктивного своего родового' (нога отца) имеет влияние, способствует, не рождению как таковому, не времени, с возможным откладыванием либо наоборот, а облегчению при родах, что можно видеть следствием представления о том, что рожать детей она будет роду мужа, а не своему. Мужское своего родового поэтому непосредственного воздействия не имеет на этот процесс, но может воздействовать на нее, способствуя в соответствующий момент облегчению ее положения. И в этом случае также время осуществляемого настоящего, с вхождением невесты в телегу, везущей к венцу, оказывает свое влияние, проецируясь, в предполагаемое будущее, допуская и разрешая три возможных при этом позиции – времени для количества лет (в которых не будет детей, если станет невеста на колесо); облегчения при их рождении (посредством подставляемой ноги отца) и того, что определено в примете как *самое лучшее*, понимая под этим равным образом как то, что *будущая мать легче будет рожать детей*, так и не откладывание этого процесса в ней по количеству лет, т.е. репродуктивность субстанциональности человеческого в невесте в обоих ее основаниях.

Параметральные признаки разбираемой приметы видятся следующим образом:

Субъекты, они же *агенты* (в случае с отцом невеста также *объект*): невеста, сажающаяся в телегу, которая повезет к венцу; отец невесты; будущая мать (невеста).

Позиционные действия-осуществления: садиться в телегу; влезать в телегу; выходить из телеги.

Предметы-средства (не сдвигаемые, отторжимые, как части телеги): колесо телеги; тележная лавочка.

Предмет-орудие (то, при посредстве чего производится, как в данном случае, позиционное, а не сигнификативное, действие): телега, которая повезет (невесту) к венцу.

Сигнификативное действие предотвращающего характера: (для невесты) не становиться на колесо и даже на тележную лавочку.

Целевое достижение разрешения отдаленной цели-следствия: сколько спиц в колесе, столько лет у нее не будет детей; будущая мать легче будет рожать детей.

Сигнификативное действие достигающего характера: (для отца невесты) подставить ей свою ногу, когда та садится в телегу, которая повезет к венцу; (самое лучшее для невесты) влезть в телегу прыжком, и точно таким же способом выходить из телеги.

Примета содержит три моделирующих формулы. В первой невеста действует как *агент* отклоняемого, *дефлективного** *темпорального делятива* в отношении предполагаемого *объекта* (детей), – не становясь на колесо и тележную лавочку при вхождении в телегу, которая повезет к венцу, она избегает того, что дети не будут рождаться у нее столько лет, сколько спиц в колесе:

$$Ag(Deflect) > Obj(DelatTemp)$$

Во второй она выступает объектом действий со стороны агента-отца, которые можно определить как проецируемое облегчаемое разрешение, или *проективный резолутив* для нее как *объекта гравитатива* в отношении в будущем представляемых, воображаемых как объекты (*имагинатив-объекты*), детей:

$$[Obj(Grav) < ObjImag] < Ag(ProjectResolut)$$

И в третьей она же – агент *имитативного* по своему характеру *проецирования* облегчаемого, для себя, разрешения, *резолутива* (одним прыжком) все того же *гравитативного* положения в отношении воображаемых *имагинатив-объектов* (детей), при возможной, как дополнение, дефлексии темпорального делятива (т.е. действует также и первая формула):

* Лат. *dēflecto, flexi, flexum*, ёге 'пригибать'; 'отводить'; 'отклонять'; 'отвернуть, от-вратить'.

$$Ag(ImitatProject:ResolutGrav) < ObjImag / Ag(Deflect) > \\ Obj(DelatTemp)$$

Первая и третья модели, как видно из формул, двуместны, вторая трехместна, в отношении агента-отца, объекта-невесты и имагинатив-объектов (детей).

Проявленные и вместе с тем появившиеся новые значения, отраженные в формулах имеет смысл объяснить. Часть из них, такие, как дефлексив (отклонение), имагинатив (воображаемое), ресолутив (разрешение), встречавшийся ранее делатив (откладывание), имеют более общее значение по сравнению с более частными, к которым следует относить гравитатив (утяжеление), бывший перед этим молестатив (обременение), встречавшийся в отношении детей для невесты при сговоре, имитатив (подражание). Распределение их в описываемой системе, имеющей концептуально-парадигматический по своему устройству и действию вид, применительно к единицам, в которых они себя проявляют и позволяют, тем самым, единицы эти описывать и представлять, – все это будет возможным сделать на основе более обширного и достаточно репрезентативного материала, показав их как в парадигматике, так и в синтагматике. То, как они себя обнаруживают в системе и как объявляют себя при использовании, в контекстах, т.е. в отношении форм и способов функционирования системы. В ходе анализа и при описании тех или иных единиц к этим вопросам придется впоследствии обращаться.

Что касается неоднократно встречавшегося проецирования, составляющего весомую в количественном отношении группу примет, то суть его, определяясь направленным к будущему стремлением пожелать, обратившись мысленно, вспомнить о чем-либо важном, подумать о чем-либо или о ком-либо в соответствующий *приметный* момент, через создание ли в сознании необходимого мыслеобраза или только одной направленностью на желаемое, – все это в своем виде может быть применительно к проецированию определено как интенциональная сенсуализация, будучи разновидностью проецирования, одной из возможных. Еще одна разновидность, которую можно назвать комбинаторной имитацией, проявила себя при сговоре, когда невеста, с тем чтобы отложить (делатив) появление по времени у себя детей на загадываемое количество лет, должна была подложить под себя в момент своего сидения за столом правую руку с соответствующим этим годам количеством пальцев. Комбинаторная имитация, следовательно, заключается в воспроизведении с помощью каких-либо средств в момент, допускающий проецирование, того, что будет, имитируя, в количественном или другом каком-либо отношении, повторять, претворяя, преобразуя, опять же в сознании, мысленно, то, что составляет идею и смысл желаемого. Комбинаторная имитация,

тем самым, предполагает а) средства, которые б) в структурном и моделирующем, комбинирующем, отношении, предполагают то, что переносится мысленно в будущее, используя, что необходимо добавить, в разрешающий такую возможность момент. Впрочем, последнее обстоятельство будет касаться всех разновидностей проецирования.

И, наконец, еще один вид проецирования можно определить как стимулятивную, или симилятивную, инструментализацию. Проявил он себя в ситуации, при которой отец невесты, для того чтобы будущая мать, его дочь, легче рожала детей, должен подставить ей ногу, когда та садится в телегу при отъезде к венцу. Суть этого вида проекции заключается в том, чтобы, используя те или иные предметы как инструменты, в том числе, что также возможно, слова, с помощью этих предметов и слов как средств, стимулируя, вызвать желаемое, побудить его проявление в будущем. Здесь так же, как и в предыдущих случаях, необходимо соотнесение производимых действий, произносимых слов, с допускающим проецирование моментом, в период времени, который для этого действителен и подходящ, как приметный, значимый и примечающий.

К разновидностям проецирования, но на сей раз по другим основаниям, следует отнести также то, что можно назвать *побуждением*, или индукцией, индуцированием, с возможными для него проявлениями; *вызыванием* (эксцитацией), предполагающим отведение (*аверсию*), с его различениями в отталкивании (*репульсиве*), предотвращении (*пропульсиве*), отклонении (*дефлексиве*). Видами вызывания будут также такие типичные для примет проявления, как встречавшиеся отодвигание, или откладывание (*деляция*, *делятив*), и присвоение (ассумпция, *ассумптив*).

На одном уровне в отношении проецирования видятся такие его проявления, как *делятив* (отодвигание во времени возникновения, появления чего-либо как неизбежного, маложелательного, преждевременного для себя или кого-то другого); как *просператив*, предполагающий достижение благосостояния, благополучия; как *ресолютив* (развязывание, разрешение, облегчение).

Все это в своих последующих уточнениях и дополнениях будет описываться и представляться на материале. Предварительно складывалась бы такая картина, которая предполагает для проецирования, с одной стороны, разновидности, исходящие из применяемых для достижения желаемого в будущем форм и средств, как мысленных, так и материальных. Таковыми были бы упомянутые интенциональная сенсуализация, комбинаторная имитация и стимулятивная, или симилятивная, инструментализация. С другой стороны, укладывались бы разновидности, представляемые по основанию типа воздействия на желаемо-достижимое, через какой-то используемый для этого вещный предмет, а также, возможно, и непосредственно на объект, к которому то, что желается, обращено.

Здесь можно выделить вызывание, отведение, отодвигание, присвоение, с разновидностями, для отведения, отталкивания, предотвращения, отклонения; возможных для вызывания, но не обязательно исключительно для него, из встретившихся, просператива (благосостояния, благополучия) и резолютива (развязывания, разрешения, облегчения).

Сказанное следует представлять лишь как предварительные замечания в отношении того, что при дальнейшем анализе может уложиться в систему.

Жених и невеста перед венчанием

Возвращаясь к приметам периода перед венчанием, от невесты переходим к субъектному проявлению пары – жениха и невесты, представляемых в единстве. В отношении обоих, в качестве предварения их ожидающего венчания, в материале встретились следующая рекомендация:

Брачующиеся должны позаботиться о своем здоровье перед венчанием и по возможности подлечиться и даже попоститься, так как если у них есть какая-нибудь болезнь, то она "завенчивается" на всю жизнь и, как бы незначительна она ни была, она не излечивается потом.

Значимым в данной примете представляется, прежде всего, характер соотношений во времени – того, что перед венчанием, с моментом венчания и далее тем, что наступает после него, характеризуясь как "завенчивание" на всю жизнь. Соотношение трех этих времен предполагает для вступающих в брак поведение, которое предполагает необходимость достижения такого для себя состояния перед венчанием, которое не должно быть обременено, не должно содержать в себе то, что может, будучи при венчании закреплено, создать положение нежелательной для себя безысходности. Это общее, как следует из приведенной рекомендации, положение проявляет себя для нее по таким основаниям:

Субъекты, они же *агенты* в отношении своего поведения: брачующиеся.

Позиционно не обозначенное *время-период*: перед венчанием.

Производимые *действия предотвращающего характера*: (заботясь о своем здоровье перед венчанием по возможности) подлечиться и даже попоститься.

Целевое достижение разрешения отдаленной цели: (при наличии какой-нибудь болезни) с тем чтобы она не "завенчивалась" на всю жизнь, поскольку даже незначительная, она потом не излечима.

Почему во избежание "завенчивания" на всю жизнь необходимо себя перед венчанием подлечить, понятно. Роль и позиция предлагаемого в этом ряду соблюдения поста* видится в предполагаемой для него роли освобождения от предыдущего с переходом к последующему. От того в себе предыдущего, которое, не важно, чистое или нет, достойное, стоящее или наоборот, не следует переносить с собой в свое новое положение. Отсюда связь освобождающего, развязывающего с прошлым поста с болезнью, которую рекомендуется подлечить. Пост позволяет избавиться от этого прежнего в общем и целом, оставив его за собой.

Моделирующая формула, стоящая за рассматриваемой приметой, могла бы быть следующей:

$$S/Ag1Ag2(ExtractInfirm) > SIS2(Evit:PermanentInfirm)$$

Субъекты, они же агенты, что видится немаловажным, указываясь одновременно (*брачующиеся*), действуют по отдельности, каждый из них для себя, в связи с чем это субъект, в результате своем, не совместный и разобщенный. Модель двуместна, предполагая при этом возвратность, т.е. обращенность агентов в субъектной части на самих себя. Излечение (*подлечиться*) от предполагаемой возможной болезни можно рассматривать как разновидность *аверсии* (отведения), в данном случае от себя, с тем отличием от предыдущих, ранее появившихся репульсива (отталкивания), пропульсива (предотвращения) и дефлексива (отклонения), что, если те три касаются форм такого воздействия, которое предполагает отведение того, чего еще нет, но что может впоследствии появиться как нежелательное, то аверсия, связанная с излечением, выведением, изведением болезни (*экстрактивом*), имеет в виду допускаемое ее в человеке наличие. И, соответственно, инфирмативом, *Infirm*, будем считать ослабленное витальное, в том числе и болезненное, состояние человека, которое в крайней форме своего проявления, при ослаблении и потере жизненных сил, может вести и в приметах ведет к умиранию и смерти.

Рассматриваемая примета, в результативной части своей (как целевое достижение разрешения отдаленной цели в представленных перед этим параметрах) предполагает, как это можно заметить из формулы, *избегание*, *Evit*, направленное на перманентность инфирматива, *PermanentInfirm*. И как таковая, в функциональном своем отношении, она может быть отнесена к группе примет акционально-предотвращающих.

Следующая примета, предполагающая время, в отличие от предыдущей, непосредственного предшества тому, что происходит перед венча-

* Пост нередко рекомендуется в народной традиции перед свадьбой, но не об этом посте в данном случае речь.

нием, имеет защитный и при этом предметно-предотвращающий вид, поскольку средства, используемые агентами (и одновременно субъектами, осуществляя действия в свою пользу и на себя) для предотвращения возможной порчи, направляемой на них, имеют вещно-предметный характер:

Предохраняясь от возможной порчи, жених и невеста, отправляясь венчаться, захватывают с собой тайно от других змеиную чешую, найденную в лесу и засушенную.

Субъекты: жених и невеста, отправляющиеся к венцу; другие (от которых тайно жених и невеста захватывают с собой змеиную чешую).

Позиционное действие-осуществление: отправляться венчаться (жениху и невесте в сопровождении кого-то других, из тех, но не всех, от которых жених и невеста захватывают с собой втайне змеиную чешую).

Позиционное время производимого действия: момент, период, предшествующий отправлению к венцу (для жениха и невесты).

Сигнификативное действие предотвращающего характера: захватывать с собой тайно от других змеиную чешую, найденную в лесу и засушенную; засушить змеиную чешую (перед этим, возможно, ее для этого).

Позиционно-интенциональное (скрытой намеренности) действие-достижение обеспечивающего возможность предшествования действию предотвращения (предметно-транспозитивное, поскольку связываемое с нахождением предмета и затем приношением его с собой): найти в лесу змеиную чешую, возможно, случайно, возможно, намеренно ее перед этим ища, в данном случае это неважно.

Статальное осуществление нежелательного приобретения: возможная порча.

Целевое достижение разрешения ближайшей цели: предохраниться от возможной порчи.

Предметы-средства реализации цели (движимые): змеиная чешуя, найденная в лесу и потом засушенная либо в лесу уже засушенной найденная

Места-пространственности: лес (в котором находят змеиную чешую).

Прежде всего, возникает вопрос, кто такие другие, от которых тайно жених и невеста захватывают с собой змеиную чешую. Не в том понимании, что неизвестно, кто это такие, поскольку известно, что это все те, кто присутствуют или могут встретиться на пути продвижения к венцу, т.е. родные, соседи, односельчане и пр., но в том отношении, какова их роль, будь то участников, будь то нет, не в обряде, ибо не это действует, а в той "дружости", которая не только предполагает и допускает тайность производимых действий со стороны жениха и невесты, а с необходимостью

обуславливает ее. Связано это с тем, что в противном случае действия эти ожидаемого эффекта не производят.

Применительно к этим другим, прежде всего, следует определить их позицию в предполагаемой модели. Кем они выступают, поскольку агентами их невозможно считать, так же как субъектами-адресатами, в пользу которых производится нечто или на которых обращено. Будут ли они в таком случае объектами, а если объектами то какого, поскольку особого, рода, в связи с тем, что производимое действие направлено не на них, хотя, как получается по обстоятельствам, их непременно учитывает. Как присутствующих, необходимо добавить, участников и потенциальных в определяемых условиях наблюдателей, тех, кто может, присутствуя, видеть и быть свидетелем того, что для достижения цели им видеть и быть свидетелем не положено, мало того, даже исключено.

Тем самым, это была бы роль нежелательного, исключаемого свидетеля-наблюдателя, который своим наблюдением и тем, что может увидеть, снимает, одним этим только своим проявлением, силу, закладываемую в используемые, в данном случае защитные, оградительные, апотропеические, средства. Роль их, в связи со сказанным, можно было бы определить как роль субъекта – нежелательного обсерватора. Субъекта, поскольку то, что он получает возможность проявлять себя как наблюдающий, является следствием его соучастия либо только присутствия в происходящем обряде, а это, не предполагая активные действия с его стороны, как таковые и в целом, т.е. как агента, равно как и действия, направляемые непосредственно на него как объект, опять же как таковые и в целом, хотя в отдельных моментах обряда он может, в зависимости от налагаемой роли, агентом либо объектом себя проявлять. Как соучастник и как присутствующий он может быть представляемым как субъект. Как субъект, своего рода активно-пассивно действующий. В этом, собственно, и заключается роль и позиция обсерватора, в том, чтобы активно и одновременно пассивно себя проявлять. Активно – в том отношении, что принимая участие, видя и наблюдая, а тем самым, свидетельствуя. Пассивно же по причине того, что прямо и непосредственно не действуя, ничего от себя ни добавляя, ни производя. А поскольку речь в приведенной примете идет, обращаясь вокруг того, что производят агенты (жених и невеста), т.е. захватывают с собой змеиную чешую, то участие всех других в этом случае не предполагается, мало того было бы нежелательным, лишая производимое действие целенаправленности.

Жених и невеста, агенты и одновременно субъекты, действуют совместно, хотя неясно, а примета подробностей подобного рода не предполагает, как это может выглядеть и обычно выглядит. Делят ли они змеиную чешую на двоих пополам, что было бы трудно себе представить, защитная сила нарушенной таким образом чешуи могла бы ослабнуть, если во-

обще себя проявить. Или кто-то один из двоих захватывает ее собой, то ли жених, как ведущий по роли, то ли невеста, как организующее звено и центр всего обряда. И если кто-то один из двоих, то предполагая, со всей очевидностью, что для обоих. Важно для формулы и представляющей ее также модели, что и как агенты, и как субъекты жених и невеста едины и одновременны.

Момент, в который производимые по защите действия со змеиной чешуей жениху и невесте следует осуществить, связывается, если шире, то с временем перед венчанием, если в его непосредственной для проявления привязанности, то, как говорится в примете, *отправляясь венчаться*, иными словами, перед самым к венцу отправлением. Это может быть важно, поскольку, связываясь с представлениями о защите и, следовательно, защитном действии того или иного предмета, необходимо учитывать не только что именно, но и когда применить, в какой наиболее сильный и подходящий момент.

Важными видятся еще три обстоятельства, на которые стоит поэтому обратить внимание. Во-первых, змеиная чешуя, о которой говорится, что найденная в лесу и засушенная. Во-вторых, и в той же связи, представление о засушенности, в данном случае найденной в лесу чешуи. И, в-третьих, появившийся локус – лес, как место или пространство чего? Не как таковой для себя и в своих мифологических и фольклорных значениях, что имеется, но не об этом в данном случае речь. А как то, где может быть, где имеется, обретается змеиная чешуя и где можно ее найти, уже засушенную или потом засушить. Но не просто место возможного обретения чешуи, а такое, опять же, место, которое на эту самую чешую со змеей в ней до этого, и змею в нем тогда, на все это необходимым и особенным образом действует.

Получается из всего в предыдущем абзаце сказанного, что все эти три обстоятельства, поскольку прямо и непосредственно к тому же указываются в примете, видятся важными, в защитном и ограждающем отношении. Опустим змею с ее общеизвестной и сложной семантикой, в данном случае применительно к апотропеизму ее. Однако не о змее здесь, собственно, речь, а ее чешуе¹⁸, т.е. коже при линьке, которая к тому же не свежая, должна быть не свежая, а засушенная. Не вдаваясь опять же в подробности представления о змеиной коже как чешуе, со сменой, с возможностью снятия и надевания ее затем на себя (известный по сказкам мотив обращения, касающийся, в первую очередь, женского), поскольку все это уводило бы в сторону, важным видится обратить внимание на присутствующий при этом в традиционном сознании признак а) смены и перехода, от одного экзистенционального состояния к другому, связываемый б) с ростом (в отношении змеи, но не только, а тем самым и переходом, поднятием на очередную ступень) и в) с трансформацией,

изменением формы своего проявления и бытия. И это было бы с одной своей стороны.

С другой, защитность, скажем так, в чешуе ее змеиного, равно как и, обратно, "чешуиность" (иначе не выразить, потому как отнюдь не чешуйчатость), заложенная в змеином и с этим в самой змее, полагает себя на том, что при смене, во время линьки, но для традиционного представления и сознания не важен этот биологический по своей сути момент, при смене своей чешуи (недаром *чешуи*, а не *кожи*) змея, с одной стороны, перестает быть тем, чем была до этого, становясь при этом чем-то иным, а с другой своей стороны, в "чешуиности" этой своей, в способности сбрасывать с себя облекающую свою оболочку, вроде бы как одежду по этой причине, не кожу, меняя не одно лишь свое облачение, в этой своей способности змея наделяется, тем же традиционным сознанием, представлением потенциальной неуловимости, неухватимости, невозможности ее, в переменяющейся оболочке и форме, схватить. Не отсюда ли и интересное слово *захватывают* (жених и невеста с собой эту самую чешую)?

В связи со всем этим засушенность, о которой до этого говорилось, видится, предстает как снятая и закрепленная форма, постоянная, держащая в себе, сохраненная и стабилизированная, поскольку не влажная и не сырая. Дозрелая, скажем так, форма в своей консервирующей и концентрированной одновременно засушенности.

И, наконец, последнее обстоятельство – лес, о котором можно говорить, объясняя то и другое, долго и много. Для разбираемой задачи лес интересоваться будет только в двух своих отношениях. Во-первых, как такое место, которое можно определять в его соответствующем для примет проявлении как пространственность, понимая под этим нечто, имеющее свою материальную и формальную протяженность в окружающем человеке топосе, выражающую себя, точнее отображаемую в ширину, длину, высоту, глубину, в четырех пространственных проявлениях. И это в пространстве себя объявляемое в четырех своих измерениях место (каждое из которых будет иметь значение для человека), во-первых, воспринимается, определяясь и находясь, как внешнее, не домашнее и за пределом, обычно, также и места своего поселения (деревни, села). И, во-вторых, что не менее важно, для того же сознания и с этим примет, это место может быть и неизменно также и выступает тем, где можно находиться, оказываться и пребывать, в том числе и более или менее постоянно, также и проживая в нем. Иными словами, это место, предполагающее внутри себя содержание, помещение, размещение и расположение в нем – периодически, целенаправленно и непостоянно, как правило, в отношении человека (постоянное пребывание с проживанием для человека представлять будет особые случаи, но не о них теперь речь). И, как правило и обычно, не

периодически, не целенаправленно и постоянно – для нечеловеческого, растительного, звериного, мертвого, потустороннего и т.п. Отсюда, в силу этих, нечеловеческих, в нем исходно заложенных, свойств лес, как такая пространственность, предполагая вмещение в себя, в себе содержание всего перечисленного, с неисключением также подобной нечеловеческой одушевленности и для себя самого, – действует соответствующим, магнетизирующим, скажем так, пропитывающим и пронизывающим образом на все то, что находится в нем и в особенности и в первую очередь на то, что, постоянно в нем пребывая, живет. Отсюда в примете указано, что не просто змеинная чешуя, а найденная в лесу и засушенная, поскольку она защищает от порчи.

Можно было бы, хотя мало реально, с учетом известных условий быта и с ним ментальности, можно бы было представить змеиную чешую не из лесу, в поле, на дороге, около дома, в деревне (чтобы в самом доме, очень сомнительно, равно как и где-то купленную), однако это была бы, по-видимому, и не та чешуя, не лесная, в своей такой целостной значимости к тому же и неправдоподобная. Важно, еще раз следует подчеркнуть, что, согласно примете, защитное действие от возможной порчи полагается ожидать от а) змеиной чешуи, б) найденной в лесу, в) засушенной, г) захваченной женихом и невестой д) перед их отправлением к венцу е) втайне от всех остальных (*тайно от других*). Иными словами, в соединенном составе всех шести признаков.

Моделирующую формулу разбираемой приметы можно представить следующим образом:

$$\text{Subj/Ag(TransposCulmen):(Subtract:InstrProtect)} > \text{SubjObserv} \mid \text{Ag(Deform)}$$

Предполагаемый парный субъект, он же агент транспозитивного кульминатива, *Subj/Ag(TransposCulmen)* (жених и невеста, отправляющиеся к венцу) в целях предотвращения возможного деформатива со стороны агента из внешнего окружения, *| Ag(Deform)*, проявляют себя в субтрактиве (тайно захватывая, выносят с собой), распространяемом на инструментальностный протектив (защитное средство в виде змеиной засушенной чешуи), *(Subtract:InstrProtect)*, с обращенностью своего субтрактива на присутствующих субъект-обсерваторов, *SubjObserv*.

Важными, характеризующими, дифференциальными, для представляемой модели и формулы, будут признаки, обозначенные в ней полужирным курсивом, по которым модель и должна быть определена. И это будет модель деформатив-протектива, или, другими словами, защиты от порчи.

Следующая помета будет касаться того же:

В предотвращении порчи жених и невеста кладут в сапоги конопляное и льняное семя, серебряные деньги, под одежду надевают сеть или что-нибудь иное, имеющее множество узлов, на крайний случай берут у колдунов различные "огороды", то есть средства оберегающие, "огораживающие" от порчи.

В данном случае, снова действуя в паре, жених и невеста выступают и как агенты, и как субъекты, в пользу которых указанные действия ими самими и совершаются. Иными словами, примета имеет возвратный характер, обращенный в производимых действиях на себя. Появляются также еще одни действующие предварительно лица, обеспечивающие производимое женихом и невестой, названные как *колдуны*. Они сами при этом не действуют, к ним обращаются, и тогда это будут объекты, проявляющие себя, с одной стороны, как адресаты к ним обращения, а с другой стороны, как те, кто снабжают, дают, обеспечивают, или агенты, точнее контрагенты, процесса приобретения, в разбираемом случае его можно определять в представлении *адъюнктива**.

Производимые женихом и невестой действия для защиты от порчи перед отъездом к венцу предполагают вкладывание и накладывание, надевание с оборачиванием на себя, т.е. аппликативный характер, что, видимо, не касается "огородов", которые они берут у колдунов. Эти средства могут прихватываться с собой, как это было с засушенной змеиной чешуей из лесу.

В параметральных проекциях то, что в примете отражено и что она, тем самым, предполагает, в предметном и акциональном своем отношении, можно представить следующим образом:

Субъекты: жених и невеста; колдуны.

Сигнификативные действия предотвращающего характера: (жениху и невесте) класть в сапоги конопляное и льняное семя, серебряные деньги, под одежду надевать сеть или что-нибудь иное, имеющее множество узлов, на крайний случай брать у колдунов различные "огороды", то есть средства оберегающие, "огораживающие" от порчи.

Предметы-средства защитного проявления (движимые): конопляное и льняное семя (которое жених и невеста кладут в сапоги); серебряные деньги; сеть; что-нибудь, имеющее множество узлов; различные "огороды" (которые берут у колдунов); одежда, сапоги (жениха и невесты).

Целевое достижение разрешения ближайшей цели: предотвращение порчи.

* Лат. *adjungo, jūnxī, jūnctum, ěre* 'подвязывать'; 'присоединять'; 'прилагать, вкладывать'; а. *sibi auxilium alicujus* 'заручиться чьей-л. поддержкой'.

Статальное осуществление возможного нежелательного приобретения: порча.

Так же как и предыдущую, данную примету следует относить к группе предметно-предотвращающих, поскольку производимые агентами действия направлены на предметы, обладающие защитными свойствами вне этих действий, которые имеют тогда не защитный, а присоединяющий смысл, приобщающий к полю действия ограждения через накладываемый, прихватываемый, на себя надеваемый предмет.

Говоря о последнем признаке, статального осуществления возможного нежелательного приобретения в отношении порчи, порчу в этом случае следует понимать не как действие, производимое кем-либо с мыслью о причинении вреда, но как полученное в результате этого *состояние порчи*, в чем бы и как бы это ни проявлялось, будь то психическое, физическое либо другое какое-то экзистенциальное, измененное в сторону слабости и ухудшения, положение пострадавшего от порчи лица. Отсюда и определение ее как статального приобретения, т.е. получение, в итоге, измененного (в худшую сторону) состояния, тем, на кого такое воздействие предварительно было направлено и кому оно предназначалось производившим его лицом, или агентом порчи. Порча может также иметь и не проявленного в данной примете, но в приметах имеющегося, контрагента, отводящего порчу, действующего, зная, что и как надо делать, с тем чтобы порчу либо предотвратить, либо, уже наведенную, ослабить или нейтрализовать. На это впоследствии и в своем месте внимание будет обращено.

Моделирующая формула разбираемой приметы (с моделью, как и в предыдущем случае, деформатив-протектива) получит следующий вид:

*Subj/Ag (Applicat:Instr**Protect**) | Ag(Deform)*

По внешнему виду, с учетом того, что агенты предполагаемой порчи (деформатива) находятся за пределами действий, имеющих предотвращающий, т.е. производимый на вероятный случай, характер, а агенты аппликатива (присоединяющего к себе прикладывания) также одновременно субъекты, в пользу которого все это осуществляется, формула и, соответственно, стоящая за нею модель, деформатив-протектива, должна быть рассматриваема как одноместная.

Внимания заслуживают, и это можно было бы в условиях той же модельной и формульной одноместности отобразить, в соответствии с семантикой 'или' в примете, те объекты (субъектообъекты фактически) как адресаты, с одной стороны, обращения к ним и контрагенты приобретения от них "огородов", с другой. В этом случае инструментальные протективы окажутся двойственными – теми, которые не были приобретены у кол-

дунов (конопляное и льняное семя, серебряные деньги, сеть или что-то с множеством узлов), и взятыми у колдунов "огородами". Для формулы, о которой речь, адресатный (объектный) характер этих последних с их "огородами" не будет существен, важным представится смысл их соучаствующего (объективно) в защите действия как контрагентов приобретения от них соответствующих предметов, с одной стороны, и противодействия, через посредство заряженных ими предметов, предполагаемой порче, с другой:

Subj/Ag[(Applicat:Instr1) || Contrag(AdjunctInstr2)]Protect | Ag(Deform)

В отличие от предыдущей формулы, поскольку время транспозитивно-го кульминатива, *TransposCulmen*, перед отправлением жениха и невесты к венцу, хотя и значимое по "защитному" действию, в примете, подразумеваемая, не обозначено, его можно (условно) для данной формулы опустить, предполагая соотношение данного состояния как позицию в большем другом (отправление, сборы к венцу, отъезд и т.п.). Нет ничего в примете и о присутствующих других как субъектах обсерватива, который должен приниматься агентами во внимание с тем, чтобы в производимом ими субтрактиве (тайно от них с собой уносить) избежать возможного с их стороны наблюдения.

В связи со сказанным в отношении общих по смыслу, а также, отчасти в действиях и во времени, двух рассмотренных перед этим примет возникает вопрос о соотношении того, что было названо и будет далее называться моделью, и тем, что и как себя отражает в представляемых формулах. Формулы, с одной стороны, отражают модель, которая за ними стоит, будучи вместе с тем, с другой своей стороны, конкретным, более точным привязыванием чего-либо к обстоятельствам. Модель, тем самым, себя проецируя, воплощается в формуле, которая, обрастая необходимыми признаками нечто общее, за нею стоящее, призвана передать. Обращаясь к примеру: то, о чем говорилось для деформатив-протектива, производимой защиты от предполагаемой порчи, будет иметь отношение к модели, и ею будет модель деформатив-протектива, которая может и будет себя проявлять, в зависимости от ситуаций, различно, и при этом, что очевидно, не только в действиях перед венчанием. Модель, тем самым, не связана как таковая со временем, равно как и с другими какими-то обстоятельствами, которые с помощью проявляемых признаков далее себя отражают, формализуясь в виде представляемых в своем наборе параметров, используемых в формуле, смысл которой заключается в том, чтобы отобразить, что именно и как именно действует в данных условиях для реализации стоящей за этим модели, понимаемой как то, что для сознания, а тем самым и мира примет, представляется необходимо-возможным и важным.

И, наконец, последняя из примет перед венчанием по материалам выбранного нами источника:

Если жених и невеста идут к венцу и встретят на пути едущий воз с дровами, то нельзя ожидать в жизни новобрачных счастья.

Время в данном случае предполагает не отправление, а направление (*идут*) к венцу. То есть все это после того, как жених и невеста себя соответствующим защитно-предотвращающим от возможной порчи и, позаботившись также о своем здоровье, уже подготовили. Как действующие лица, персонажи-участники, жених и невеста в отношении не ожидающего их в жизни счастья, оказываются пассивными, т.е. объектами того состояния, которое для них последует и произойдет. Собственно говоря, уже ждет их, на что и указывает им едущий воз с дровами, встреченный ими на пути к венцу. Ожидаемое выглядит неотвратимо, и нет в примете никаких указаний на то, как его в этой неотвратимости отвести.

Жених и невеста, в *субъектном* для себя отношении, как не просто действующие лица и персонажи, но как те, ради которых, а также и в пользу которых происходящее (движение, путь к венцу) себя объявляет, обнаруживают себя в ролевом отношении как *агенты* производимого ими позиционного, по пространственному перемещению, действия (*идут к венцу*), выступая в роли *субъект-обсерватора* контактной встречи, происходящей в данный момент и становясь, как следствие, *объектами* ожидающего их экзистенциального неблагоприятного состояния.

То, что едущий воз с дровами встретился им на пути, объясняя по внешнему виду стечением обстоятельств, но определяя как знак, следует относить к положениям. Так сложилось, так вышло, так получилось, что едущий воз с дровами оказался у них на пути. Обозначим это как *инвентивное положение*, или инвенцию* – не зависимое от субъекта, сложившееся установление порядка вещей, с которым ему довелось столкнуться, взаимодействовать, иметь дело, и которое для него, согласно приметам, будет иметь соответствующий, возможно при этом знаковый либо что-то далее предполагающий, раскрывающий, смысл.

Представляемую примету возможным видится в связи со сказанным относить к группе знаково-предвещающих, а выводимые на ее основе параметральные признаки были бы следующими:

Субъекты: идущие к венцу жених и невеста.

Позиционное время: когда жених и невеста идут к венцу.

Позиционное действие-осуществление: идти к венцу.

* Лат. *invēnio, vēni, ventum, īre* ‘находить’; ‘натыкаться’.

Произошедшее в позиционный момент инвентивное положение: едущий воз с дровами.

Сигнификативное положение (субъектов в позиционный момент): встретить на пути к венцу едущий воз с дровами.

Статальное осуществление нежелательного приобретения: счастье, которого в жизни новобрачных нельзя ожидать.

Говоря о женихе и невесте в разбираемый и, несколько шире, в целом перед венчанием момент, необходимо учитывать то, что они предстают как субъекты парного переходного и изменяющегося для них экзистенциального состояния. Невеста – как объект такого экзистенциального перехода, жених – как приобретатель, ассумптор, но, тем самым, имеющий отношение к происходящему экзистенциальному переходу также и с ним, в нем находящийся и его для себя в паре с невестой переживающий.

'Идти к венцу' для них обоих тогда означает движение к моменту производимой над ними смены экзистенциального парного их после этого и совместного состояния. В движении этом, на пути, может что-то случиться и произойти, что может, а в ряде случаев будет, обозначать то, что, связываясь как внутренне, так и укрытым мотивом своим, с тем, что иметь будет свое отношение к тому, к чему они в своем этом движении, на пути к венцу, направляются. Отсюда значимость встречи. Не вдаваясь в подробности, связываемые с символикой воза и дров, поскольку не в этом состояла задача, достаточным было бы, исходя из идеи движения в направленности к ожидаемому кульминативу (венцу), ибо только на это видится необходимым внимание в данном случае обратить, – достаточным было бы указать на возникшее, выступившее, появившееся на пути нагромождение в виде воза с дровами и, тем самым, "загромождение" им, в таком наваленном виде своем, самого "пути", не столько как в прямом своем, сколько в *метаморфическом* (не следует смешивать с метафорическим), смысле, с переносом и отнесением ожидаемого в происходящий момент (движение к кульминации перехода) к ожидаемому в будущем. Из этого следует знаково-предвещающий характер, в предупреждающей, объявляющей, раскрывающей (*индикативной*), разновидности для разбираемой приметы увиденного женихом и невестой воза с дровами на их пути. Ожидающее их состояние, направленное к разрешению в кульминативе венца, притягивает, влечет за собой, но не ожидаемость состояния как такового, а то, что может, способно себя проявить в отношении ожидаемого для осуществляемого, достигаемого ими, после венчания, экзистенциального состояния, для которого важен возможный характер благополучного, как желательного, и неблагоприятного, как нежелательного, в нем пребывания. Все это и предполагает в данный момент позицию раскрываемого и выходящего наверх "ожидания", которое в появившемся

возе с дровами себя объявляет как неблагоприятие – *нельзя ожидать в жизни (новобрачных) счастья.*

Можно и стоит поставить вопрос и о том, что означает, применительно к разбираемому предметному миру примет, это *в жизни* и *счастья*. Что видится важным в том отношении, что и понятие *в жизни* (не то же, что *жизнь*), и *счастья*, которого нельзя ожидать (*нельзя ожидать* через *счастье* и может быть далее определено), равно как и что-то другое, применительно и в отношении к предметному миру примет, требует соответствующего для себя объяснения. Эти, а также другие вопросы подобного рода затронуты будут впоследствии, при появлении материала, поддающегося сопоставляющему соотнесению.

Об участниках в приметах 'перед венчанием'

Обратимся теперь к тем условно обозначенным нами субъектам, которые себя проявили в различного рода связях и действиях в отношении главных действующих лиц, равно как и их самих, с тем, чтобы установить их ролевой и, соответственно, далее атрибутивный характер для этапа перед венчанием, после чего можно было бы уточнить и его самого, т.е. данный этап. Для начала их все перечислим. Таковыми, согласно материалу были бы (дадим их перечнем не в хронологическом порядке, который не всегда обозначен и не обязательно также будет иметь дополняющий смысл):

- Невеста, отправляющаяся к венцу;
- Молодые;
- Брачующиеся;
- Невеста перед венчанием;
- Невеста, собирающаяся к венцу;
- Те, кто ей в лифчик кладут отрезанный краешек от целого хлеба и золотой или серебряный рубль под пятку;
- Мать невесты;
- Близкая родственница невесты;
- Невеста во время следования к венцу;
- Жених и невеста, отправляющиеся к венцу;
- Другие (от которых тайно жених и невеста захватывают с собой змеиную чешую);
- Невеста, садящаяся в телегу, которая ее повезет к венцу;
- Отец невесты;
- Будущая мать (невеста);
- Жених и невеста, направляющиеся к венцу (на пути к венцу).

Не рожденных, хотя и упоминаемых в примете, детей в данном случае не следует отмечать, поскольку они не участники.

С точки зрения тождества самим себе невеста, равно как и жених с невестой и молодые, выступают в субъектно-личностном, скажем так, отношении как одно и то же действующее лицо и не изменяемый персонаж. Независимо от момента, характера, а также и времени (в будущем) своего проявления. Однако не в этом дело и не об этом в данном случае речь. Речь об их субстанциональной по отношению к проявляющему в них и через них себя самодвижущемуся процессу, той экзистенции, которая предполагает развитие и динамику продолжения жизни, в своем проявлении, проекции для себя в человеке. С этой позиции необходимо вводить и учитывать разные представления по внешнему виду и своей форме, казалось бы, что одного и того же. Невесту, отправляющуюся к венцу, и невесту, собирающуюся к венцу, так же как молодых, жениха и невесту, к венцу отправляющихся и на пути к венцу находящихся, в этом смысле следует в парадигматическом отношении различать.

Однако прежде чем определить их такое различие, обратимся к тем персонажам, которые действуют как сопровождающие, вспомогательные и дополнительные по отношению к главным, с тем, чтобы установить их возможные роли применительно к разбираемой в своем продвижении экзистенциональной субстанциональности.

Первыми таковыми участниками, согласно тому, что представлено в материале, будут те, кто в лифчик невесте кладут отрезанный краешек от целого хлеба и золотой или серебряный рубль под пятку (к богатству и благополучию). В разбираемом случае не суть важно, кто это такие и что именно они делают, важно другое, то, что их действия направлены на достижение богатства и благополучия у невесты в ее будущей жизни с мужем, а в настоящее время пока еще женихом. Роль их, тем самым, определяется как провоцирующая, вызывающая в будущем такое у вступающей в брак состояние, которое следует определять как достаточное и обеспеченное. Однако поскольку все это следует переводить к разбираемой экзистенциональной субстанциональности человека в его, с одной стороны, существовании в этом мире и для себя, а с другой, применительно к своему продолжению и воспроизводству, то обеспеченная и достаточная в эмотивном (благополучие) и экономическом (богатство) отношении должна быть рассматриваема эта их роль как призванная то и другое надежно и прочно поддерживать.

Из чего получалось бы, что роль тех, кто в лифчик невесте, а также под пятку указанные предметы кладут в то время, когда та собирается к венцу, сводится к такому действию на скрытые механизмы экзистенциональной поддержки и обеспечения (определим это для большей понятности

как-нибудь так), которые требуют в определенное время и по отношению к определенным субъектам направленного возбуждения и с ним стимуляции. И это была бы семантика эксцитатива, как признака, предполагающего агента, времени для своего проявления, субъекта направленности и предполагаемого в его достижении результата.

Эксцитатив, о котором речь, касался бы в данном случае проявления в будущем, по отношению к субъекту, действующему в общей разбираемой схеме как экзистенциальная субстанциональность, благополучие и материальная обеспеченность которой предполагают оптимум в отношении продвижения объявляющего себя в человеке процесса земного существования и бытия, – проявления в будущем скрытого иммутативного действия, обеспечивающего указанный оптимум. Иммутативного, или такого, которое предполагает, что изменением вмешивающегося, своим вхождением, подключением, меняющего характер чего-либо в ту или другую сторону.

Тем самым, применительно к тем, кто невесте в лифчик и под пятку кладут то, что названо было в примете, действуют как агенты такого эксцитатива, а скрытая за всем этим модель предполагала бы необходимость возбуждения, вызывания к жизни мотивов и внутренних сил, поддерживающих и обеспечивающих необходимо-желательный оптимум экзистенциального состояния проявляющей себя в невесте субстанциональности воспроизводства существования и бытия человека.

Опуская все то, что связывается с общим, поскольку мировоззренческим, отражением явлений в приметах, можно было бы говорить об этих агентах как об оптимизаторах будущего экзистенциального состояния невесты, с мужем в дальнейшем, а в настоящий момент женихом. Из чего получалось бы, что одна из ведущих форм ролевого и функционального по отношению к общему положению для свадьбы в приметах, касающихся временного периода перед венчанием, состоит в эксцитации оптимума будущего экзистенциального состояния (в скобках добавим – вступающей в брак, как субстанциональности воспроизводства существования человека). И, соответственно (приходится повторить) указанные в примете как те, кто невесте кладет и т.д., будут агентами данного эксцитатива.

Второй ряд представляют участники, точнее участницы, обозначенные в примете словами *мать невесты или другая близкая родственница*, для предупреждения возможного чародейства завязывающие в тряпочку головку лука или чеснока и кладущие их затем невесте в карман. В данном случае речь не идет об оптимизации будущего экзистенциального состояния для невесты, следует иметь в виду нечто совсем иное. Типичное и общеизвестное действие ограждения и защиты от чародейства в смысле причинения вреда, в контексте рассматриваемого, пониматься будет как обеспечение ненарушенности указанной ранее субстанциональности чело-

века в невесте и пр., в том понимании и отношении, что ненарушенность эта предполагает возможность закладываемого, предполагаемого, предназначаемого ей в невесте дальнейшего проявления. И это был бы не эксци- татив достигаемого оптимума, как в предыдущем случае, а конфирма- тив* ее (субстанциональности человека в невесте) интегральности**.

Следующий ряд представляют 'другие', втайне от которых жених и не- веста захватывают с собой змеиную чешую для защиты от порчи, от- правляясь венчаться. Позиция этих других определяется тем, что, если производимые действия со стороны жениха и невесты для защиты от порчи будут осуществляться ими не втайне, т.е. эти другие увидят, при- сутствуя, как жених и невеста захватывают с собой змеиную чешую, то защитное действие этой последней либо ослабнет, либо себя не проявит. Эти другие тогда, о которых речь, о чем, впрочем, уже говорилось, вы- ступают как нежелательные свидетели, те, кто своим свидетельством снимает силу производимых защитных действий, или, иными словами, лишают, как свидетели, возможности нейтрализации предполагаемого деформатива (порчи в отношении жениха и невесты). Деформатив в этом случае не обязательно и не полностью совпадает с упомянутой ранее интегральностью. В сокращенном виде определяемые другие могут рас- сматриваться как нейтрализаторы конфирматива (в отношении субстанциональности человека в невесте и пр., в соединении с ее приоб- ретающим в женихе ассумптивом).

Отец невесты, согласно примете действующий в тот момент, когда невеста, отправляясь к венцу, садится в телегу, выступает как обеспечи- вающий в будущем не осложняемую, не утрудненную, не препятствуемую реализацию той (невестой) своей роли, т.е. как нейтрализатор про- хибитатива*** в отношении экзистенциональной субстанциональности человека в невесте и пр.

Из представленных в приметах ролей получалось бы в результате такое о вероятных их проявлениях и действиях представление, которое можно сводить к продуцирующему, поддерживающему и усиливающему либо нейтрализующему и снимающему воздействию в отношении опти- мума, ненарушенности (интегративности), неискаженности и беспрепят- ственности движущегося в своем развитии к экзистенциональному вос- производству, в человеке, процесса. Основу его составляет необходимость

* Лат. *confirmo, āvi, ātum, āre* 'крепить, укреплять'; 'усиливать'; 'закреплять, утверж- дать, упрочивать'; 'оказывать сильное содействие, поддерживать'.

** *Integer, gra, grum* [*из intager om in + tango*] 'нетронутый, незатронутый, невреди- мый, целый'; 'неубавившийся, неуменьшившийся'; 'незадтый'; 'пощаженный, непостра- давший'; 'неистощенный, неослабленный'; 'здоровый'; 'неприкосновенный, нерушимый'.

*** Лат. *prōhibeo, bui, bitum, ēre* [*pro + habeo*] 'удерживать, удалять, отражать'; 'не давать'; 'препятствовать, мешать, запрещать'; 'избегать, не допускать'.

быть целостным и неискаженным, с одной своей стороны, и проявляться в возможно наиболее полном (оптимальном) и не осложняемом, свободном и беспрепятственном виде, с другой. Позиции и роли перечисленных действующих лиц по отношению к нему, как процессу воспроизводства, определяются для этапа перед венчанием в формах эксцитатива, или стимулирующего, вызывающего, провоцирующего, способствования – по отношению к оптимуму, конфирматива, или обеспечения, поддержки и усиления – по отношению к целостности (интегративности) и нейтрализации – по отношению к нарушениям в отношении неискаженности и беспрепятственности.

Роли невесты, а также, как действующих самостоятельно, но в разбираемом случае в паре, жениха и невесты, опираясь на материал приведенных примет, имеет смысл определить в отношении позиционного времени – перед отправлением (невесты) к венцу, перед венчанием (для нее), при ее сборах к венцу, при вхождении в телегу, которая ее повезет к венцу; перед венчанием (для обоих, вступающих в брак), при их отправлении венчаться, при их продвижении на пути к венцу.

Как отдельное от жениха и самостоятельно действующее лицо невеста в период перед венчанием выступает в роли, во-первых, той, которая, как и агенты, которые определялись в значении эксцитатива предполагаемого оптимума, действуя в ее пользу, кладут ей в лифчик и под пятку означенные предметы, с тем отличием, что это точнее было бы называть, поскольку в отношении себя, не эксцитацией и не в отношении оптимума, а как-то иначе. Дело тут в том, что желает она благополучия и довольства в хозяйстве, и это можно представить, скорее, как форму интенционально направленной не стимуляции, не провоцирования, а создания благоприятных условий не столько, опять же, существования, сколько надежности и неозабоченности в смысле уверенности в достаточном материальном обеспечении для себя, для своей семьи и потомства. Своими действиями невеста формирует и создает своего рода благоприятное поле, в энергетическом смысле, безбедного, не обремененного заботами о насущном и необходимом, существования для себя, и это можно определять как интенционально заряженный просператив, с представлением о создании благоприятных условий. И в этой роли она выступает при отправлении к венцу и, несколько шире, перед венчанием. Два этих позиционных момента, следовательно, можно определять в отношении открытости их для создания в будущем благоприятных условий, как моменты для проявления интенционального креатива. Невеста в них, выступая агентом направленных соответствующим образом действий, может определяться в этой связи как формирующее будущее свое состояние начало, или автор аутокаталитического достижения.

Сборы к венцу, как показывают приметы, предполагают объектное проявление для невесты. Действия, связываемые с проекцией богатства и благополучия, производятся над ней. Так же как и действия по защите от чародейства (интегральный конформатив).

Активным агентом она выступает, садясь в телегу, т.е. перед самым отъездом к венцу. Проецирование в данном случае проявляет себя в отношении рождения детей, применительно ко времени и легкости предполагаемого продуцирующего процесса. Момент, в который невеста садится в телегу, тем самым, можно воспринимать как отмеченный и поворотный в отношении открытости для проекции репродуктива, и невеста тогда выступает и получает способность себя проявлять как та, которая может подстроить, настроить его для себя наиболее полным и благоприятствующим образом. Определить это можно как время, а с этим агентов (поскольку в этом случае действует также ее отец) репродуцирующего контента.

В паре жених и невеста, фигурирующие в приметах как брачующиеся (перед венчанием), как молодые (в отношении хозяйства и также перед венчанием) и как жених и невеста (отправляясь венчаться и по дороге к венцу), опуская рассмотренный ранее хозяйственный в отношении благополучия (*чтобы было все в изобилии*) аспект, проявляют себя в трех положениях. Как те, кто должен перед венчанием позаботиться о своем здоровье, поскольку любая болезнь *"завенчивается"* на всю жизнь и не излечивается потом. В этом своем положении и для такого своего проявления обозначены они как *брачующиеся*. Как те, кто, отправляясь венчаться, т.е. перед самым венчанием, должны оградить себя от возможного вредоносного действия, наведения порчи, со стороны недоброжелателей, будь то намеренного и профессионального, будь то не намеренного и не профессионального. Здесь они обозначены как *жених и невеста*. Движение и дорога к венцу, как из этого следует, предполагают открытость и незащищенность, допускающие возможность искажающего, наносящего порчу воздействия с чьей-либо стороны, и тогда момент перед самым отправлением оказывается как нельзя более подходящим для обеспечения необходимой защиты. И, наконец, еще одно, третье их положение, также связываемое с открытостью времени продвижения к венцу, допускает возможность сигнализирующего им объявления знака в виде воза с дровами, означающего, что на счастье в будущем им рассчитывать не приходится. В этом последнем случае примета на возможность предотвращения подобного положения указания не содержит.

В представленном отношении жених и невеста, в паре, оказываются объектами, открытыми действию потенциально не благоприятствующих, если не прямо препятствующих, искажающих и вредоносных сил. И эта их подверженность в положении перед венчанием, применительно к дан-

ному позиционному времени, либо предполагает необходимость защитных, предотвращающих, ограждающих действий с их стороны, либо, не предполагая возможность ее, дает им только узнать, что их может как не сложившееся, эмотивно неблагоприятное состояние, в виде отсутствия счастья, в последующем ожидать.

Первые два положения из трех ранее перечисленных можно было бы объединить, поскольку, если первое, предостерегая, разрешение предполагает в кульминационном моменте венчания (любая болезнь "*завенчивается*" на всю жизнь), то второе, связываемое с защитой от порчи, хотя и не сам этот кульминационный момент имеет в виду, а движение, направление к нему, – в обоих случаях возможным становится говорить о предотвращающем избегании, действиях, связываемых с отведением от себя того, что будет, воздействуя в сторону искажения, нарушать, деформируя, целостность, в том числе и физического, если не в первую очередь, состояния. Того и другой, жениха и невесты, обоих, для каждого, хотя при этом и без ясно выраженного их разделения. Обозначить это можно как уже ранее встретившуюся аверсию деформатива. Аверсию в предотвращающей, пропульсивной, ее разновидности. Жених и невеста в паре, во время, предшествующее венчанию, открыты потенциальному действию деформатива (при имеющейся у них болезни этот деформатив выступает как свойственный, проприативный; при наведении порчи – как приобретаемый, адъективный).

Оставаясь в том же ряду и контексте, третье возможное их положение той же открытости и незащищенности, но на сей раз для того проявления и воздействия, которое где-то уже состоялось, и отсюда неотвратимость невозможности счастья для них, обозначаемого возом с дровами, встречаемом на пути, – это третье возможное их положение можно было бы представлять как ирреальный (для них) позитив, негатив эмотива. Это "где-то", о котором шла речь, есть не что иное, как положение, позиция их в том экзистенциальном и самодвижущемся процессе, упоминавшемся неоднократно в связи с невестой как субстанциональностью человеческого в ней и через нее в ее (субстанциональности) продвижении и проявлении в воспроизводящем, репродуцирующем, своем развитии и продолжении. И тогда негатив эмотива можно и следовало бы воспринимать как неудачу, просчет, нерасчет их, вступающих в брачное соединение, непопадание, скажем так, в благоприятно стекающиеся положения и обстоятельства в отношении себя, в своем преломлении, проецировании к реализации через себя указанного перед этим процесса.

Нельзя ожидать в жизни новобрачных счастья в этом ключе означает, что движение (эмотив) процесса, о котором речь, объявляя себя при движении (эмотиве) их к кульминативу (венцу) осуществляемого ими совместного перехода (и вновь эмотива) к новому для себя и совместному

экзистенциальному своему состоянию (браку и жизни в браке), – в них и для них не сложилось движение это благоприятно. По каким-то имеющим свое значение и место причинам, в общем приметном случае не суть важно, каким, хотя причины такие, скрытые и мотивирующие, видимо, существуют. И, не сложившись благоприятно, он, этот процессуальный для них (*новобрачных*) эмотив, оборачивается для них невозможностью, ирреальностью их, на сей раз, позитивного эмотива, и потому объявляется как негатив эмотива. Эмотива в смысле протянутого, более или менее длительного, процессуально-непроцессуального взаимно благоприятного и обоюдно благополучного состояния проживания (обозначенного формой *в жизни обоих*), которое воспринимается для сознания, интерпретируясь *в счастье*, которого поэтому и *нельзя ожидать*.

Из всего сказанного следует общее представление о том этапе, который определяется термином *перед венчанием*, как предшествующий главному, определяющему, но не завершающему этапу, себя объявляющему в венчании. Открытость его (этапа перед венчанием), с одной стороны, для воздействия и проявления всевозможного рода, в том числе и искажающих, вредоносных, сил и та же открытость, с другой стороны, которая предполагает возможность проекции к будущему, с закладыванием желаемого позитивного состояния и положения вещей (в отношении невесты, что видится необходимым добавить), – эта открытость позволяет говорить о том, что это этап *формирования*. По отношению к тому, что производится в свадьбе, что свадьба как целое собой представляет, не столько сама по себе, а в проекции к всё тому же процессу, о котором говорилось неоднократно как об экзистенциальном самодвижении и самоосуществлении для себя самого и в себе самом, в человеческом, для людей в этом мире и на земле, себя лишь объявляющем.

Выстраивая в последовательности общий ряд этого направленного и поступательного движения, переходим от сватовства с его *каузированием* мены экзистенциального состояния для невесты и в отношении невесты, с уточнением в сторону конвенционально осуществляемой (сватами) *каузации*, через фазу, или этап, открывающего все остальное далее в *сговоре проецирования* (для невесты, но не над ней) и затем открытости в состоянии после сговора как таковой, связываемой с отпусанием ее, т.е. невесты, от себя, через обещанность, обетование, промиссию, к допускающему возможность в этой открытости, но уже устремленной к своему разрешению в обряде венчания, этапу перед венчанием *формирования*.

Промиссивное состояние невесты и для невесты, которое уподобить можно зиянию в применении этого к сложившемуся для нее после сговора положению, с незащищенностью и открытостью, обусловленными взвешенностью с отрывом от прежнего без определения к последующему (пла-

нируемое и предполагаемое все еще нереально), – такое ее состояние во времени и позиции перед венчанием предполагает, открывая возможность, обуславливаемую приближением к разрешающему в венчании моменту, обеспечения безопасного, при осуществлении определенных действий, перехода и проецирования, для себя, состояния благополучия и обеспеченности в будущем, в брачном своем пребывании.

Все это и допускает, с одной стороны, и предопределяет для осуществления, с другой, тот период, который, в общем ряду трех предшествующих и после него дальнейших последующих, означает формирование – того, что может, должно получиться и, если правильно действовать, произойдет. С той существенной оговоркой, что имеется, существует и способно себя проявить, в тот же самый период, или этап, обуславливаемый названным *формированием*, на что своим формированием, от себя человеческого, воздействовать возможным не представляется, поскольку это себя оформляет, если уже само себя не оформило (что для мира примет равнозначно), вне способности и вмешательства со стороны человека, преподнося это в примечаемых знаках, которые надо уметь прочесть, как неотвратимую осуществленную данность.

Венчание как этап кульминации

Оперативные проявления до момента венчания

Следующий в общей разворачивающейся последовательности и в приближении к нему этап, кульминационный и определяющий, представляет венчание. Его роль можно охарактеризовать как *детерминирование*. Это решающая позиция, от которой зависит многое и из которой следует то, что потом нельзя изменить (что было отмечено в представлении о болезни, которая "завенчивается" на всю жизнь).

Позиция, с одной стороны, обеспечивающая предохранение, защиту приобретаемого состояния, в том числе и физического, хотя точнее было бы говорить, упрочение на данный момент имеющегося. А с другой, это позиция, проецирующая закладывание в отношении желаемого будущего того, что может по этой причине себя в последующем осуществить. Возможные проективные формы такого закладывающего воздействия касаются будущей жизни в целом, здоровья, супруга, его отношения к супруге в последующем, а также (для невесты) подруг. Центральной фигурой при всем этом остается невеста, роль жениха себя определяет либо в парной совместности, либо в какой-либо связи и возможном по-

зиционном соотношении с ней. Более определенным и в ряде случаев значимым оказывается также последовательность действий в период венчания, его проявляемые фазы.

Первую более или менее ясную и очевидную группу в отношении временной последовательности отражают приметы, связываемые с общей рекомендацией, что надлежит, а что не надлежит иметь в виду и учитывать, приступая к венчанию:

Если кто венчается в день своего ангела, тот будет несчастен.

Рекомендация эта касается каждого из вступающих в брак, равным образом жениха и невесты. Параметральные признаки, следовательно, предполагают в качестве определяющего дальнейшего брачное состояние позиционное представление о времени:

Субъекты: тот, кто венчается в день своего ангела.

Позиционное и оно же *сигнификативное время*, поскольку становится значимым для последующего, для того, что из этого произойдет: день ангела для того, кто венчается.

Позиционное действие-осуществление: венчаться (в день своего ангела).

Статальное осуществление приобретения: будет несчастен (тот, кто венчается в день своего ангела).

Примета по общему заложенному в ней смыслу имеет знаково-предупреждающий характер. Знаковость заключается во временном совпадении дня ангела с днем венчания, которого следует избегать, а предупреждение – в предполагаемом, следующем из этой знаковости, избегании, основываемом на представлении «если встретится *A*, то неизбежно последует *B*» ($A > B$, если *A*, то *B*). Представлении, которое составляет знание предмета (предметом в данном случае становится время и день венчания со связываемыми с ним обстоятельствами) и на основе которого складывается модель, выражаемая формулой:

$$(T^1=T^2)S > S(\text{MiserEmot})$$

Формула и с этим стоящая за нею модель отражает значение более общее, затрагивая идею возможного совпадения времени чего-то одного со временем чего-то другого, что может вести и ведет к мизеративному состоянию субъекта в отношении его мотива. Будет ли это производимое субъектом во время T^2 действие или произошедшее в это время событие, касающееся его, прямо либо не прямо и опосредованно, зависит от предполагаемых, возможных форм реализации данной модели. Применительно к разбираемому случаю, в отношении венчания, формула означает, что

сингулятивный субъект (кто-то один из двоих венчающихся) возможного временного стечения обстоятельств, дня ангела с днем венчания, с производимым им детерминативным, определяющим, действием перехода к парному экзистенциальному состоянию для себя становится, выступает субъектом эмотивной ущербности (мизеративности) обретаемого им состояния и объектом, тем самым (вследствие достигаемой эмотивной мизеративности), негативно отмеченных переживаний в последующем.

Данное уточнение, также парадигматическое по своему существу, поскольку касается общего представления, не конкретизируемого применительно к действующим лицам и обстоятельствам протекания, также можно было бы в формуле передавать. Но мы этого делать не будем, поскольку необходимая для этого подробность вводимых параметров, требуя новых значений и следующих из этого объяснений, значительно усложняла бы представление, дополнительно формализуя, но для понимания немного внося. Ограничимся указанием на то, что при обобщенной формализации описания такое возможно.

Важным для разбираемого положения, равно как и всего последующего, будет то, что имеется некое представление (для сознания, ориентированного к миру примет) о протекающем времени, которое предполагает отмеченные в том или ином своем отношении моменты, и эти моменты не следует, если это возможно и при этом зависит от совершающего, накладывать в их совпадении на другие, в другом своем отношении значимые. Линии или плоскости этих времен (может, не линии и не плоскости, а энергии, поля, измерения, что, впрочем, неважно), каким-то образом организуемые и устраиваемые, касаются все того же экзистенциального самодвижущегося процесса, который себя объявляет в предметном мире примет, в них ощущаемом, о котором уже не раз говорилось, но о котором, вместе с тем, ничего определенного сказать нельзя, его можно только, предполагая, учитывать.

Важным видится также то, что, собственно, уже было отмечено. Венчание детерминирует, предопределяет для тех, кто его совершает, точнее над кем оно совершается, дальнейшее их совместное состояние, затрагивая при этом, хотя и разные, но определенные аспекты его. В частности (как это себя проявило в рассматриваемой примете) аспекта эмотивного приобретения. С чем уже приходилось сталкиваться на примере едущего воза с дровами, встреченного женихом и невестой, идущими к венцу. Если в том случае подобная встреча предполагала такое их эмотивное состояние, и при этом обоих, которое определялось словами *нельзя ожидать в жизни новобрачных счастья*, то, по внешнему виду сходное *тот будет несчастен* в разбираемой примете не то, чтобы виделось чем-то иным, но несколько в ином повороте.

Первое, на что следует обратить внимание, но что предшествует самому достигаемому в будущем состоянию, это на то, что, если встреча с возом на дороге к венцу никак не зависит от тех, кому этот знак назначается и его поэтому как предназначения не избежать, то венчание в день ангела будет следствием либо незнания, либо пренебрежения соответствующим знанием, непринятия его для себя. Иными словами, за этим стоит как осознанный, так и не осознанный выбор. Субъект имеет возможность выбора, от него зависит, равно как и от тех, кто при нем, получить или не получить то, что из этого выбора будет следовать.

Вторая существенная особенность (и из этого будет следовать также дальнейшее) связана с тем, что при встрече с едущим возом с дровами счастья в жизни обоим не надлежит ожидать, в то время как венчание в день ангела типично и на основе приметы вполне очевидно касается одного из двоих, он один будет несчастен в последующем, о втором субъекте в супружестве не сообщается.

И третье, которое можно усматривать в формулировке того и другого, – *нельзя ожидать в жизни новобрачных счастья*, с одной стороны, и *тот будет несчастен*, с другой. Там – *нельзя ожидать*, здесь – *будет*. Нельзя ожидать, значит можно и следовало бы, предполагалось, хотелось бы ожидать – интенционально направленная к предполагаемому эмотивному позитиву обращенность, настроенность и нацеленность. Идущие жених и невеста к венцу, равно как и те, кто при них и с ними, настроены на то, что брак их будет, должен быть, хотелось бы, чтобы был, счастливым. И при этом не просто счастливым как таковой, а который содержит в качестве важной идеи *в жизни* (о чем, впрочем, уже говорилось и к чему возвращаться не будем).

В формулировке *тот будет несчастен* нет представления об ожидании, здесь нечего ожидать, обращенности к эмотивному позитиву нет. Тот, кто венчается, в этом случае делает это не то, чтобы не побуждаемый мыслью о своем счастье в браке, не в этом, однако, смысл им производимого. Будет несчастен – следствие само собой разумеющееся, ему являющееся и себя ему объявляющее как естественное, неизбежное и таковое. Сделаешь то-то и то-то в такой-то момент, получишь, по природе вещей, соответственно, то-то и то-то. За этим стоит не инвенция, не случайность встречи, вдруг себя объявившей, когда ее можно было бы и хотелось бы не ожидать. За этим правило, форма существования, закон вещей и явлений, нарушение которого ведет к тому, к чему неизбежно ведет.

И, наконец, то, что *несчастен*, в отличие от *счастья в жизни*. Если это второе можно и виделось допустимым рассматривать как проекцию эмотивного негатива в его распространении, применении, приложении к *жизни*, то *несчастье* первого, не несчастье как таковое, пусть даже в его продолжительности или серий, и не несчастливость, – определяет,

пусть и сопровождаемый эмотивом переживаний, но в общем и целом как таковую ущербность, не наделенность и обойденность, лишенность и обделенность счастьем. И при этом не в жизни, а как таковым. Счастье не будет присутствовать и не будет такого нарушившего соотношение времени сопровождать. То соотношение времени, возможно, что двух состояний, позиций, времен, которое прямо и непосредственно, предназначаясь и для него проявляясь, имеет в нем свое отражение. То, что это день его ангела и день его же венчания можно воспринимать как существенное, но при этом и частное, конкретизированное в этих позициях, нарушение.

Интерпретируя день ангела как сильный и вместе с тем скрытый в своем воздействующем значении для субъекта день, сопровождением позитивной защитной силы потустороннего, защитной и стимулирующей (одна из возможных интерпретаций, поскольку в приметном ключе, ключе предметного мира примет), в его совпадении с днем венчания дает не просто нейтрализующее, снимающее силу защитного и стимулирующего воздействия, но ведет к лишению, потере, утрате счастья. Счастья в мифологическом, изначальном и этимологически обусловленном понимании, от слова *часть*, назначение, доля, то, чем человек наделен, что получает он при своем рождении. Этой части своей, счастья своего для себя, ему полагаемого и предназначаемого, тот, кто венчается в день своего ангела, и лишается, счастье уходит, возможно, что отбирается от него (мировоззренческие обоснования этому для разбираемого проявления не существенны). Отсюда то, что было выражено как ущербность будущего его состояния как эмотива и в эмотиве, эмотива в смысле пребывания, проживания и нахождения, в этой утрате и обделенности, в *несчастности* самого для себя, т.е. мизеративности, сопровождаемой также, что неизбежно, и эмотивом как переживанием, чувством и ощущением (объект негативно отмеченных, сопровождающих и вызываемых, производимых, создаваемых в нем, переживаний как неотъемлемое, связанное с ним и *его* потому состояние).

Детерминирование как признак, свойственный для этапа венчания, как уже отмечалось ранее, обуславливает необходимость избегать ослабляющих физических состояний. Для невесты это может быть временем ежемесячных очищений, предупреждение в отношении которых содержит следующая примета:

Невеста должна остерегаться, чтобы венчание не пришлось на время месячных; в свою очередь внезапное открытие кровей не предвещает невесте хорошего и пророчит недолгую супружескую жизнь.

Чем грозит и тем ли же самым, что и второе, первое для невесты, трудно сказать. Исходя из приведенного текста, это можно интерпретиро-

вать как довольно общую рекомендацию: слабость физического состояния невесты, а также выход из нее кровей, предполагая ее подверженность и открытость, эту подверженность и открытость, закрепляя венчанием, "завенчивая", как это определялось ранее, переносит на последующее ее брачное состояние, то, которое она приобретает и которое ждет ее после венчания. Показательным можно считать также и разделение. В первом случае говорится о том, что *невеста должна остерегаться*, т.е. быть осторожной и начеку, понимая, что это может что-то недоброе в себе заключать. Не мотивируемое, но весомое предостережение: опасайся, поскольку ни до чего хорошего это не доведет и добра ожидать не приходится. Не исключено также то, что ожидаемое это недобро способно иметь не для всех одинаково общий характер, кому-то будет грозить чем-то одним, кому-то другим.

В то время как второе отмеченное как неблагоприятное проявление, с внезапным открытием кровей, содержит, если и не до конца очевидное, то более точное установление, оформляемое с помощью слов *не предвещает* (ничего хорошего) и *пророчит* (недолгую супружескую жизнь). Коль скоро пророчит и не предвещает, то это следует воспринимать как знак. От самой невесты ничего не зависит, состояние ее физической слабости, вызванной открытием у нее кровей, предстает как внезапное. Не было, следовательно, предпосылок к этому, сама она не могла ни предвидеть этого, ни, тем более, предполагать, происходит это помимо обычного для нее проявления, в нарушение сложившейся регулярности. Отсюда *пророчит* и *не предвещает*, в известном смысле, судя по оформлению в тексте, также и связанные между собой. *Не предвещает невесте хорошего и пророчит недолгую супружескую жизнь*. Не предвещание хорошего, как получается, касается ее жизни с супругом, которая определяется как *недолгая*. Следует ли это понимать как распад ее брачного состояния, смерть, в том числе, возможно, и собственную, или то, что супруг ее может бросить, при этом также не исключено, что уйти к другой, – об этом не сообщается. Как потому, что это может иметь в реализации индивидуальный характер, так и потому, что примета этого не содержит, поскольку нет этого в представлении, а внезапное открытие у невесты кровей во время венчания означает то ожидающее и неизбежное недобро, которое выражает себя в том, что супружеское ее состояние будет недолгим.

Невеста в первом возможном случае, для *остерегаться*, выступает субъектом, избегающим осуществления чего-либо, в разбираемом случае венчания, в свою пользу. Ослабляющее физическое ее состояние от нее не зависит, она объект этого своего состояния, так же как объект второго возможного случая, с внезапным открытием кровей. Но для второго, в отношении этого второго, она не имеет возможности как-то активно себя проявить, субъектность касается только первого. Модель того и другого

одноместна, все обращается вокруг одного персонажа – невесты. То, что должна она остерегаться, предполагает проекцией избегание (эвитатив), касающееся ее физической слабости (инфирматива), *EvitInfirm*, которого во втором из двух представленных случаев она, выступая его объектом, избежать не имеет возможности, *Obj(Infirm)*. То и другое, предполагая недоброе, малефикатив, *Mal*, определяет себя, обращая вокруг идеи не-продолжительности, прерывания длительности, интермиссии дуратива, *Intermiss(Dur)*, для брачного ее состояния, экзистенциального паритива *Par(Exist)*:

Subj(EvitInfirm)/Obj(Infirm) // Mal[Intermiss(Dur):Par(Exist)]

Примета в целом имеет предупреждающий смысл, который можно определить как инвенционально-предупреждающий, с предположением соответствующей группы, вкладывая в понятие инвенциональности (об инвенции ранее уже говорилось) представление о том, что вдруг встретилось, себя обнаружило, произошло, помимо воли и действия со стороны кого-либо, без использования при этом каких-то предметов, как событие, явление, случай, внезапный, не ожидаемый, не предполагаемый, для человека и по своей видимости, но не по приметному, а тем самым, и значимому, себя объявляющему в отношении кого-либо существу.

В связи со сказанным при определении и относя примету к довольно широкому пониманию недобра, которого не во всех вероятных случаях невесте дается возможность, повлияв на что-либо, избежать, трудно было бы говорить о признаке, который бы квалифицировал достаточно ясно стоящее за всем этим представление. Таким мог бы быть, как объединяющий обе части, инфирматив, ведущий к малефикативу, но это все же несколько обобщенное положение.

Отвлекаясь от определения во второй части объединенного представления (с внезапным открытием у невесты кровей), можно было бы говорить, и в этом противоречия либо чего-то несообразного нет, о том, что та смысловая концептуальная единица, которая за всем этим стоит и себя проявляет, могла бы характеризоваться, в отношении детерминирующих состояние человека периодов, этапов значимого для чего-то последующего перехода, актуально отмеченных временных моментов, как инфирмативный эвитатив – избегание ослабленного физического состояния, необходимость подобного избегания. Эта слишком общая и достаточно очевидная мысль, претворяясь для отображаемой в разбираемой примете данности, оборачивается предупреждением для невесты в отношении венчания. Слабость в открытости у нее кровей ведет к ослаблению позитива будущего брачного ее состояния, проявляющего себя, в том числе, в "ослаблении" его времени, отведенного времени для него (отведенного

себя в нем отражающем экзистенциональным процессом). Не будет, тем самым, это ее состояние длительным.

На венчающихся не должно быть шейных и ручных украшений из камня и металла, в противном случае вся их жизнь будет полна страданий и слез.

Так сообщается в очередной примете. Не вдаваясь в определение того, почему наличие шейных и ручных украшений из камня и металла (повидимому, утяжеляя и некорыстно действуя на энергетику, скажем так, формируемого брачного состояния), почему их наличие, и именно этих предметов, ведет к тому, что сообщается далее, поскольку не в этих определениях состояла задача, – обратим внимание на то, что в данном случае появляется новая группа, предметно-предотвращающего характера. Имеются, существуют предметы, использование которых, ношение на себе, обладание ими, присутствующее наличие, иными словами, в определенный момент, при совершении чего-либо, может, мешая, препятствуя, создавая эффект не желаемого, навредить. Именно это важно для объяснения разбираемого случая. То, что в другое в позиционном отношении время может быть нейтральным, а возможно, и положительным, в этот детерминирующий, также и для себя, период оказывается по существу негативным.

Значимым видится следующее из всего этого предостерегающее указание – *в противном случае вся их жизнь будет полна страданий и слез*. Важно и то, что *вся их жизнь*, как совместная, главным образом, так и в отдельности каждого, что также не исключено. Из чего получалось бы, что наличие шейных и ручных украшений из камня и металла во время венчания закладывает неизбежную, поскольку полную, тяжесть на все последующее. Важно и то, что *будет полна страданий и слез*. Украшения из камня и металла, с привязанным уточнением шейные и ручные (о других возможных при этом не говорится, видимо, в силу их малой правдоподобности, однако оставим и этот вопрос), обуславливают, с одной стороны, то, что *вся их жизнь*, с другой, то, что *будет полна*, равно как и то, что *страданий и слез*. Не говорится при этом о могущем себя проявить разделении, скажем, если кто-то один из двоих, предположим, невеста, будет иметь на себе перечисленные украшения, а другой не будет, отразится ли это на них обоих или только на ком-то одном, на том, на ком они будут. Видимо, это малосущественно, если значимо как таковое, из чего получалось бы, что закладываемое состояние в отношении жизни, ее полноты, со страданиями и слезами, затрагивает обоих, независимо от того, кто из двоих в разбираемом случае себя проявляет нежелательным образом.

Вернемся, однако, к тому представлению, о котором шла речь. Что стоит за тем, что *вся их жизнь*, а также *будет полна и страданий и слез*? Применительно к определяемому детерминативному времени и не способствующим благоприятному его проявлению в будущем обстоятельствам в виде предметов на шее и/или руках.

Начнем с последнего. Страдания и слезы предполагают такое тяжелое состояние, которое, будучи вызвано внешними неблагоприятными положениями, отражаясь в неуклонно следующих одна за другой, нередко в растущей прогрессии, трудностях, потерях, утратах и неудачах, вызывает в переживающем накапливающуюся эмоциональную подавленность, порождающую чувство непреодолимости и безысходности, что можно связывать с глубоким негативно заряженным эмотивом по поводу своей экзистенции, *EmotExist*. Представление о том, что *вся их жизнь* и что *будет* этим *полна*, не только усиливает, но отмечает данное внутреннее неизбывное состояние как непреодолимое, неотъемлемое, весомое, тянущееся и постоянное. Весомое и крайне тяжелое в насыщенной своей протяженности. И это был бы признак, сопровождающий в своем усилении смысл глубокого негативно заряженного эмотива по поводу своей экзистенции, *EmotExist:NegProfund*, для переживающего его лица, как объекта данного своего состояния, *Obj*, – признак, который можно было бы обозначать как гравитатив инфинитного эксплетива (тяжесть непреодолимой перенасыщенности), *Grav(InfinitExplet)*.

Те, кто венчается, исходя из того представления, которое заложено в разбираемой примете, выступают в роли субъектов, которым вменяется в качестве необходимости избегать, *Evit*, иметь на себе (на шее и руках в качестве надеваемых, накладываемых, аппликативных, *Appl*) те приметы, которые способны себя проявить как воздействующие, *InstrInsert*, на эмотивное и экзистенциональное состояние обоих в указанном отношении для данного случая. Модель тогда будет одноместна, венчающиеся выступают как парно-совместный субъект в первой части с перенесением представления о них же, но как объектах возможного состояния, во второй:

Subj(EvitAppl:InstrInsert) // Obj[(EmotExist:NegProfund:Grav(InfinitExplet))]

При определении данной формулы внимание в отношении последующего стоило бы обратить на такие сущностные и часто встречающиеся в приметах предметы, которые, наделяясь свойством какой-то воздействующей заряженности, той или иной, могут быть названы в этой связи *инсертивы**. В разбираемом случае это накладываемые, надеваемые на

* Лат. *insĕro, sĕrui, sertum, ĕre* ‘всовывать, вдевать, продевать’; ‘вкладывать; вделывать, вставляя’; ‘прививать’.

себя и носимые, следовательно аппликативные (точнее было бы говорить апплицируемые) шейные и ручные украшения из камня или металла, воздействие которых на венчающихся определялось в проецируемом ими, влияющем на проекцию в будущем, состоянии молодых, определенном как полнота для жизни страданий и слез.

В качестве инсертивов, как предметов, наделяемых существенной, значимой для того или иного момента, часто поэтому и используемых в данный момент (в разбираемом случае таким также отмеченным, или *приметным*, временем выступает венчание), могут быть и другие. Змеиная кожа (чешуя), к примеру, как это было представлено ранее. В ряде случаев, видимо, следует говорить об их привязанности как предметов, а с этим и средств, воздействия к отмеченному моменту использования либо без нее и, тем самым, воздействующих на что-либо как таковых. Различие, которое, связываясь с разным характером действия их как инсертивов, предполагает либо не предполагает для них определенное, приметное, примечаемое, стечение обстоятельств, будь то в отношении времени, будь то события, явления, действия и т.п. На их эту особенность впоследствии будет обращать внимание при описании анализируемого материала.

В целом, возвращаясь к примете, представленной в охарактеризованной формуле по одноместной модели субъекта действия (понимая под этим, фактически, избегание, т.е. не действие, в смысле *не делать* = 'не надевать на себя'), с перенесением, преломлением, транспозицией, того же субъекта к будущему (при условии, переданном словами в *противном случае*, т.е. при неизбежании) в качестве объекта переживаемого неотступного состояния (*вся их жизнь будет полна страданий и слез*), – возвращаясь к данной примете в ее описании, определить ее можно было бы, исходя из ведущих признаков предметно-предупреждающего характера, как единицу инсертивно-гравитативного вида. То есть такую семантическую единицу, отображаемую в этой примете, передаваемую в ней, которая предполагает, при несоблюдении определенных условий, наличие предметно себя выражающих средств, заряженных тяжестью, утяжелением, для данного случая себя проявляющем будущим эмотивно-экзистенциональным состоянием не соблюдающего связанных с данным предметом (предметами) условий. Того, кто не соблюдает соответствующих условий как субъект, становясь объектом переживаемого им впоследствии, фактически вызванного, созданного им самим в данный момент, состояния. Тем самым, для определения той семантической единицы, которая за всем этим стоит, в ее более полном виде, следует говорить о предметно заряженной утяжеленности состояния, формируемого, осуществляемого аппликативно, данным субъектом для себя самого, или о транспозиционности инсертивного гравитатива к статальности субъектно-объектного проектива.

Очередная примета (оставаясь в контексте той же конвенции), будучи двуместной, в отличие от предыдущей, и развивая отчасти то, что в той было предметом, предполагает, с учетом производимого как замещенного по внешнему своему проявлению апплицирования, накладывания на себя, но других по своему значению, инсертивов, выглядит следующим образом:

Возбравая во время венчания иметь на себе металлические украшения и драгоценности, обычай требует безусловно, чтобы невеста держала под левой грудью серебряную монету или серебряную вещь, тогда у рождающихся детей будут чистые головки.

Действующим лицом, в данном случае представляемом в виде агента, поскольку *держала под левой грудью* предполагает предварительно производимое аппликативное действие, производимое к тому же сознательно и целенаправленно, в данном случае таковым лицом выступает только венчающаяся невеста, без жениха, и это был тогда сингулятивный действователь. Производимое ею действие (прикладывать и держать или только держать) имеет проективный характер. То, что ею осуществляется, направлено в своем результате к тому, что должно быть, ожидаясь впоследствии, провоцируя в будущем возникновение, появление желаемого, которое определяет себя в отношении имагинативных объектов (воображаемых детей). Примета имеет в этой связи предметно-провоцирующий характер, с помощью заряженных соответствующим образом инструментальных предметов (как средств), инсертивов, вызывая, побуждая, провоцируя в будущем необходимо-желательный результат. Инструментализация в этом случае может быть определена как симилятивная, через подобное возбуждая подобное: серебряная монета или вещь воспринимаются как такие, которые действуют на чистоту у головок детей при условии прикладывания и держания во время венчания этих предметов (одного такого предмета) под левой грудью, с той стороны, где сердце, согласно известному представлению о беременности в отношении ребенка, передаваемому в формуле *носить (кого-то) под сердцем*.

Параметральные признаки этой приметы можно видеть в таком проявлении:

Субъекты: невеста во время венчания.

Позиционное время: венчание.

Сигнификативное действие достигающего (разрешающего) характера: держать (невесте) под левой грудью серебряную монету или серебряную вещь.

Предметы-средства (аппликативные, движимые): серебряная монета или серебряная вещь.

Целевое достижение разрешения отдаленной цели-следствия: у рождающихся детей будут чистые головки.

Моделирующая двуместная формула получает следующий вид:

$$Ag(Project):Appl(SimilInstr) > ObjImag(Opt)$$

Определяющими признаками для формулы, а следовательно, и стоящей за нею модели, будут выделенные полужирным курсивом *Instr* и *Opt*, и это был бы инструментальностный оптатив: достигаемое как желательное с помощью используемых для этого средств (инсертивов для данного случая).

Невеста, выступая агентом побуждающего, индуцирующего, проецирования, *Ag(Project)*, осуществляя это с помощью симилятивных и при этом стимулятивных средств, стимулятивно-симилятивной инструментализации, посредством прикладывания к себе заряженного инсертивно предмета, *Appl(SimilInstr)*, направляет интенционально, мысленно (впрочем, она сама этого может не знать, однако не в этом дело) производимое ею проективное по своему характеру действие на объекты желаемого будущего, *ObjImag(Opt)*.

Возникает в этой связи вопрос о возможной для данного случая разновидности побуждающего проецирования, или индукции. Чтобы ответить на него, в первом, не соотносимым с другими подобными, приближении, задуматься следует над тем, что за этим стоит, каким образом данный вид проецирования достигается, предполагается к своему достижению. Рассуждая последовательно: если невеста прикладывает к левой груди серебряную монету или серебряную вещь и держит это во время венчания, чем проецирует, индуцируя, то, что у рождающихся детей будут чистые головки, то такая индукция, энергетически (ограничимся этим словом за неимением лучшего), предполагает притягивание (*интракцию*). Притягивание к себе, под сердце, под левую грудь, такого впоследствии "внутриутробного" у себя положения, которое будет, начнет, воздействовать на ее детей "очищающе". И это была бы, также и в свою очередь, такая разновидность притягивания, которая определяет воссоздаваемое, формируемое (на основе индукции) положение, в смысле позиционно определяемых условий для существования либо действия чего-либо или кого-либо – *конститутив*.

Общая схема соотношений того, что получилось в результате выведенного, предполагала бы различие по уровням – проецирования (I уровень) для побуждения, или индукции (II), в ее разновидности для притягивания, или интракции (III), себя проявляющей в создании желаемого положения вещей, конститутивности (IV). Что касается самого проецирования, то

его, в четырех до этого выведенных и представленных ранее разновидностях, можно было бы, опираясь на предполагаемый способ проекции, определять в двух возможных позициях – как то, что, проецируясь, предполагается с помощью либо а) создания, появления, формирования, репродукции, либо, напротив, б) откладывания, нейтрализации, ликвидации, упразднения. Первую пару составят проекции, определяемые как побуждение (индукция) и вызывание (эксцитация). Вторую – как отведение (аверсия) и отодвигание, откладывание (деляция). Разновидности этих проекций (проецирование очень сильный способ воздействия в мире примет) отчасти ранее себя уже проявили, и при анализе внимание на это, хотя непоследовательно, было обращено. В дальнейшем также предполагается к этому обращаться, предполагая вывести более полное о них представление, с уточнением проецирования* как явления, характерного для предметного мира примет.

Небезынтересным видится на первый взгляд представляющееся в ином повороте (опираясь на содержание примет) соположение того, что нашло свое отражение в двух последних рассмотренных, передаваемое словами *Возбраняя во время венчания иметь на себе металлические украшения и драгоценности, обычай требует безусловно, чтобы невеста держала...* и далее до конца. С одной стороны, *возбраняя иметь на себе*, а с другой, *обычай требует безусловно. Возбраняя иметь* при этом относится к положению, связываемому с тем, что *вся их жизнь* (венчающихся) *будет полна страданий и слез, а обычай требует безусловно* – к тому, что *у рождающихся детей будут чистые головки*.

Опуская то представление, о котором не раз говорилось в отношении невесты как субстанциональности репродуктивного человеческого (в приложении к рождению у нее детей), обратим внимание на стоящую за всем этим конвенциональность в том, что *обычай требует безусловно*. Нет никаких исключений из правила, раз *безусловно* и *требует*, по сложившемуся и общепринятому установлению как порядку вещей, раз *обычай*. И вместе с тем за этим стоит также нечто не то, чтобы более общее, но существенным образом уточняющее. То положение, тот создаваемый в результате венчания пары статус экзистенционального их проживания и пребывания, который шире, в них, через них и от них выходит к чему-то более общему. На основе чего можно видеть отнюдь не случайное и связываемое, а не дифференцирующее, расподобляющее, на первый взгляд, соположение страданий и слез, с одной стороны, и чистых головок у рождающихся детей, с другой. Связь эту можно видеть и выводить из укрытого, ощущаемого (в мире примет), представления об утяжелении, обремененности, "битости", ущемлении, ущербе и пораженности – по-

* Прогностическая функция, как ее разновидность.

ложения, статуса, состояния экзистенциального проживания (в данном случае пары, через нее и в ней). Экзистенциальности пребывания в этом мире как таковой, которую, как пораженность, ущербность, утяжеление и "битость" (ср. *битый, побитый* в смысле 'погрызенный' *молью* применительно к жизни, положению в жизни и в ней состоянию, с таким ощущением в ней), необходимо и следует избегать. Утяжеление это и "битость" себя объявляют для пары в том, что *жизнь их будет полна страданий и слез*, для репродуцирующего в них экзистенциального состояния, в невесте себя проявляющего, в том, что *у рождающихся детей* могут не быть и не будут, если *обычай*, который *требует безусловно*, нарушен, *чистые головки*. Чистые головки, тем самым, есть показатель чистоты, "непобитости", экзистенциального состояния (молодых, но и не только их, поскольку за этим конвенция и обычай) и вместе с этим проекция жизни, свободной, чистой, от полноты страданий и слез.

Продолжая идею развития так называемой ритуальной чистоты либо нечистоты, подходим к примете акционально-предотвращающего характера. В случае неизбежности случившегося нечисто-болезненно, т.е. физического, состояния, необходимо предпринять не защитные, не охраняющие, а отводящие, выводящие действия:

Если во время венчания кто-либо из брачующихся нездоров, то ударяют три раза в колокол.

Появляется новый субъект – тот, кто ударяет в колокол. Хотя реально здесь действует не одно лицо, поскольку первоначально также и те, кто, заметив сложившееся положение, связанное с нездоровьем одного из брачующихся, обращаются с соответствующей просьбой, но ударяет при этом обычно один. Множественное число при глаголе отображает, тем самым, не производимое действие как таковое, а всех тех, кто в нем принимает какое-либо участие, каковыми можно считать присутствующих при обряде. Параметральные признаки выглядели бы следующим образом:

Субъекты: тот (те), кто ударяет три раза в колокол; тот, кто из брачующихся нездоров.

Позиционное время: момент венчания.

Сигнификативное действие предотвращающего характера: три раза во время венчания ударить в колокол.

Предмет-средство достижения цели: колокол (на колокольне в церкви, во время венчания), в который следует трижды ударить.

Целевое достижение отдаленной цели-следствия (на основе общего представления о необходимости быть здоровым во время венчания): предотвратить возможность "завенчания" болезненного состояния на всю жизнь.

Трехкратное ударение в колокол во время венчания, имея смыслом предотвращающие (превентивные) действия, предполагает создание... и в этом случае возникает вопрос – создание такой биометрической, скажем так, энергетически-полевой атмосферы, которая будет блокировать продолжающееся проявление болезненного состояния в последующем или снятие, блокирование этого состояния (поскольку все же не излечение) на данный момент, т.е. на время венчания? Более правдоподобным видится это второе. Трехкратное ударение в колокол создает такую блокаду, не давая возможности закрепить нездоровье брачующихся, одного из них, посредством венчания. В этом случае превентивность будет иметь не избегающий, что предполагает уход, минование, пропуск, перерыв, неучастие, а побуждающий, провоцирующий, характер, смысл которого заключается в создании (не избегании неучастием), вызывании такой атмосферы, таких проявлений, действий, признаков, средств, которые имеют целью задуманное, приписываемое им, закладываемое воздействие. К этому, собственно, и сводится то, о чем речь.

Для обобщающей типизации признаков, различающих в целевом отношении виды примет, в группе акционально-предотвращающих, на основе сказанного, можно было бы выделять единицы (как на примере с колоколом) побуждающего (провоцирующего) и избегающего характера. К этим последним из ранее проанализированных следовало бы относить рекомендательную, в мысль избегания, как предостережение: *Если кто венчается в день своего ангела, тот будет несчастен*. Непосредственно предостерегающую, предполагающую необходимость, избегая названное состояние, до венчания по возможности не допустить (но только в первой, зависящей от поведения, части, вторая дается как неизбежность): *Невеста должна остерегаться, чтобы венчание не пришлось на время месячных; /в свою очередь внезапное открытие кровей не предвещает невесте хорошего и пророчит недолгую супружескую жизнь/*. И третья, также рекомендательная, предполагающая предостерегающее предписание для вступающих в брак и в смысловом отношении связанная с трехкратным ударением в колокол, что можно рассматривать как ее продолжающееся развитие и уточнение: *Брачующиеся должны позаботиться о своем здоровье перед венчанием и по возможности подлечиться и даже попоститься, так как если у них есть какая-нибудь болезнь, то она "завенчивается" на всю жизнь и, как бы незначительна она ни была, она не излечивается потом*. Примет избегающего характера, как показывает материал, в группе акционально-предотвращающих больше, чем провоцирующих.

Говоря об этих последних, в связи с побуждением, следует вспомнить о том, что оно рассматривалось в ряду разновидностей проецирования, как проецирование индуцирующего, т.е. вводящего, типа. Из чего получалось бы, что, под проецированием следует понимать создание такого

желаемого и с этим мысленного положения, которое в будущем будет способно вызвать, установить то, что полагает себя как цель устремления. В побуждении, применительно к этому, как в разновидности проецирования, следует видеть воздействие на что-то или кого-то, способное, будучи активизированным, это желаемое воссоздать. Не вдаваясь в подробности, требующие анализа материала, предполагающего возможность сопоставления, вспомним только о том, что к разновидности индуцирующего, побуждающего, проецирования относилась примета с серебряной монетой или серебряной вещью под левой грудью невесты для провоцирующего проецирования чистоты головок у рождающихся детей. Примета, которая в этой группе II-го уровня на III-м определялась в значении интракции, или притягивания, а на IV-м – в создании положения, конститутивности.

Сопоставим, для различения, это с тем, что получалось бы на основе трехкратного удара в колокол в случае нездоровья одного из вступающих в брак. Проецирование не "завенчивания" данного состояния, заключающееся в побуждении, провоцировании с помощью колокола, в который надо ударить три раза, вызвав, тем самым, соответствующий резонирующий и очищающий, видимо, звук (с предположением святости и обращенности к высшим в этом случае силам), что было объяснено как блокирование состояния нездоровья на данный момент с невозможностью его закрепления венчанием с перенесением в будущее (на всю оставшуюся жизнь), – и тогда в чем заключалось бы это, блокирующее по своему смыслу, побуждение, провоцирование, или индукция? Не было бы это притягиванием (как в примере с чистотой головок детей). Но и не было бы также отталкиванием. Блокирование, о котором до этого говорилось, касалось бы действующего на нездоровое состояние брачующегося в данный момент, но не характера возможного побуждения, т.е. индукции. Остается не выясненным, следовательно, вопрос о том, что, а точнее как, побуждается, индуцируется и провоцируется. Обращение к высшим силам посредством трехкратного удара в колокол можно рассматривать как призванное привлечь эти силы к тому, кто венчается, будучи нездоров, к его состоянию, которое следует в этой связи не блокировать, а на будущее, в ожидаемом и предполагаемом будущем, излечить. Исходя из этого можно было бы говорить о таком проецировании в его побуждающем проявлении, которое предполагает снятие, нейтрализацию, упразднение, отмену того, что имеется, применительно к будущему. Подобную разновидность индукции для проецирования можно было бы определять как ремиссию.

Проявления, характерные для отдельных моментов венчания

Очередную группу примет, относимых к этапу венчания, с точки зрения позиционного отношения к времени, составляют те, которые регулируют производимое и происходящее непосредственно в ходе обряда и которые следует относить по этой причине к моменту венчания. Момент этот, воспринимаемый как отрезок времени, имеющий свое обозначенное для присутствующих и, тем самым, сознания начало и такой же общепонятный конец, распадается в материале примет на такие свои значительно проективные (*приметные*) формы: 1) от подхода жениха и невесты к аналою вплоть до выхода их из церкви; 2) время венчания в целом как таковое; 3) подход к аналою жениха и невесты; 4) момент, в который невеста становится на подножие перед аналоем; 5) момент, в который, идя к аналою, жених или невеста, кто-то из них и при этом первый, становятся на подножие (правой) ногой, и это не то же самое, что в предыдущем пункте; 6) момент, в который жених или невеста, кто-то первый из них, становится на коврик перед аналоем; 7) момент, когда после венчания, новобрачные (новобрачная) отходят от аналая; 8) момент, когда брачующиеся обходят вокруг аналая; 9) момент после выхода из церкви после венчания; 10) день венчания в целом как таковой.

В перечисленном нет последовательного временного порядка, его можно видеть в таком внутреннем соотношении:

I. Общее, целостное представление о времени для обряда, не только в его совершении – день венчания (10).

II. Обряд в его общем и целостном осуществлении – время венчания как таковое (2).

III. Моменты, его составляющие – от подхода жениха и невесты к аналою вплоть до выхода из церкви (1), который складывается из последовательности – подхода к аналою жениха и невесты (3); момента, когда жених или невеста становятся на коврик перед аналоем (6); момента, когда, идя к аналою, жених или невеста становятся на подножие перед аналоем (4 и 5); момента обхода вокруг аналая (8); момента отхода от аналая после венчания (7).

IV. Время после венчания по выходе из церкви (9).

Из чего получалось бы, что представленное в I включает в себя все остальное, в котором II, в свою очередь, включает все, что в III, состоящего из всего, к нему относящегося и в нем перечисленного, из которого то, что в I, включает в себя то, что в 3, 6, 4 и 5, 8, 7. То, что в IV, относясь к тому, что в I, ко всему остальному не будет иметь отношения.

Отвлекаясь от цифр, обозначим перечисленные как значимые (в приметном их отношении) моменты обряда словами с представлением о такой его, опять же в приметном ее отношении значимой, композиции:

День{венчание[подход-выход(аналой-коврик-подножие-обход-отход)]
после}

Каждый из этих моментов, или отрезков, времени, находя свое отражение в приметах, отмечен необходимостью либо возможностью, в силу заложенной в нем инсертивной способности (заряженной, содержащейся в нем) на что-то определенное повлиять. На этом основана их (этих моментов) приметная значимость, которую, зная и следуя ей в приписываемом ей значении и порядке, предписывается соответствующим образом соблюдать.

Рассмотрим представленные в материале приметы в отображенной композиционно последовательности:

День венчания. Дождь или снег в день венчания — к богатству молодых.

Отмечается целый день для возможности проявления того, что от человека и его поведения не зависит и не людьми производится. Определить это можно (то, что дождь или снег), в контексте рассматриваемого предмета, как временное позиционное состояние. Что означало бы объявление в отмеченном времени состояния погоды или природы, которое, воспринимаясь как знак, предопределяет этим знаковым своим обозначением то, чего следует ожидать, что может либо должно непременно произойти, видясь в этой связи как ниспосылаемое предсказание либо, что также не исключено, как такое стечение благоприятствующих или, напротив, не благоприятствующих обстоятельств, которые а) можно намеренно вызвать, если уметь; б) можно высчитать, предварительно определить, подгадав наиболее подходящий или удачный момент, и, наконец, в которые в) можно попасть, по случайности и заранее не предвидев.

Как представляется, исходя из приметы, дождь или снег в день венчания – это, скорее, последнее, т.е. такая случайность, которая не намеренно и не просчитанным, не предвиденным образом произошла. Отсюда речь о том состоянии, которое, имея отношение ко времени, производясь и протекая во времени, совпадает со временем дня венчания, с одной стороны, как с позицией, занимаемой в этом времени человеком, а с другой, с позицией возможных погодных явлений как состояний. То, что дождь или снег в такое-то время – позиция состояния природно-погодного окружения, на которую в нормативных условиях человек, как правило, не в состоянии повлиять.

Молодые, которым дождь или снег в день венчания сулят богатство, выступают в данном случае объектом ожидающего их добра. Предки, умершие (обращаясь к мифологической составляющей объявляемого в дожде или снеге благосостояния), обладая способностью влиять на осадки, дают понять, показывают, предсказывают в этом знаке то, чего следует ожидать. Формула, а с нею модель представляется как одноместная, субъ-

екты производимой мены своего экзистенциального состояния одновременно также объекты заключенного предсказания:

SubjImmut(ParExist)(TDApert) // Obj(Prosper:ParExist)

Примета имеет знаково-предвещающий, но не предупреждающий, как это было раньше с возом, нагруженным дровами, на пути жениха и невесты к венцу, а объявляющий, раскрывающий смысл, что будет характеризовать ее в соответствующем типологическом отношении. Небеса, раскрываясь и разверзаясь в тот день, *TDApert*, пророчат, сулят молодым богатство как то, что их ждет, стечением ли обстоятельств, благополучием ли судьбы, влиянием ли чего-то другого, в разбираемом случае не будет существенно. Время дня венчания, *TD*, выбранное или совпавшее, способствует как самому предсказанию, так и тому, что оно содержит в себе, соответствующим образом раскрывая, *Aperi**. Раскрывая в двух смыслах – как объявление и как открывание, отверзание своих недр, означающее благополучие, благосостояние, богатство, *Prosper*, в отношении ожидающего пару совместного существования, *ParExist*.

Время венчания отмечается целым рядом примет. По сравнению с другими для того же этапа их больше всего. С точки зрения внешне себя проявляющего и очевидного смысла их можно подразделить на приметы, содержащие указание в отношении а) эмотивной направленности, отмечающие совместное в будущем существование с точки зрения эмоционально характеризуемой взаимности; б) статально-экзистенциальной определенности, отмечающие состояние проживания в будущем с точки зрения благополучия либо неблагополучия; в) релятивной диспозитивности, отмечающие положения пары в отношении друг к другу либо к другим; г) витально-физической предрасположенности, связываемой с состоянием здоровья либо наоборот, а также отведенного времени жизни и ожидаемой смерти.

К первому виду (а) следует отнести такую примету:

Во время венчания жених и невеста должны взглянуть друг на друга, чтобы жизнь была согласная и счастливая.

Предписывается характер взаимного проявления. Важно, чтобы жизнь была согласная и счастливая, и для этого можно обоим, совместно, направленно, то, что указано, предпринять. На вид и характер эмотивного расположения друг к другу, как получается из приметы, существует воз-

* Лат. *āpĕrĭo, pĕrui, pertum, ĭre* 'открывать, отворять'; 'обнажать, обнаруживать, делать явным, показывать'; 'делать доступным, предоставлять'.

возможность во время венчания повлиять. Зависит это от действий обоих участников, имеющих взаимно-возвратный, обращенный друг к другу характер и, соответственно, смысл. Имея отношение к заложенному в производимом обоими действиями проецированию, к тому, что в ожидаемом их будущем должно, реализовав себя, проявить, примету можно относить к акционально-провоцирующей разновидности, а вид проецирования рассматривать как индуктивный, т.е. побуждающий. Побуждение в этом случае предполагает то же, что было ранее в примере с серебряной монетой или серебряной вещью под левой грудью невесты, цель которых состояла в симулятивно-стимулятивном притягивании, через инициируемое, возбуждаемое, вызываемое, подобие чистых головок у рождающихся детей.

Необходимость взглянуть друг на друга во время венчания также можно рассматривать в отношении цели (*чтобы жизнь была согласная и счастливая*) как такое симулятивно-стимулятивное по своему виду притягивание. С тем отличием, что, если в случае чистых головок у рождающихся детей использовались притягивающие своим подобием предметы, и это определялось как симулятивно-стимулятивная инструментализация, то для того, чтобы *взглянуть друг на друга*, "инструменты" подобного рода не требуются. К этому стоит добавить, что в случае с серебряной монетой или серебряной вещью под левой грудью предметность притягивала предметность – головки детей. *Взглянуть друг на друга* предметности не предполагает, равно как и не провоцирует, не притягивает желаемое в будущем как предметность. То, *чтобы жизнь была согласная и счастливая*, составляет по своему характеру эмотивное, эмоционально длительное, протянутое, применительно к благополучию, состояние. Для достижения этого, используя взгляд, можно было бы говорить о создании представления, мислеобраза*. Важно подумать о ком-либо или о чем-либо в соответствующий *приметный* момент, что-то для этого сделав и осуществив, не обязательно с помощью материально выраженных инструментов, а если с их помощью, то не на основе подобия вызываемому. И эту направленность пожелания, обращения мыслью, воспоминание, припоминание о чем-либо или о ком-либо в данный момент, момент, разрешающий, предполагающий достижение чего-либо, можно было бы, отличая от инструментализации, определять как интенциональную сенсуализацию. Сенсорика, чувствование, связываемые с действиями органов чувств, в разбираемом случае органов визуализации, проявляемых во взгляде, жениха и невесты и друг на друга, эти сенсорика, чувствование, через органы чувств, провоцируют, а провоцируя, также

* Либо о внутреннем «снятии» образа, что имело бы отношение к разбираемой примете.

притягивают близко связанное, поскольку сенсуально и сенсорно переживаемое, оттого эмотивное, состояние, передаваемое словами, *чтобы жизнь была согласная и счастливая. Согласная* – как обоюдно-взаимная, ровная, равная, совместно не противоречивая и бесконфликтная. *Счастливая* – как дающая удовлетворение, благополучная в эмоциональном своем отношении и как таковая позитивно окрашенная. И опять же совместно, поскольку в согласии, и для двух. Отмечать это можно как мутуатив позитивного эмотива.

Еще одну, не менее важную, особенность данной приметы следует воспринимать в ее отношении к видимому отсутствию скрытого положения потустороннего. По своей внешности человеческое проявление (взглянуть друг на друга) тянет, ведет за собой проявление в будущем для того же по существу человеческого (согласную и счастливую жизнь). Но, если вдуматься, достаточно ли, с точки зрения того же обыденного и человеческого, взглянуть друг на друга, пусть и во время венчания, как в существенный для жизни момент, чтобы ожидать согласия и счастья в последующем? Согласие и счастье не зависят от этого взгляда. Зависят они от благорасположения чего-то принципиально иного. От "благорасположения" скрытых, невидимых, сил, от того, что в разбираемом случае сводилось бы к взаимному согласованию и согласию двух родовых начал – родового со стороны жениха и родового со стороны невесты. Направленный взгляд представителей одного и другого, во время венчания, и предполагает фактически обращение к этой благорасположенности вступающих в брачное соединение двух родовых начал, через осуществляемый сенсуально взаимный контакт. Акционально-провоцирующий, симилятивно-стимулятивный характер интенциональной сенсуализации, о котором шла речь, составляя скрытую сущность данной приметы, обращен, тем самым, именно к этому. Производимое действие жениха и невесты во время венчания, вызывая желаемое состояние в будущем для себя, направлено, через себя, к тому, что может, имеет способность желаемое это состояние воссоздать, должно быть поэтому вызвано к этому посредством его побуждающего притягивания.

К приметам статально-экзистенциональной определенности (пункт (б), представленный ранее), исходя из источника материала, можно было бы отнести две следующие (обе, однако, лишь в первой части):

Если венчальная свеча горит неровно и тускло, то жизнь будет бедная, /если трещит – беспокойная из-за старших в доме/.

Обручальное кольцо под венцом уронить – не к доброму житью /или раньше умереть тому, чье кольцо упадет/.

То, что *жизнь будет бедная*, предполагает житейский в материальном своем значении статус (очевидно, обоих, хотя венчальная свеча предстает как одна, у кого-то из пары брачующихся). Тот статус, который характеризуется недостатком и необеспеченностью. Примета имеет знаково-предупреждающий характер (вторая из приведенных также), такой, какой был у приметы с возом, нагруженным дровами, когда жених и невеста направлялись к венцу, но там говорилось о счастье, которого в жизни новобрачных нельзя ожидать. То же, что та же жизнь будет беспокойная из-за старших в доме, во второй части приметы, следует относить к состоянию проживания, характеризуемому признаком релятивной диспозитивности (в пункте (в), показанном ранее) – отношением пары к другим в своем для себя окружении.

Не к доброму житью во второй примете также следует относить к житейскому положению, материальная сторона которого может рассматриваться только как часть, но часть существенная, как можно судить, ибо это основа благополучного либо неблагополучного состояния. Вместе с тем примета имеет более широкий в своих проекциях и обстоятельствах смысл. *Раньше умереть* в той же примете, во второй ее части (*тому, чье кольцо упадет*, чего нет в части первой: *не к доброму житью* вполне может относиться к обоим), будет составлять не житейское положение, не статус, не материальную его сторону, а то, что было определено как витально-физическая предрасположенность (г) в ее отношении к состоянию здоровья либо наоборот, отведенному времени жизни и ожидаемой смерти.

Знаки в обеих приметах, связанные предметно с субъектами, – венчальную свечу кто-то держит, обручальное кольцо кому-то принадлежит, – знаки эти, указывая на то, что произойдет, имеют симулятивный характер. Неровное и тусклое горение свечи отмечает слабость, переносимую на последующее в виде представления об ожидаемой бедности, так же как треск – беспокойство, а падение обручального кольца – витальную неспособность, из которой следует либо недоброе житье, либо его же непродолжительность. Появляется выбор, предполагающий, что может быть либо одно, либо другое, предсказание не содержит в себе однозначности, приравнивая мотивационно, внутренне, энергетически недоброе житье в его слабости, неполноте, недостаточной и низкой проявленности к его быстротечности, невозможности себя развивать.

Все три представляемых положения отображают желательный оптимум, то, что следовало бы, что хотелось бы и что положено ожидать. Должны быть достаток, спокойствие, предполагающее самостоятельность и бесконфликтные, ровные отношения в семье, житье должно при этом быть добрым, т.е. дающим удовлетворение, и жить надо достаточно долго. Представления эти во время обряда, как получается, не поддаются воз-

действию, их не удастся урегулировать и на них нельзя повлиять, можно только предвидеть, следя за знаками, что молодых ожидает впоследствии.

Получается, как отмечалось и ранее, что предметный мир, отображаемый приметами, устроен так, что время в нем имеет значение и смысл для проживающего его в данный момент человека, между тем как то, что для него еще не произошло, что только может, а точнее должно, с ним произойти, включая его положение, состояние, не исключено также, что и какие-то значимые события, – все это уже существует, имеется, расположено и заложено в той реальности, которая есть реальностью общего и вместе с тем реальностью для него. Сводится это к такому известному представлению о времени, которое определяется как постоянное, свойственное, а для человека – вневременное. Сравнить это можно с одним из значений для настоящего времени из грамматики, типа *Земля вертится. Солнце всходит и заходит. Волга впадает в Каспийское море. Деревья имеют корни.*

То, что заложено в этом, определяя знание о существующем положении вещей, применительно к миру и той действительности, в котором находятся люди и в которой живут, это же можно представить, перенеся в положение для целого ряда примет. Жизнь будет бедная или беспокойная, житье недоброе, раньше придется кому-то из молодых умереть, – все это уже есть, существует, исполнено, а то, что будет, произойдет, впоследствии осуществит себя, – это для человека, который не видит, не может увидеть того, что, имеясь, дается ему в проживании, в видении, для свидетельствования тогда, когда он к этому в *своем* времени, для себя, подойдет. Тогда он и сможет это увидеть.

Из этого следует то, что знаки, которые необходимо уметь прочесть, можно представить себе как появления, точнее как проявления, на поверхности видимого, призначных элементов, форм того, что уже существует. Метафорически, образно это можно себе представить, в отношении венечальной свечи, что свеча горит неровно и тускло по той причине, что горение ее соотносится (если не происходит) с тем временем, которое для человека будет, но в котором она горит. А кольцо выпадает из рук и не держится потому, что не имеется в человеке той энергетики, которая управляет кольцом и держит его для него, не имеется не сейчас, не в данный момент, а вообще, постоянно, как таковое.

Важно для данного представления будет то, что проявления подобного рода, своего рода прорывы в переживаемом времени, преподносимые в читаемых знаках, для человека возможны не всегда, а в отмечаемые в приметах периоды. Таким периодом, для определенной и не случайной группы значений, перечисленных ранее в пунктах а, б, в, г, касающихся эмотивного, материального состояния, взаимоотношений со старшими, здоровья и жизни для вступающих брак, – периодом, с одной стороны,

переводящим их к новому для них бытию, а с другой, отмечающим в этой связи возможные его для них проявления, становится детерминирующее по своему значению в последовательности цикла свадьбы венчание.

Из этого выводилось бы следствие, для предметного мира примет: то, о чем, чего касается то или иное осуществление, что оно предвещает и на что ориентировано, в нем можно увидеть и прочесть, поскольку в нем оно себя проявляет. То, точнее его какие-то формы и признаки, по поводу чего осуществление производится. Венчание осуществляется для того, чтобы сделать реальным брак, для его оформления, после него жених и невеста уже не жених и невеста, а новобрачные, молодые, муж и жена, что предполагает теперь их совместную жизнь. Следовательно и по этой причине, в венчании, во время венчания будет проявлено и может по той же причине быть прочитано то, что касается брака как реализуемого посредством венчания экзистенциального состояния одного и другого брачующегося либо совместно двоих.

Важными и не случайными в этой связи представляются также предметы, положения, вид, проявления которых, воспринимаясь, становятся знаковыми. В приведенных приметах ими были венчалная свеча, обручальное кольцо, до этого едущий воз с дровами. И это предметы, имеющие знаковый смысл. В то время как другие из ранее появившихся, такие, как серебряная монета или серебряная вещь; змеиная чешуя (найденная в лесу и засушенная); головка лука или чеснока; веники и старые башмаки; пеленка новорожденного (на голой груди невесты); гостинцы, приносимые женихом невесте после сговора; пояса, которые невеста вешает над местами или предметами, отправляясь к венцу; сундук; башмак (невесты); льняное семя; отрезанный краешек от целого хлеба; золотой или серебряный рубль, – эти предметы, используясь для достижения соответствующей цели, связанные симилиативно и стимулятивно либо по другому какому-то объясняемому основанию с тем, для чего их используют, эти предметы имеют не знаковый, а достигающий, регулирующий, вызывающий, т.е., фактически, продуцирующий смысл. Если под продуцированием, воспринимая его широко, понимать создание необходимых положений или условий. Вопрос о предметах в приметах, их видах, значениях, равно как и вопрос о производимых над ними, с ними или не только над ними и с ними действиях, требует самостоятельной разработки, поэтому мы его здесь касаться не будем.

Предсказываемое в двух приведенных приметах, касаясь того, что воздействующего влияния со стороны человека не предполагает, делает жениха и невесту во время венчания либо кого-то из них одного объектом последующего их положения. Параметральные признаки для обеих примет можно выстроить следующим образом:

Субъекты: те, чья жизнь будет бедная; беспокойная; старшие в доме; те, у кого (будет) недоброе житье; тот, кому раньше умереть.

Позиционное время: венчание.

Сигнификативные признаки предвещающего характера: венчальная свеча, которая горит неровно и тускло; венчальная свеча, которая трещит; обручальное кольцо, обрonnenое под венцом.

Статальные осуществления проживания: жизнь будет бедная; жизнь будет беспокойная (из-за старших в доме).

Статальное осуществление довольствования: не к доброму житью.

Событийные осуществления: раньше умереть тому, чье кольцо упадет.

Субъекты, в примете прямо не называемые, но подразумеваемые (женых и невеста, кто-то из них), с одной стороны, выступающие в роли объектов их ожидающих осуществлений, и старшие в доме, с другой, старшие в доме молодого, как правило, выступающие в роли тех, кто создает, определяет условия быта, – все эти лица в своих значениях будут различны. И если первые фигурируют как объекты, своих для себя состояний, то вторых, с позиции жениха и невесты, ни как объектов, ни как агентов (хотя к этой группе они все же ближе) не следует объяснять. Они себя проявляют, в отношении создаваемой ими (однако не то, чтобы намеренно, во всяком случае необязательно с целью) беспокойной жизни для молодых, скорее, как факторы и при этом не то, чтобы производители, сколько, по-видимому, возбудители (возмутители) беспокойного житейского положения новой семьи. Как те, кто его вызывает, исходно, инициативно, либо доформирует, ответно и реактивно, бурно и неприязненно реагируя на не одобряемые ими проявления младших.

Для представления модели и формулы, которые предполагают участие со стороны человека, распределяясь по видам такого участия, приметы-знаки (не инструментальные, т.е. используемые для создания либо формирования чего-то) себя отражать не будут. За формулой, а также моделью, которую та отражает, тем самым, стоит представление такого какого-то вида: имеется знание (данное в знаке), что жизнь будет бедная у молодых; что жизнь у них будет беспокойная (из-за старших в доме, старшие в этом случае могут восприниматься как действователи в значении возбудителей); что доброго житья не следует ожидать; что раньше умрет тот, чье кольцо упадет.

Исходя из этого формулы разбираемых примет будут выглядеть следующим образом:

Subj(ParExist) // Obj(MiserExist)

Для бедной жизни, и это был бы экзистенциальностный мизератив.

Subj(ParExist) // Obj(FatigExist) < Subj(Form)

Для беспокойной жизни, и это было бы формативный фатигатив*.

Subj(ParExist) // Obj(MalExist)

Для недоброго житъя, и это был бы экзистенциальностный малефикатив.

Subj'(ParExist) // Obj'(AntMort)

Для того одного из двоих, кому раньше умереть (чье кольцо упадет). И это был бы сингулятивный антеа-мортуатив. Сингулятивный для пары, субъектной пары, не парного субъекта, что в данном случае было бы не релевантным. Равно как и объектное отнесение в правой части, *Obj'*, к тому же субъекту для левой, *Subj'*, которое не следует понимать в значении сингулятива для пары, но как соотношение с тем же субъектом.

Внимания заслуживают параметры, связываемые с видами возможного осуществления, на что ранее внимания не обращалось. Предварительно, поскольку более подробное и дифференцированное их рассмотрение требует большего материала, под *статальным* следует понимать то, что можно представить как более или менее длительное состояние, то, в чем пребывает проживающий его человек, та форма экзистенциального его пребывания, которая, будучи обусловлена жизненными (как правило) обстоятельствами, от него самого не зависит, определяя при этом вид и характер им проживаемой жизни.

Статальную форму для проживания следует понимать как нечто более широкое по сравнению со статальной формой довольствования, которая не обязательно выступает частью той первой, но может и часто является сопровождением для нее. То, насколько и в чем ощущает удовлетворение, исполнение, эмотивную, чувственную, душевную, морально-нравственную, духовную достаточность (либо наоборот, недостаточность) для себя человек в своей собственной жизни или же в отношении чего-либо для него в экзистенциальном отношении важного.

И, наконец, событийное осуществление, под которым следует понимать то, что происходит, произойдет, может произойти, как явление, как себя проявившее в отношении времени и обстоятельств, ситуативное по своему существу, положение вещей, которое может быть вызвано чем-либо или кем-либо, а может случиться также и само по себе, без какого-то явно

* Лат. *fātīgo, āvi, ātum, āre* 'утомлять, истомить'; 'загонять'; 'мучить, томить; истязать'; 'беспокоить, тревожить, утруждать, докучать'.

определенного и воспринимаемого как воздействующее влияния. То, что кому-то из двоих вступающих в брак раньше придется умереть (явление само по себе очевидное, трудно представить, чтобы супруги умерли в один час и день, это не нормативно), следует воспринимать как событие. Это случится, произойдет, знак в виде оброненного обручального конца лишь указывает на осуществление его, в будущем для человека, в отношении того, чье кольцо упадет. Знать, предвидеть и предполагать таковое следует в применении, в отнесении к одному из двоих, не к событию как таковому самому по себе и вне этой связи.

Регуляция межличностных отношений во время венчания

Следующая группа будет касаться немаловажного, как следует из материала, представления, но не для предметного мира примет как целостности, а для того фрагмента его, который определяет взаимные отношения пары после заключения брака. Впрочем, не только этого, также и отношения к невесте, впоследствии молодой, в новой ее семье, семье ее мужа, пока еще жениха. Доминирующим персонажем, как это было заметно и ранее, остается невеста, жених, фигурируя в том же концептуальном контексте, несколько иначе будет себя проявлять.

К этой группе, определившей себя в значениях релятивной диспозитивности, отмечающей положения пары в отношении друг к другу либо к другим, относились бы следующие приметы из выбранного источника (для времени венчания в целом, без разделения его на составные моменты):

Невеста должна стараться наступить на ногу своему жениху во время венчания, если хочет иметь покорного мужа.

Жених не должен поднимать ни одной вещи, которую невеста уронит под венцом, так как, сделав поклон своей жене, он тем самым попадает в подчинение; /кроме того, такой неосторожный муж недолго проживет/. (Значение релятивной диспозитивности в этой примете касается только первой части).

Кто из молодых во время венчания выше держит свечу, за тем бо́льшина (тот и будет главенствовать в семье).

И подобные по значению, но относящиеся к такому моменту состава, как подход к аналою жениха и невесты с разделением его в последовательности коврика перед аналоем и подножия аналоя:

Когда жених и невеста пойдут к аналою и когда кто-нибудь из них станет правой ногой на подножие, то это знак, что тот всю жизнь будет первенствовать над другим; /но если кто ступит много или всей ногой, то тот подвержен будет вередам, то есть чирьям/. (В этой примете также только для первой части).

Кто из молодых первый ступит на коврик перед аналоем, тот в доме и будет властвовать.

Главенствование в семье, определяемое как первенствование, властвование, большая часть, попадание в подчинение (для мужа в отношении жены), покорный муж, – опуская мотивы социально-психологического характера, поскольку это отдельный предмет, обращает на себя внимание, с позиции разбираемого материала, в двух, точнее в трех, отношениях. Во-первых, с точки зрения того, что означает для пары быть одному из них доминирующим, большим, главенствующим над другим. И в этой связи имеет смысл присмотреться к тому, что стоит за передающими данное положение словами. Во-вторых, как понимать и каким образом воспринимать явно не симметричное различие по данному признаку для невесты в ее отношении к жениху (жены к мужу впоследствии). И, в-третьих, ближе к стоящей задаче, как описывать, опираясь на то и другое, важное в разбираемом представлении, и на что тогда важное, с семантической точки зрения, то, что составляет определяемый предмет. Из чего будут следовать для дальнейшего (из того, что «в-третьих», в первую очередь) положения, которые позволят выводить и описывать существенные для разбираемого предметного мира концептуальные единицы. Единицы, которые можно будет представить как свойственные данной парадигматике, ее составляющие и определяющие, понимая их в этом аспекте как семантические, единицы семантики разбираемого предметного мира.

Начиная с того, что было дано для «во-первых», следует говорить о такой особенности экзистенциального паритета, нового состояния проживания и бытия человека (понимая данное положение широко), которое предполагает исходно неравенство, а если равенство, то по видимости и сомнительное, кого-то одного над другим. То новое экзистенциальное состояние, которое представляет собой проживание в браке, пары, мужа и жены, как единства в хозяйственно-производственном и репродуцирующем человеческую субстанциональность отношении, в детях через себя (не будем вдаваться в подробности данного положения, безусловно следующего из предметного мира примет), – состояние это, как получается, требует проектива. Необходимо, в подходящий и соответствующий момент, повлиять, воздействовать на имеющееся, предоставляющееся, связанные с этим моментом предметы и обстоятельства, таким образом, чтобы впо-

следствии получить над супругом (супругой) приоритет, оказавшись, тем самым, в более выгодном, предпочтительном, управляющем, а не управляемом, рядом с ним, положении.

Не вдаваясь (опять же) в аспекты социально-психологического характера, также важные для предметного мира, о котором ведется речь, но это была бы задача не лингвистическая, не вдаваясь в их рассмотрение и оставаясь в пределах выведенного, сказанное в отношении приоритетности положения одного над другим из супружеской пары можно было бы понимать в повороте внутренне ощущаемого представления оптимума как более полной, предпочитаемой, значимой (не для лица, т.е. мужа или жены, а для родовой человеческой целостности) реализации экзистенциальной субстанциональности, о которой ранее неоднократно уже говорилось.

Иными словами, при изначально известном условии неравенства в паре, невозможности равенства (необходимо закладывать именно данное представление), следует сделать так, повлияв соответствующим образом на происходящее, чтобы впоследствии, в будущем, доминирующим, первенствующим оказался тот из двоих, который лучше бы подходил для соответствующей роли, сводящейся, как уже говорилось, к хозяйственно-производственной и репродуцирующей функции их обоих, вместе, как экзистенциального целого. Действия, производимые при этом, одним либо другим, женихом либо невестой, в означенные моменты венчания или во время венчания как такового, имея по своему характеру и направленности проективный смысл, предполагающий своим проявлением будущее, устанавливаемое, освящаемое в данный момент, эти действия, с одной своей стороны, выступают как провоцирующие (симилятивно и стимулятивно), а с другой, отмечают, не обозначая при этом, внутренне, избираемого лучшего из двоих. Как своего рода проверку – кто первый, кто более быстрый и расторопный, кто держит выше, кто ступит правой ногой и пр.

В этой связи, переходя к тому, что было представлено для «во-вторых», и опуская социально-психологические аспекты вопроса, необходимо вернуться к тому представлению, которое, делая невесту, и не случайно невесту, притягательным центром всего обряда, вокруг которого, так или иначе, с самого начала и далее обращается все, определяет невесту как ту экзистенциально, может, не воспринимаемую для сознания, но ощущаемую, скажем так, в подсознательном чувствовании (точное определение данного представления для нашей задачи не важно), субстанциональность, которая, будучи основной и ведущей репродуцирующей составляющей в супружеской паре и, следовательно, продолжающей, развивающей, через воспроизведение, длительность, существование родового и человеческого на земле, – делая ее этим всем, представление это заметным и явным

в приметах образом отыгрывает роль, предполагающую необходимость ее (а не его, т.е. жениха) предпочтения. Невеста должна во время обряда, и это будет иметь свое значение и место также и далее, проявить свой характер, показать себя с оптимизирующей (для себя самоё, но не только) стороны, определить свое не подчиненное, не покорное, а ведущее, возможно также руководящее, положение над мужем. Как в известной пословице, где *Муж голова, а жена шея* (куда хочет, туда и повернет свою голову).

В этой связи обращает на себя внимание, на первый взгляд не вполне достойное, представление о том, что, если невеста хочет иметь покорного мужа, то должна стараться наступить на ногу своему жениху. При несимметричном подобном же проявлении со стороны жениха, отраженном в примете, также имеющей отношение к разбираемой релятивной диспозитивности:

Если жених нечаянно наступит на ногу невесте, то в течение целого года он будет прощать и снисходительно относиться ко всем проступкам своей жены относительно него.

При невесте – *должна стараться наступить на ногу своему жениху*. В то время как при женихе то же самое подается как действие с его стороны произвольное (*Если жених нечаянно наступит на ногу невесте*) и к тому же прямо противоположное по смыслу по сравнению с тем, что невеста. Асимметрия отнюдь не случайная в контексте того, что было сказано в отношении роли невесты в обряде.

Получается, что с позиций предметного мира, отраженного в приметах, имеющих отношение к свадьбе, предпочтительно положение, при котором ведущей фигурой в будущем состоянии в браке обоих видится женское, а не мужское отображение. Небезынтересным и показательным в этом случае видится также и то, что невеста может, если захочет, согласно с приметами, выступать активным началом, берущим в руки свое в отношении мужа, стараясь ли наступить на ногу жениху или, как в следующей за этой приметой, роняя под венцом, казалось бы ненамеренно, какую-то вещь, провоцируя, тем самым, жениха к тому, чтобы тот ее поднял. Жених, в свою очередь, либо пассивен, либо действует не в свою пользу, равно как и непреднамеренно. Как случайность и как независимое от воли (по внешнему виду, во всяком случае) выглядят в этом ряду и то, что кто-то из молодых, один из двоих, выше держит свечу и, тем самым, за ним большая, если кто-нибудь из тех же двоих первым станет правой ногой на подножие, подходя к аналою, или ступит первым на коврик. Преподносится это как наблюдаемое, как то, что можно заметить кому-

то со стороны, а заметив, сделать соответствующий вывод – о том, кому быть в доме первым, а кому не первым лицом.

Прежде чем перейти к рассмотрению того, что было отмечено ранее в отношении к «в-третьих», представляется небезразличным обратить внимание на ролевые по своему характеру определения доминирования и подчинения, т.е. не равнующих по существу положений в супружестве. Передается в приметах это в виде таких представлений (посмотрим на это не как на слова): со стороны невесты 'иметь покорного мужа'; со стороны жениха – 'попасть (к своей жене) в подчинение'; со стороны одного из двоих, без указания на пол, – 'за тем большина', с пояснением 'тот и будет главенствовать (в семье)'; 'всю жизнь одному первенствовать над другим' и 'тот будет в доме властвовать'.

В представлении о покорном муже традиционно вкладывается мысль о том, что муж такой, находясь на услугах и под каблуком у жены, мало что, если вообще ничего, из себя представляет. Это лицо не значимое, стертое, не имеющее ни своего весомого мнения, ни сил, ни способности возразить. Иными словами, не только в мужском, но и в человеческом смысле безвольное и не способное к самостоятельности существо.

О таком ли муже, собственно говоря, идет речь? С одной стороны, о таком, что вряд ли можно подвергнуть сомнению, с учетом традиционно сложившихся представлений. Однако, с другой, в этой мысли можно усматривать ту свою положительность, что, исходя из сказанного в отношении экзистенциальной субстанциональности для продолжения человеческого родового, концентрирующейся в невесте, ее роль подчиняющей себе, делающей послушным мужское начало, заключенное в муже, определяет силу возможных внутренних и невидимых соотношений в пользу регулирующего и управляющего центра, а не его окружения, оболочки и сопровождающей периферии. Сила начала женского, если не видится, то ощущается, определяющей и более важной, поскольку и формирующей, и созидательной, и, в конечном итоге, творящей, а не провоцирующей и побуждающей, как в начале мужском. Более важной и значащей, скажем так, в биометрическом смысле и отношении, понимая под биометрией в данном случае не то, что принято понимать, а определяемую 'меру живого, жизни', заключенную в греч. βίος, что означает не только 'жизнь', но и 'время жизни', 'образ жизни', 'средства к жизни' (все компоненты этого представления для начала женского будут существенны) и μέτρον – как меру, в широком и емком понятии и понимании, как отмериваемое, даваемое и вместе с тем как сосуд,местилище, содержащее и включающее с тем, что себя проявляет, размещаясь и располагаясь, помещаясь внутри. Жизнь при таком представлении выступает в ее ощущении как текучая, движущаяся, биоэнергетическая, сходная с заряжаемым полем, материализующаяся и флуктуирующая, субстанциональность, а мерой, сосудом,

вместилищем, формой, но также и тем, что отмеривает, и, отмеривая, тем самым, дает, в человеке и для человека (для человеков) становится его женское, в обряде и для обряда невеста.

Покорного мужа, в этой связи и тогда, можно было бы в указанном ощущении воспринимать как формируемое, управляемое, направляемое и создаваемое (женским началом) русло для оптимально желательного, со стороны того же начала (в жене и невесте), проявления βίος, как энергетической субстанциональности, в тем же началом (женой и невестой) закладываемом и предопределяемом в ему надлежащих границах и формах μέτρον. Покорный муж выступает той поддающейся и создаваемой формой и мерой, которая ему задается, с одной стороны, а с другой, создается женой.

Невольное действие со стороны жениха, а точнее, то действие, которое продиктовано усвоенной им его мужской ролью по отношению к женскому, как более сильного и заботящегося поэтому о своей подруге-жене, – поднять то, что уронит невеста, действие это ведет к тому, что он *тем самым попадает* (к ней) *в подчинение, сделав поклон своей жене, под венцом*. Не будем обращать внимание на симулятивный характер того, что из этого проективно следует, в разбираемом случае видится важным представить, что означает это его попадание к ней в подчинение и почему жениху полагается этого избегать, что передается в примете словами *не должен (поднимать ни одной вещи)*. Становится ли это в тот же ряд, что и *покорный муж* предыдущего положения?

Отвечая на этот вопрос, видится небезразличным обратить внимание на то, что при покорном муже *Невеста должна стараться наступить на ногу своему жениху*. В то время как при попадании в подчинение ситуация выглядит по-другому: *Жених не должен поднимать ни одной вещи, которую невеста уронит*. Различие в характере реализации в настоящем того, что проявит себя в последующем – наступить на ногу, т.е. телесно, физически осуществить подчиняющий, подавляющий одним другого контакт, с одной стороны, и поднять вещь, которую уронили, с другой, как опосредуемое принадлежностью, обладанием вещного, положение, с опусканием вниз (поклоном) и распрямлением после этого, – подобного рода различие может, давая возможность, предполагать также различие в видах отображаемых покорности и подчинения.

О покорности уже говорилось, телесность давления (ноги невесты на ногу жениха) оказывается при ней, с учетом определенного в этом случае смысла, уместна и объяснима. Для того, чем является попадание в подчинение, с учетом того, что оно выступает следствием произведенного будущим мужем поклона своей жене, и именно это видится важным в определяющем отношении, в то время как вещь, которую невеста уронит, находясь под венцом, становится только средством, прибегая к кото-

рому (сознательно или нет, несущественно), она достигает его подчинения, – для всего этого, в его полном составе, 'попасть в подчинение' означать будет, в проектив для поклона, неумение мужа видеть. Ограничение его, с опущением головы. Муж будет видеть только то, что внизу, перед носом и под собой, "поклоняясь" своей жене, не замечая того, что она и кем она есть. Попадание в подчинение в реальности будет предполагать некритическое, беспрекословное исполнение всего того, что та пожелает. Поклон фактически, делаемый им под венцом, поведет к уклонению и отклонению в будущем того русла, которого он (поскольку в этом его необходимость и роль), как русла правильного и регулярного, создающего форму и вид, устрояющего и организующего условия для течения βίος в нем, для того же женского своего, русла этого не в состоянии будет он в ему надлежащем μέτρον произвести. Поклонившись ей под венцом, он будет в этом его искривившем поклонном наклоне по отношению к ней, а тем самым, и к своей жизни с ней, выступать*.

Сила женского подчинения себе мужского проявляет, метафорически говоря (однако в данном случае вовсе не метафорически, а натурально) "пробивает", себя и в том, что *Если жених нечаянно наступит на ногу невесте, то в течение целого года он будет прощать и снисходительно относиться ко всем проступкам своей жены относительно него*. Нога невесты, казалось бы, не на ноге жениха, а под нею, могла бы действовать проективно в другую сторону. Немаловажным в этом контексте видится то, что нога выступает ее проявлением воли и потому также и своеволия, связываясь, отнюдь не случайно, с проступками, которые были бы воспринимаемы и объясняемы им соответственно, если бы не то, что он *нечаянно* на ногу ей наступил. Его нечаянное становится проявлением его им не намеренного, не задуманного, произвольного, а тем самым, также безвольного. Нога невесты оказывается сильнее, приобретая вместе с тем силу над ним.

Отсюда то, что он будет прощать и снисходительно относиться к ее проступкам по отношению к себе, – как уход в бесконфликтность, нежелание поддаваться воздействию этой силы, избегая испытывать действие ее на себе. Что, впрочем, имеет во времени во времени ограничение – *в течение целого года*. С одной стороны, вроде бы как только год, но с другой стороны, год этот целый. Целостность этого года, его завершенность, цикличность, закладывают также, если не основание, то весомую форму и вид того, что возможно в последующем, но об этом примета не сообщает.

Далее следует то, что предполагает выбор одного из двоих. За тем большина (кто из молодых во время венчания *выше* держит свечу). Тот

* В этом в очередной раз проявляет себя также момент приметного времени – совершенное здесь и сейчас становится формой дальнейшего, через уподобление, закрепленного в будущем положения.

всю жизнь будет первенствовать над другим (кто станет *правой* ногой на подножие). Не говорится при этом, что первым, хотя и не исключается, исходя из контекста в примете: *Когда жених и невеста пойдут к аналою и когда кто-нибудь из них станет правой ногой...* Тот будет властвовать в доме (кто *первый* ступит на коврик перед аналоем).

Описанные производимые действия, сознательные либо случайные, что не важно как знак, хотя важно как предписание, предполагают соперничество – кто первым, кто выше, кто правой ногой. Не вдаваясь в подробности заключенных во все это обстоятельств, что заняло бы немало места и уводило бы в сторону, обратим внимание только на то, что означает и как понимать положения 'большина', 'первенствовать над другим', 'властвовать в доме'.

То, другое и третье отнюдь не случайно, предполагая укрытое во все это объяснение, связывается первое, 'большина', со свечой, которую следует выше держать, второе, 'первенство над другим', с правой ногой на подножие, третье, 'властвовать в доме', с ковриком перед аналоем, на который первому надлежит наступить.

Из чего будет следовать, что 'большина' будет внутренне предполагать своего рода держание силы горения, обладание большей витальностью и отсюда побуждающей подвижностью, способностью, будучи высшим, вести за собой. 'Большина' обращается тем, что можно представить как иницирующий и одновременно с этим поддерживающий, возбуждающий, превалирующий над другим, за собой увлекающий экситатив (говоря о его уже ранее себя отмечавшем значении). Это тот, кто возбуждает и вызывает то, что возможно и что себя объявляет впоследствии в жизни двоих, понимая и воспринимая данное положение в самых разных аспектах.

В свою очередь, 'первенство над другим', определяясь в своем значении правой ногой на подножии, предполагает в своем объяснении ту "правизну", которая выступает, опережает и выпрямляет, делая правильно ровным и с этим прямым, идя, продвигаясь этапами как ступенями ожидающей жизни. И тогда 'властвовать в доме', снова связываясь с ногой, которой ступить, дом дает основание воспринимать не только и не столько в собственном его значении, сколько шире – как форму пространства отведенной обоим, в их "коврике", жизни, в том, где и как они проводят дни и ночи свои, время жизни в пространственном его отражении. Отсюда властвовать будет иметь своим значением 'управлять', формируя и организуя, определяя и задавая тон. Быть властным в доме своем, из чего получалось бы, предполагает умение, а также волю, способность и вместе с тем знание, опыт и понимание собой и другим в совместной с ним жизни распоряжаться и руководить. Распоряжаться и руководить также и в самых различных житейских проявлениях и аспектах.

О семантике парадигматических единиц

И, наконец, последнее, то, что было отмечено ранее в его позиции к «в-третьих», с подходом к семантике составляющих данный предметный мир единиц, однако не в целом его составе с точки зрения характерной для него парадигматики, а в каком-то одном фрагменте либо ряде таких фрагментов. Ограничимся в этом месте представлением тех единиц, которые позволяют себя почувствовать в действии разбираемых примет.

Прежде всего предстоит задуматься, ставя перед собой такого рода задачу, над тем, что, собственно, в этих последних из разобранных шести приметах отображено для жениха и невесты во время венчания. И тогда получится, что, помимо них самих как субъектов в обряде (без дальнейшего уточнения их субъектной роли и характеристик), можно увидеть а) производимые либо предполагаемые к производству действия, независимо от их модального сопровождения, поскольку модальность есть проявлением синтагматики, а также сознательности либо случайности; б) намерения, устремления, желания, составляющие сферу так называемой субъективной модальности и выражаемые с помощью соответствующих слов; в) предметы или объекты, на которые производимые действия направляются либо которые при их совершении используются; г) не предметы как таковые, а те телесные части субъектов, которые будут задействоваться либо использоваться для произведения действий; д) достижения, под которыми следует понимать довольно широкую область того, что из производимых действий либо каких-либо положений и состояний ожидается в предполагаемом и, возможно, отмеченном, обозначенном будущем.

Рассматривая в указанном отношении примету с невестой, которой предписывается наступить на ногу своему жениху во время венчания, следует выделить невесту и ее жениха, как субъектов, без уточнения ролей, а также, как действие (а), для невесты, *наступить на ногу своему жениху*; как ее желание (б) *хотеть иметь покорного мужа*; в качестве части тела (г) – *нога жениха*, на которую следует наступить невесте во время венчания и, наконец, последнее для этой приметы, в качестве достижения (д), – *иметь покорного мужа*. Не учтены в этом перечне, как уже говорилось ранее, взаимодействующие субъекты (жених и невеста), модальные определители для действия со стороны невесты, передаваемые в примете словами *должна стараться* (наступить), а также время – венчания, как для всей этой группы примет.

Для того чтобы вывести те семантические единицы, концептуальные по своему существу, которые будут парадигматичными, составляя при этом то, что принято называть предметно-понятийной областью, предметным миром согласно нашему представлению, необходимо задуматься, в первую очередь, над тем, о чем, собственно говоря, в данной примете

речь, что она предлагает и отражает. Этим чем-то будет не то, что следует сделать невесте, чтобы желаемое получить, а то, что, представляя предмет ее для себя желания, обращает наше внимание на важную в концептуальном своем отношении составляющую (концептуальную также и мировоззренческую) стоящего за всем этим комплекса представлений. Традиционных, народных, национально-отмеченных и соответствующим образом характеризруемых, что для нашей задачи будет не важно, определяясь и объясняясь это миром, а точнее для данного случая, кругом примет.

Этой важной в указанных отношениях составляющей (для фрагмента, себя проявившего в свадьбе) будет то, что существует желание, предпочтение, мысль, положение, идея, но это все будет за скобками, впрочем, не как модальность, а как что-то другое, о чем далее будет речь, и поэтому в данном месте за скобками, согласно которым (желанию, предпочтению и т.п.) можно бы было сказать, 'хорошо, когда муж покорен жене', но это было бы все же неверно. Выразить мысль, о которой речь и которая релевантна определяемому комплексу представлений, переводимому далее в системно-парадигматический вид, можно было бы следующими словами, памятуя, что не слова это, а передаваемые смыслы с помощью этих слов: 'имеются женщины, которые предпочитают себе покорного мужа'.

Однако это было бы еще не все, что за этим стоит и что соответствующим образом в мировоззренческом отношении определяется, необходимо представить, что это, собственно, означает. И тогда было бы 'имея покорного мужа, женщина обладает большей свободой, как в волевом, так и в управляющем (им) отношении'. Применительно к этой идее имеется две стороны – затрагивающая определенный тип подобного рода женщин, поскольку не все они это себе хотят, и связанная с представлением о социально-психологических, а также хозяйственных и всяких других, ролях представителей разных полов, с перенесением этого также и в сферу семьи, для супругов. Не будем вдаваться в вопросы подобного рода, в общем и целом известные и понятные, обозначив это как экзистенциально-онональные роли.

Исходя из сказанного и отсекая возможные уточнения и усложнения, отвлекаясь также от конкретизации в отношении покорного мужа, получаем, с одной стороны, концептуальное представление, а с другой, также и семантическое (в парадигматическом смысле и отношении) определение доминации – женского над мужским в паритиве (совместности брачного, парного) экзистенциального пребывания как состояния, с показателем признака доминации как характеризующего, определяющего данное женское. И это было бы то, что можно представить как концептуальную и вместе с тем семантическую единицу того предметного мира, который существует и релевантен (хотя не равен) для разбираемого круга примет,

единицу, передаваемую в виде значения ‘женского доминирующего над своим мужским в паритиве экзистенционального состояния’, при котором ‘доминирующее’ как признак следует понимать и как характеризующий, определяющий данное женское, и как осуществляемую, реализуемую и свойственную ему, для него типичную в паритиве экзистенционального состояния роль.

В виде формулы выведенную парадигматическую единицу можно представить следующим образом:

FeminDominat(ProprMasc):ParExist

Или, иначе, ‘то женское, которое, будучи (исходно и по характеру) доминативным, распространяет свою доминацию на свое мужское для паритивной экзистенциональности с ним (в условиях паритивной с ним экзистенциональности)’.

Далее данная единица попадает в позицию модулирующего ее оформления для обряда, сопровождаясь субъектными уточнителями – *невеста*, модальными распространителями – *если хочет*, временными и акциональными указателями возможного достижения – *во время венчания* и *наступить на ногу своему жениху*, с модальным определителем для акциональности – *должна стараться*. Жених в данном случае роли как таковой никакой не играет, для достижения поставленной в ее достижении цели, соотносимой с выведенной перед тем семантической единицей женского доминирующего и т.п., используется только его нога, на которую следует наступить для невесты.

В реализации, если невеста чувствует в себе стремление к доминации, если желает со своим будущим мужем нечто подобное пережить (*если хочет иметь покорного мужа*), то, обладая, с одной стороны, представлением, знанием о том, что такое возможно, парадигматическим знанием о доминации женского над мужским в условиях паритивной их экзистенциональности, а с другой, получая в примете средство, синтагматическое с точки зрения определяемой системы, того, как такое достичь (во время венчания надо стараться наступить на ногу своему жениху), – в условиях допускающей данное положение реализации она будет знать как первое, так и второе. И тогда ее знания по предмету, в их соотношении с комплексом существующих в данном общественном круге соображений, выборов, предпочтений и представлений (концептуальных, парадигматических, синтагматических, семантических), будут складываться, для данной приметы, по крайней мере, из трех своих составляющих: того знания о себе, которое относит ее к женскому типу, предпочитающему доминацию над (своим, но, возможно, не только) мужским; знания о том, что такое возможно в условиях брачного состояния, т.е. женщина может

иметь покорного мужа; знания, получаемого из приметы, как такое можно достичь, во время венчания и т.п.

Первые два будут знаниями концептуальными, мировоззренческими и парадигматичными (относя себя к определенному типу, невеста знает либо, если не знает, то представляет и чувствует, что такие лица женского пола бывают и она никакое не исключение). Второе знание также и вместе с тем предполагает имеющуюся и отражаемую в разбираемой примете не только концептуальную, но и семантическую, как парадигматическую, единицу. И, наконец, третье знание будет синтагматично, предполагая условия, в которых желаемого можно достичь, определяясь временем и модально сопровождаемыми производимыми действиями – во время венчания нужно стараться наступить на ногу своему жениху.

Опуская все то, что касалось бы уточняющих объяснений и представленной процедуры, из оставшихся приведенных примет также можно было бы вывести семантические (парадигматические) единицы. Для того, что *в течение целого года он (жених и впоследствии муж) будет прощать и снисходительно относиться ко всем проступкам своей жены относительно него*. Имеются мужчины, которые способны прощать (как правило, прощают) своей супруге, подруге жизни, очень многое по отношению к себе, хотя нередко это свойство их предполагает и ограничения – до какого-то предела, в каких-либо границах, на какое-то время, определенное или неопределенное. Это знание себя отображает в виде единицы 'мужского (все)прощающего своему женскому по отношению к себе в паритиве экзистенционального состояния с ним (на какое-то время)':

MascRemissT(OmnPoen:ProprFemin):ParExist

Знание это можно представить (в парадигме) как такое, которое способно допускать определенный тип мужского, который а) склонен прощать женщинам независимо от своего паритива с ними (что-то близкое к понятию 'бабий угодник', но не до конца, поскольку это второе пейоративно) либо б) склонен прощать всем и каждому, по слабости характера, по безразличию к людям и связанной с этим самодостаточности, по моральным, мировоззренческим, другим причинам.

Одновременно с этим, с учетом выведенной семантической и парадигматической единицы, в отношении мужского (все)прощающего своему женскому, характер того, что передано в этой связи в примете – *Если жених нечаянно наступит на ногу невесте* – будет определять типичную его и для него особенность, его черту как таковую. То, что жених нечаянно наступит на ногу невесте, да еще в ответственный момент венчания, свидетельствует о нем как о нерасторопном и невнимательном, кто не способен отстаивать свои интересы, заявлять права, следить, со-

ответствующим образом реагировать, адекватно давать понять о том, что его непосредственно касается, что для него существенно, полезно, выгодно и т.п. А поскольку он проявил себя так во время венчания по отношению к своей невесте, то и касаться это будет его отношения к ней. То, что на год, точнее *в течение целого года*, предположительно можно соотнести с семантикой ноги¹⁹, ее и своей в их "наступательном" друг с другом соединении, что не будет предметом нашего рассмотрения, поскольку уводило бы в сторону.

Для приметы с женихом, который не должен поднимать ни одной вещи, оброненной невестой под венцом, парадигматические единицы, о которых речь, касались бы двух обстоятельств – в отношении поклона своей жене и того, что из этого следует его попадание ей в подчинение. Опуская ту мысль, что, согласно традиции, мужу не следует делать поклоны своей жене, поскольку, тем самым, он обращает свою ведущую роль как главы семьи и, соответственно, старшего, в противоположность, подходим к тому представлению, которое, определяет роли обоих, с одной стороны, а с другой, говорит о том, что подчиненное положение мужа в отношении своей жены нарушает какой-то важный порядок вещей (не случайно связано это с тем, что *не должен* он поднимать ни одной вещи), который, распространяя себя в последующем, прямо предполагает, что *кроме того, такой неосторожный муж недолго проживет*. Интересно и показательно, что *неосторожный*, как нарушающий, переходящий границы чего-то, на что следует обращать внимание, быть в отношении этого бдительным и за этим следить. Нарушает по невнимательности.

Объясняя все это в выбранном биометрическом и энергетическом ключе, можно предположить, что поклон, а тем самым, наклон, возникающий во время венчания поток общего динамического экзистенциально-парного с этого момента обоих, обращает это движение и этот поток не вперед, как положено, а в обратную сторону, вспять. Из этого следует, что такой неосторожный муж недолго проживет, поскольку неосторожность его воспринять можно как неумение, неспособность правильно этот поток организовать и направить. В данном случае не о русле потока речь, а о его направлении.

Вместе с тем, отвлекаясь от приведенного объяснения, поскольку, давая возможность понять, а точнее почувствовать, характер устройства предметного мира примет, как таковых разбираемых единиц оно не касается. Мысль, заключенная в данной примете, по существу своему, с одной стороны, проста, а с другой, тревожна и отчасти загадочна, поскольку не объясняет следствия. Свести ее можно к такому какому-то представлению: 'мужчина, который женскому своему в паритиве экзистенциального состояния подчинен, слаб не в одном только волевом, но в витальном, прежде всего, отношении'. Волевое начало, себя проявляющее в приметах

венчания, предполагающее и допускающее форму, напоминающую соперничество – кто выше, кто первый, кто ступит правой ногой (о чем, впрочем, уже говорилось), – это начало прямо и непосредственно связывается в тех же приметах с силой витального – кто раньше, кто первым умрет, кто дольше, а кто недолго из них двоих проживет. Важно это, с точки зрения примет и традиции, ибо дает возможность понять не столько то, что венчающихся в их будущем ожидает, сколько то, насколько оба они способны соответствовать своей роли в отношении воспроизводства экзистенциального человеческого и родового.

Формула для жениха, поклонившегося своей невесте во время венчания, могла бы быть описана следующим образом (семантику соответствующей единицы несложно представить на основе того, что было раньше показано):

MascObsecut(ProprFemin:ParExist):Infirmitas

Выстраивается значимая последовательность: поклон ведет к подчинению, а то означает слабость витально-физическую, объявляющую себя в его слабости волевой. Примета, тем самым, содержит знак, имеющий смыслом определение, узнавание признака. Коль скоро жених поднимает что-то, невестой оброненное под венцом, значит он слаб, и не только попадет жене в подчинение, но и в жизненном отношении также мало пригоден, нет в нем необходимой для жизни потенции. С одной стороны, обращение потока жизненной силы, производимое поклонившемся женихом. С другой, то же самое выступает свидетельством в нем недостаточной жизненной силы.

О знаках заключенного знания в приметах

Как знаки, как наставления и одновременно как знание можно воспринимать то, что находит свое отражение в приметах, связанных с большинством (для того, кто выше держит свечу), первенствованием над другим в течение всей жизни обоих (с правой ногой на подножии аналая), властвовании в доме (с ковриком). Как знаки предполагают эти приметы слежение и наблюдение. Увидеть то, что примета содержит, значить будет и соответствующий вывод из этого. Как наставления они действуют для исполнения: хочешь властвовать в доме, первенствовать над другим, быть большинством – делай то-то и то-то. В отношении знания следует полагать, что кто-то один из двоих может точно не знать, как поступать и что делать во время венчания, а тогда другой, если сделает это, поскольку

об этом знает, ему рассказали и объяснили, окажется в более выгодном положении.

Опуская возможный для свадьбы также и игровой момент (маловероятный, однако, в традиции), склоняться следовало бы, скорее, к знаковости и наставительности. Трудно предположить, чтобы один из двоих знал все это, а другой бы не знал. И в таком случае из знаковости следовало бы последовательное со стороны участников наблюдение за происходящим в моменты обряда, а из наставительности необходимость обоих, жениха и невесты, быть внимательными, действовать в надлежащем порядке, осуществляя то, что будет влиять на совместную их жизнь в последующем.

Реализуемое в том или ином своем виде, неважно, как знак ли, как наставление или вследствие знания, которого нет у другого, все это можно рассматривать в преломлении к неоднократно ранее себя уже проявившему проецированию. Трудно себе представить, касаясь трех последних из определяемых примет в отношении свечи, подножия перед аналоем и коврика, чтобы кто-то из них двоих не держал свечу выше другого, чтобы оба ступили на подножие левой ногой и чтобы на коврик стали ногами оба одновременно. И хотя такое не исключено, но все же менее вероятно, чем то другое.

Определяя указанные позиции в отношении проецирования (затронем еще раз этот вопрос), стоит иметь в виду, что проецирование будет себя проявлять тогда, когда ожидаемое в будущем не предсказывается, не предугадывается на основе видимых и распознаваемых знаков, а формируется и закладывается. Проецирующий свое будущее субъект либо тот, кто делает нечто в пользу такового субъекта, знает, что и как надо сделать, чтобы желаемое в будущем получить.

Тем самым, если невеста, согласно примете, желая иметь покорного мужа, наступает во время венчания на ногу своему жениху, то она проецирует в свое с ним совместное будущее это свое желаемое в виде покорного мужа себе. В то же время, если жених, во время того же венчания, нечаянно наступит на ногу своей невесте, то он ничего при этом не проецирует, а получит то, что волей или неволей, поскольку так ему суждено, целый год ей все будет прощать и снисходительно относиться ко всем проступкам по отношению к себе. То же самое будет как не проецирование, а неизбежность с ним, если он поднимет обретенную невестой вещь. Из чего получалось бы, что жениху, в отличие от невесты, что не случайно и о чем говорилось в отношении невесты как центра обряда, жениху не дано особенно ничего для себя проецировать.

Исключением из этого правила можно считать возможность (если намеренную) для него, но не в отрыве и не в отдельности от нее, а с ней наравне, выше держать свечу, стать на подножие правой ногой (при условии, если невеста не сделает то же самое), первым ступить на коврик перед

аналоем. Если это им или ею делается, опять же, намеренно, с мыслью о том, чтобы быть большиной, чтобы первенствовать или властвовать в доме, – можно тогда говорить в этом случае о проецировании.

Касаясь того же вопроса, интересным было бы положение, при котором три указанных действия со свечой, подножием и ковриком распределялись бы между ними двумя (женихом и невестой). Из чего получалось бы, что один из них большина, другой будет первенствовать и кто-то из них затем властвовать в доме. Поскольку приметы такого распределения и, соответственно, разрешения не предполагают, затронутую особенность (о чем, впрочем, ранее уже говорилось) можно воспринимать в том отношении и с учетом того, что названные в соответствующих признаках проективы содержат исходно в себе представление не об одном и том же. Одно дело кто-то из двоих большина, другое – первенствование всю совместную жизнь и третье – властвование в доме. Дом можно вместе с тем понимать не только для них двоих, что допускает традиция и что находит свое отражение в приметах, но и как дом семьи мужа, а в настоящий момент жениха.

Вернемся, однако, к мысли о проецировании. Основой всех трех положений, со свечой, подножием перед аналогом и ковриком, будет симультанно-стимулятивная инструментализация. Используются, пусть и не специально для этого предназначенные, но исходно заряженные подобной возможностью предметные инсертивы.

Вместе с тем, если предполагать загадывание, а точнее закладывание, желаемого положения одного из двоих для себя в отношении другого, то такой вид проекции можно рассматривать как вызывание (эксцитацию), связываемое с таким воздействием на определяющие дальнейшее силы, которое не побуждает их, как это было в примерах с индукцией в ее рассмотренных разновидностях, не провоцирует в соответствующем направлении, а, фактически, их формирует и создает.

Отличие между тем, что было названо побуждением (индукцией) и вызыванием (эксцитацией) как видами проецирования, подвижно и не отчетливо. О нем, собственно, можно было бы и не говорить, особенно в приложении к приметам, которые, давая общее направление производимому действию либо, напротив, недействию, в реализациях сказанного равным образом могут как то, так и другое предполагать. Понимая эту условность, попробуем рассмотреть затронутые в отношении трех последних примеров особенности (со свечой, подножием, ковриком) не для того, чтобы утверждать, что именно это следует видеть в данных приметах, а для того, чтобы получить на этой основе возможность вывести вероятные разновидности вызывания (эксциации).

Представим себе, что жених или невеста, кто-то один из двоих, выше другого держит свечу, но не случайно, а для того, чтобы быть больши-

ной, т.е. в семье главенствовать. И представим себе, что он либо она это делает, зная или не зная, но обращаясь, намеренно, мысленно, не к тому, чтобы это вышло в будущем и получилось, что само собой разумеется, а к чему-то такому (вряд ли, чтобы к кому-то), чего он (она) не знает, представления ясного о нем не имеет, но все же рассчитывает, что оно это что-то подействует так, как им (ею) задумано. Из чего получалось бы, что он (она) это что-то к необходимому действию для себя вызывает (а не побуждает). Вызывает внутренним, мысленным обращением к нему. К тому, чтобы это что-то, подействовав в нужном для него (для нее) направлении, осуществило его желание. Как, каким образом осуществило, достигнув и воплотив, ему (или ей) неизвестно и, впрочем, неважно.

Напоминало бы это известный по сказкам мотив, когда наделенные потусторонней и нечеловеческой силой мифологические существа, черти, дьяволы, джинны, различные духи и душки, другие помощники, делают что-то мгновенно, по мановению, в одну ночь. Важным оказывается сам результат, а что и как они делают, как того достигают, об этом не говорится, и слушатель или читатель по поводу способа самого достижения ничего из повествования не узнаёт.

Получается, что вызывают (жених или невеста для разбираемого случая) что-то, и кто-то один из них, и вызывают то, о чем ничего не знают и не имеют понятия, как оно будет действовать. Опуская неважные соображения о судьбе, о том, что может быть суждено, а также о собственном волевом проявлении, поскольку не в этом дело (хотя с позиции рационализма именно в этом), опуская все эти сопровождающие и объясняющие существо вопроса, о большинстве, о первенствовании, о властвовании, растолкования, следовало бы сказать, оставаясь в ключе разбираемого, что данный вид вызывания связывается, интуитивно, внутренне, с призыванием (повторение здесь неизбежно) в поддержку себе чего-то, что и будет поддерживать, а поддерживая, раздвигать, устраняя и освобождая, создавая условия для проявления желаемого, для продвижения себя в этом желаемом к достижению цели – в большинстве, первенстве, властвовании, равно как и в чем-то другом.

Такой вид вызывания (эксцитации) можно было бы, в связи со сказанным, представлять как поддерживающее, с помощью вызываемых сил, продвижение для достижения желаемого, или *аффирматив промотива**. Поддерживающее и продвижение также и потому, что осуществляется оно при посредстве таких над инсертивами действий (заряженных таковой способностью инструментов, предметов), как держание выше, в отношении свечи, становление правой ногой (на подножие), ступание

* Лат. *prōmōveo, mōvi, mōtum, ēre* ‘двигать вперёд, продвигать’; ‘продвигаться вперёд’; ‘приближать’; ‘развивать, укреплять’.

первым (на коврик). В произведении этих действий и заключается вызывание. Делая это, осуществляющий вызывает к поддержке и продвижению для себя то, что способно подобное разрешить.

Приметы венчания в отношении к жизни и смерти

Последующие приметы венчания как целого, без различения составляющих его моментов, будут относиться, в большем своем числе, к тому проявлению, которое было определено как витально-физическая предрасположенность, связываемая с состоянием здоровья и отношением ко времени жизни и ожидаемой смерти. Предрасположенность – в силу того, что производимые либо наблюдаемые действия пары, одного из них, предвещают с позиции распознаваемых с их помощью знаков своего рода склонность (так это можно понять), но вместе с тем и заложенное в них предсказание как предначертание, по мысли загадывания. Так, как, скажем, в куковании кукушки с просчитывающим загадыванием количества остающихся в этой жизни лет, приравниваемых к числу ею издаваемых ку-ку.

В связи с чем возникает вопрос, который стоит соотнести с представлениями об устройстве предметного мира. Если что-то видится, производится или просто имеет место, но не что-то как таковое, а значимое и потому приметное, то это что-то следует понимать как заложенную в субъекта склонность, которая себя объявила, или как то, что ему положено и отведено?

Вопрос, казалось бы, ясный и очевидный, исходя из того, что касается мифологических объяснений, однако в разбираемом нами случае, с учетом определяемого в отношении движущейся, точнее продвигающейся самой в себе и применительно к человеку субстанивирующейся экзистенциальности, в том числе и отдельному, но не каждому, представляющийся не то, чтобы по-другому, а, скорее, не однозначно. При всем при этом и сама эта склонность, равно как и то, что можно интерпретировать как положенное, данное и отведенное, в отношении кого-либо одного и отдельного, равно как и группы или общности лиц, – и то, и другое также видятся не однозначно. Однако не будем абстрактно и мировоззренчески теоретизировать по данному поводу, пытаясь коснуться, если не полностью разрешить, его на дальнейших примерах и оставаясь при тех из них, которые следует относить, исходя из контекстов, к венчанию в его целостности без разделения на состав.

Если жених нечаянно сядет на полу одежды невесты, то тем самым он подвергнет ее какой-нибудь болезни в течение первого супружеского года.

Нечто подобное по характеру проявления уже было, там нечаянное поведение жениха, наступившего на ногу своей невесте во время венчания, связывалось с его всепрощением и снисходительностью в отношении проступков будущей жены. Однако не это различие в данном примере нас будет интересовать, поскольку тогда пришлось бы говорить о семантике ноги и семантике полы одежды, а это вопросы иного порядка, мифологического, точнее мировоззренческого, прежде всего. Обратимся к другому. К тому, что будет нам объяснять характер заложенного в приведенном примере обозначения для будущего, а также того, как это обозначение связывается с представлением о витальности, в разбираемом случае о состоянии здоровья невесты в течение первого, ее и их, супружеского года. То, что *ее* и *их*, не случайно, поскольку ее состояние здоровья не только связывается с ожидаемой экзистенциальной совместностью пары, но и, как получается, в определенном смысле, если не прямо исходит направленно от него, то он к этому, через свое проявление во время венчания, имеет чувственно-предсказательное, скажем так, отношение.

Примета, в тексте своем, преподносит то, о чем будет речь, в таком виде, который не оставляет, по существу, возможности для колебаний: *сядет – тем самым подвергнет*. Рассуждая далее, следует обратить внимание на то, что это действие его не намеренно, поскольку *если сядет нечаянно*. И в этом месте возможны два разрешения. Первое, более близкое к тому, что в примете выражено. Второе – подводящее к представлению о нечаянности его поведения, скрытому в глубине.

В соответствии с первым решением следовало бы полагать, что его такое нечаянное проявление ведет к нездоровью невесты в последующем. Или, иными словами, он, поступая так, хотя не намеренно, оказывается причиной ее витального ослабления, собственно и фактически, в данный момент, забирая, отбирая, отводя от нее ту потенцию, которая, действуя на физическое ее естество, обеспечивает ей здоровое и защитное от возможных болезней в последующем состоянии. Получается, что неосторожность и невнимательность, акциональная, поведенческая, во время венчания жениха может становиться причиной последующих ее недостаточно сильных, ослабленных, в том числе и физических, состояний. О характере ее возможной болезни в данном случае не приходится говорить, в примете о ней говорится как о *какой-нибудь*.

Подобное проявление жениха при этом имеет ограничение во времени, действуя *в течение первого супружеского года*. Из чего может следовать представление* о более тесной физической взаимосвязи, зависимости пары супругов в первый год их брачного состояния. Но, что не случайно и по-

* О действии в течение первого года говорилось и в отношении его к ней снисходительности, с тем же нечаянным, но наступанием на ногу.

казательно, зависимости и связи, направленной от него на нее. И тогда не взаимной, в смысле взаимообратности и обращенности от одного на другого и от того другого на первого, сколько зависимости и связи, устанавливающей, управляющей, исходящей от мужа к жене.

Не исключая поэтому этого первого, того, что нечаянность его поведения в том, что сядет он на полу одежды невесты во время венчания, обуславливает ослабление ее физического, в настоящий момент, состояния, проявляемое в будущем в виде болезни, – не исключая этого первого, можно увидеть во всем этом еще одну возможную сторону. Связываться это будет с тем, что такое нечаянное его поведение, являясь, если не следствием и не предчувствием (то и другое, впрочем, не исключено, но, если предчувствием, то не осознаваемым), являясь, если не следствием и не предчувствием, то проявлением, объявлением, выступанием на поверхность, наружу, в том, что видимо, в виде своего рода толчка, произведенного чем-то укрытым. *Произведенного* здесь как слово имеет тот смысл, который связывается с ненамеренным выходом, проступанием, как пузыря, говоря метафорически, в воде или в болоте на их поверхности.

Что-то, иными словами, толкнуло его, незаметно и необъяснимо для него самого, как повело, качнуло, в результате чего он нечаянно, и именно потому нечаянно, сел на полу одежды невесты. И это что-то, толкнувшее его сесть, можно вновь интерпретировать в двух отношениях. Как то, что, толкнув его по какой-то другой причине, не связанной с ожидаемой болезнью невесты, ведет к болезни ее, поскольку он, в результате, на полу ей одежды сел и, тем самым, в ней ослабление вызвал. А также как то, что толкнуло оно его нечаянно сесть потому, что ослабление физического состояния невесты уже себя проявило, и то, что он сел ей на полу, себя в таком его действии проявило и через него, это действие в нем, на нее перешло. Жених в этом случае выступает не столько как каузатор ее состояния, в настоящем, себя проявляющем в будущем, сколько как медиатор и, как наблюдаемое следствие из того и другого, – сигнификатор, т.е. отмечающий ее состояние и при этом одновременно также и действующий соответствующим образом его (состояния) знак.

Допуская все три возможности, поскольку выбор одной из них ничего бы толком, с одной стороны, не объяснял, а с другой, потребовал бы вхождения и углубления в области, не имеющие к разбираемому отношения, с обращением к мировоззренчески-философским, концептуально-мифологическим положениям, предполагая задачей исследование, изучение того, как мыслят (точнее, как мыслили много ранее, в свое время) те, кто более или менее сознательно приметыв воспринимал и серьезно, с позиции, объясняющей их значения, к ним относился, – по этой причине не исключая и допуская все три возможности, говоря об устройстве приметного мира, внимание стоило бы обратить, в отношении все той же нечаянности

проявления жениха, на то, что стоит, могло бы стоять, за тем, что его толкнуло.

Это за всем стоящее, о котором, впрочем, не раз говорилось, можно представить как продвигающуюся, идущую силу, связываемую со всем, что касается человека (не только его) в его состояниях, существовании и бытии. Для примет, поскольку, опять повторим, философские объяснения не наша задача, для примет эта сила как нечто движущееся, идущее, сущее и существующее (объяснить ее по-другому возможным не представляется), в том числе также вечно, но энергетически, сущее и в постоянстве своем все пронизывающее собой существующее, – обращает себя именно в то, что стоит за тем, что человеком, но знающим, осведомленным, посвященным в природу значений, воспринимается на поверхности, в видимом, наблюдаемом, а также вольно или невольно, намеренно или случайно, им совершаемом, т.е. в его поведениях и действиях. Но не всяких и не любых, а приметно отмеченных – именно таких, как положено, и именно в определенное время. Из чего получается, что то, что жених во время венчания сядет на полу одежды невесты, и есть проявление, выход указанной силы, себя объявившей в таком на него воздействии, в том, что он сделал нечаянно, вызвав ли, ставши причиной витального ее ослабления, либо только его обозначив собой.

В связи с этим приметой, о которой шла речь, можно было бы относить к единицам по своему значению знаково-предвещающего характера, предвещающего как объявляющего, раскрывающего, а не акционально-провоцирующего по ее внешнему виду. Последнее было бы вероятно, если бы действие его имело направленный и намеренный, а не случайный характер в нечаянности, направленный на желаемый результат и намеренный по отношению к производимому действию.

Еще одной стороной, на которую следует обратить внимание при анализе, было бы то, что, говоря о какой-то болезни невесты-жены в течение первого супружеского года, примета дает это как ожидающее ее в будущем осуществление приобретаемого состояния, или, если иначе, статальное осуществление приобретения (так это можно назвать). То физическое состояние, которое, характеризуясь в настоящем моменте ее ослаблением, результируется в ее какой-то болезни, определяет себя как то, что она впоследствии для себя неизбежно получит, если в широком смысле, экзистенциально приобретет. И это ее получение, приобретение, проявленность ослабления в последующий временной момент отразится, что неизбежно, на условиях и формах ее бытия и существования.

Из чего получалось бы, что болезнь относилась бы к видам (представляя все это парадигматически) экзистенциальных состояний, или статальностей, связываемых с возможностью их изменения, получения, приобретения, обладания ими, лишения, избавления от них. Статальности,

следовательно, в предметном мире примет обладают способностью к перемещению, они появляются и пропадают, могут появляться и исчезать, точнее было бы говорить, уходить, но, появляясь и пропадая, в такой своей передвигающей и продвигающей их, флуктуирующей, подвижности, они проявляют себя в человеке, в людях, в какой-либо группе и общности, а также в природе, в животном мире и пр. Иными словами, статальности, движась и действуя (условно действуя), не воспринимаются как таковые и сами себе, они видятся и объявляют себя в своей непременности в чем-то и в ком-то.

Три последующих приметы для венчания в целом относить к статальным можно было бы только в том отношении, что речь в них идет о прерывании, об уходе статальности существования, об оставлении всякой статальности для него, или, иными словами, о смерти:

У кого первого из молодых свеча погаснет, тот первым умрет.

У кого из молодых более сгорит венчальная свеча, тот скорее и умрет, а у кого свеча длиннее останется или у чьих дружек, тот долее проживет.

С кого из молодых во время венчания венец спадет, тот и будет вдовствовать.

Смерть в этом случае, как наступающее, как то, что придет, что случится, произойдет, с неизбежностью осуществит себя, можно было бы относить не к статальностям (с их обрывом как таковым), а к тому, что принято называть *событием*. И тогда это была бы другая с парадигматической точки зрения группа – событийных осуществлений.

Все три приметы следует относить к знаково-предупреждающим, в объявляющей, раскрывающей, их разновидности. Собственно говоря, это знаки внешнего, такие же по своему существу, что и в рассмотренной ранее примете с возом, нагруженным дровами, встретившимся на пути жениха и невесты к венцу. С тем отличием, что, если с возом, можно было говорить о притягивании (воза как знака в его значении) к тем, кому несчастье, им отмечаемое, назначалось, то в примерах с погасшей или более сгоревшей свечой и упавшим венцом применительно к отмечаемой этими знаками смерти, в силу прямого их отношения, связи с тем, кто держит свечу или на ком венец, речь следовало бы вести о том, что, за неимением более точного слова, можно определить как *пульсацию*.

На простом примере, хорошо известном в традиции и не только в традиции: чтобы проверить жив человек или умер уже, к его носу, а также устам, подносили зеркало. Если зеркало запотевало, значит жив, дыхание не вышло еще из него. Если же оставалось чистым, то умер. Зеркало, но не

оно само, а то, что на нем, содержало знак в отношении еще остающейся жизни или уже наступившей смерти.

То же самое и со свечой и с венцом, как в них заключенное своего рода дыхание, с тем отличием, что дыхание не в смысле физическом, производимым еще живущим в данный момент, в момент держания над ним зеркала, а дыхание витально-жизненной силы как длительности, точнее этой самой жизненной силы в длительности ее, если еще точнее, то длящести, на то время, что для данного человека пока остается, на время, ему предназначенное, ему отведенное, но не в смысле оставшейся ему доли-судьбы (для рассматриваемых примет), а в смысле в нем остающейся жизненной силы, пульсирующей в нем до момента, пока не умрет, и именно эта пульсация в свече и в венце как ее отмечающих знаках себя объявляет.

О витальности следует говорить и в отношении той приметы, которая ранее была приведена, но в своей первой части по другому поводу. Во второй ее части речь идет не о смерти и не о болезни как таковой, а о такой нездоровой, скажем так, предрасположенности, которая проявляет себя в поражении кожи или, если точнее, телесного состояния, связываемого в традиции и не только в традиции с представлением организменной нечистоты. Приведем эту примету еще раз, обратив внимание на вторую часть, в отношении вередов, или чирьев (не рассматриваемое для разбираемого случая взято в косые скобки):

Когда жених и невеста пойдут к аналю и /когда кто-нибудь из них станет правой ногой на подножие, то это знак, что тот всю жизнь будет первенствовать над другим; но/ если кто ступит много или всей ногой, то тот подвержен будет вередам, то есть чирьям.

Если кто-нибудь из двоих на подножие аналя ступит много или всей ногой – так говорится об этом в примете. Задействуются подножие аналя как то, что дает, в первом случае первенствование над другим (если правой ногой), во втором – подверженность вередам, или чирьям. Подножие аналя посредством ноги наступившего сообщает и придает ему либо возможность быть первым и, получается, верховодить, но это все же не сила, а что-то другое. Либо другого этого в таком переизбытке, который ведет к заражению, к склонности быть подверженным частому повреждению телесного организма, проявляемому в проступании на теле чирьев.

С точки зрения наставляющей можно было бы говорить о себя проявляющем (в том, что передаются знания меры и правильности) положении о том, как следует поступать. Если стать правой ногой, то будет достигнуто нечто дающее превосходство и потому позитивное. Если стать

много или всей ногой, то тело твое будет подвержено частому проступанию вередов. Мотив, похожий, но лишь отчасти, на сказочный с предположением и предложением выбора перед камнем у трех дорог – пойдешь направо, жди себе одного, налево – другого, прямо – третьего. Все это, равно как и с подножием аналая, своего рода также и камнем дорог, имеет под собой основанием знание, но не простых, а сакральных вещей, не потому сакральных, что скрытых и не объявляемых, но потому, что себя проявляющих в ожидаемом будущем.

Выбор, с одной стороны, получается, что зависит от человека, достаточно только правильно поступить. Однако при этом, и здесь себя проявляет еще одна, скрытая, сторона, что, если оба, жених и невеста, на подножие аналая станут каждый из них правой ногой, кто тогда будет первенствовать? в примете ведь не сообщается, что тот, кто первым станет правой ногой, говорится только, что *когда кто-нибудь из них* это сделает. Из чего получается, что кто-нибудь из них же другой правой ногой на подножие не станет. В этом проверка знанием, такая же, как в известных мотивах сказок – кто знает и делает, тот достигает, а кто не знает или не делает, нет. Предполагая реальные действия и то, что оба могут об этом знать, видимо, достигает тот, кто совершит это первым, за ним будет такое же первенствование и в последующей жизни.

И еще одна сторона того же укрытого, выраженного словами так, что знающему следует знать, а не знающий будет догадываться. Что значит *ступит много* с дополнением *или всей ногой*? Как это *много* в отношении ступить на подножие понимать? Ступить много раз или с силой? Из чего, равно как и из представления о *всей ногой*, следовало бы, имея в виду все то же упоминаемое знание, что для того, чтобы не просчитаться и правильно себя повести, необходимо, подходя к аналою, с тем чтобы первенствовать, ступить на его подножие правой ногой, и при этом, видимо, раньше будущей своей половины, но при этом не всей ногой, не с силой и один только раз, потому что в противном случае, если левой или не первым, то не будешь первенствовать, а если с силой и не один раз, то жди себе в будущем вередов по всему телу.

То, что передается, что сообщается через подножие аналая во время венчания паре вступающих в брак, необходимо, для пользы своей, получить, присвоить, зная, что и как надо сделать, и это довольно тонкое знание в своих проявлениях и важных деталях. Иначе либо добра не жди, либо не будешь в брачном своем состоянии первым.

В довершение к сказанному остается еще один не разрешенный, поскольку не упоминаемый в примете, вопрос: что будет, если оба, жених и невеста, станут на подножие, подходя к аналою, каждый, не правой, а левой ногой? Не будет первенствования? Брак будет предполагать между ними равные отношения? Оставим этот вопрос без ответа, поставив его

для того лишь, чтобы показать, что приметные знания, наблюдения, наставления, положения выборочны. Имеет значение и отмечается что-то одно, что считается важным, остальное не упоминается и о нем речи нет.

Отличие того положения в отношении витально-физической предрасположенности, которое в данной примете отражено применительно к подножию аналая, от рассмотренных ранее для свечи и венца, можно видеть, во-первых, в самих инсертивных предметах, в характере их проявления и воздействия на человека. И, во-вторых, что будет связывать себя с тем, что во-первых, при таком либо ином воздействующем либо только действующем характере инсертивных предметов, подножия аналая, с одной стороны, свечи и венца, с другой, следует отмечать различный характер участвующего при всем том человека.

Воздействие себя отражает в подножии аналая: ступая ногой на него, наступивший (во время венчания, что надо добавить, жених либо невеста, никто другой) испытывает то, что исходит от этого инсертива, переходя к нему через ногу. Это к нему перешедшее предопределяет, в зависимости от поставления ноги, то, что было указано. Из чего получается, что это не знак, имевший место в горении свечи или спавшем венце, а приобщение к заряжающему, энергетическому началу, заключенному в данном предмете, данному предмету свойственному и через него и в нем себя проявляющему в положенный и соответствующий момент по отношению к тем, кому это, как положенное, назначается (во время венчания жениху либо невесте) и может ими по этой причине быть приобретено. Примета в этой связи будет иметь продуцирующий, заключенный в предмете, характер, относясь, соответственно, к группе предметно-продуцирующих.

В той части, которая предполагает достижение первенствования, ее можно рассматривать в отношении целевого достижения отдаленной цели (при условии, что делается это сознательно и целенаправленно – если ставший правой ногой на подножие не случайно данное действие осуществил). Если же это было случайно, то речь следовало бы вести о статальном осуществлении положения, предполагающем релятивную диспозитивность – отношение одного из пары к другому либо пары к кому-то другим.

Соответственно, в части, где говорится о вередах, оставаясь в группе предметно-продуцирующих примет, поскольку ожидаемое поражение организма неправильным действием (*если кто ступит много или всей ногой*) также и в этом случае производится, исходя от того же подножия аналая, следует говорить о статальном осуществлении приобретения. Нечисто-болезненное телесно-организменное состояние человеком приобретается в результате неверного действия, осуществленного, произведенного им самим, в соответствующий момент как соответствующим при этом субъектом.

В отношении горящей свечи и венца, упавшего во время венчания у одного из вступающих в брак, о воздействии говорить не приходится. Свеча в своем горении, равно как и венец при падении не воздействуют на держащего их субъекта в соответствующем отношении, не производят и не продуцируют то, что определяет их смысл, будучи не заряжены сами в себе, а заряжаемы – тем, кто их держал, в руке, для свечи, на голове, для венца. И это тогда другая группа примет, которая определялась как знаково-предупреждающая и в которой предметы, если они выступают, себя проявляют как знаки, то, что содержит, несет в себе соответствующий, им приписанный, смысл, наблюдаемый и воспринимаемый не над ними, а ими самими (предметами) производимыми действиями. То, что свеча погасла или быстрее сгорела, а венец упал, таковыми действиями и предстает, они сами себя данным образом проявили, испытав на себе, а точнее впитав в себя, то, что исходит, изошло на них от субъекта (субъектов), зарядившись этим от них, после чего указанным образом неизбежно подействовав.

Витальность, следовательно, та, которая себя проявляет в жизни и смерти, болезни либо здоровье, подверженности организменной нечистоте, телесных недугах, недомоганиях, слабостях либо, напротив, физической и не только физической силе и крепости, отмечая собой, по этой причине, для субъекта витально-физическое его состояние, – эта витальность, сводясь в понимании мира примет к тому, что можно определять в понятиях поля и энергетизма, может быть результатом и следствием (через производимые действия, в том числе и с предметами) приобретения в будущем, ожидаемом либо планируемом, намеренного и целенаправленного для себя производства, равно как и того, что являет себя без намерения, как событийное, внешнее, на человека направленное либо его затрагивающее, но от него не зависящее. Отсюда деление на статальные осуществления приобретения, на событийные осуществления и на целевые достижения дальнейшей либо ближайшей цели для человека-субъекта с позиции и с точки зрения примет.

О семантике выбора как невыбора в материале примет

И, наконец, еще одна, последняя из примет для венчания как целого без разделения его на составные моменты, касающаяся релятивной диспозитивности, отмечающей положение пары в отношении друг к другу для данного случая:

Если при венчании в церкви не надевают невесте венца, не желая тем испортить прическу или головного убора или еще по

каким-либо причинам, а поручают венец держать над головою невесты какому-нибудь близкому или постороннему мужчине, то совершенное при таких условиях бракосочетание будет недействительно, непрочное и жена не будет верна своему мужу и непременно заведет любовников, так как, допустив держать венец постороннего мужчину, венчались уже не двое, а трое.

Значимым оказывается не столько время венчания, сколько связанный с ним и производимый в данное время обряд, который должен иметь свои стороны и происходить положенным образом. В отношении соучастников, как в разбираемом случае.

Прежде чем рассмотреть допустимые и недопустимые роли упомянутых соучастников с определением того, как и на что это будет влиять и что для предметного мира, охватываемого приметами, следовать, обратить внимание стоит на то, что фактически в том, что описано, происходит. Фактически в смысле в реализующих себя далее для действительности обоюдного существования пары последствиях.

Как говорится в примете, что, если то-то и то-то будет указанным образом сделано, то получается а) *совершенное при таких условиях бракосочетание будет недействительно*, б) *непрочное* и в) *жена не будет верна своему мужу и непременно заведет любовников*.

С одной стороны, *недействительно*, с другой стороны, *непрочное*, а с еще одной, скажем, третьей, жена окажется неверна, и при этом не просто так себе неверна, а *непременно заведет* (не одного, а многих) *любовников*. Само это их не единственное, а множественное число настораживает, не говоря о том, что все это, перечисленное в (а), (б), (в), в общем-то, не одно и то же. Брак может быть недействительным, но при этом прочным и наоборот, а его недействительность либо непрочность не обязательно неверности будут предполагать со стороны супруги, равно как и не единственного числа у нее любовников, если таковые появятся.

Следовать будет из сказанного, не исключаящие одно другое, а может быть, и совмещенные, то, что возможен в ожидаемо реальной действительности выбор – либо (а), либо (б), либо (в), с неединственностью при (в) числа заводимых женой любовников. При возможных в той же ожидаемо реальной действительности комбинациях на основе (а), (б) и (в). Либо, и это более бы соответствовало не столько духу, сколько все тому же предметному миру примет, на особенности устройства и концептуальный характер которого внимание постоянно приходится обращать, – либо все то, что для (а), (б) и (в) как их значимо не различаемую, важно неважную в различениях, но при этом существенную концептуальную целостность.

Иными словами, недействительность брака – это, фактически и собственно говоря, то же самое, что и его непрочность, а то и другое, опять

же фактически и собственно говоря, есть не что иное, как неверность мужу его жены, с непременным заведением, при понятии, представлении о таковом, у нее любовников, которых в реальности может не быть или будет один, за всю жизнь, если даже и будет, но речь в данном случае не о реальности, а о том, что в сознании и представлениях. Брак непрочен, потому что он недействителен, и наоборот, а непрочный и недействительный брак для сознания означает неверность жены и любовников. Не потому, что так есть или для данной пары так будет, а потому что таким предстает тот предметный мир, который себя отражает в приметах.

Для определения ролей мужских соучастников, поскольку они в ней даны как действующие, обратим внимание на то, что, собственно, происходит, составляя основу воздействия в отношении достигаемого и от чего предостерегает примета. Позволит это к тому же вывести основание для еще одной типологии, предполагающей в данном случае не вид возможного достижения и не предметный либо знаковый ее тип, а что-то другое.

Первым и объясняющим действием, а точнее, недействием, будет то, что *при венчании в церкви не надевают невесте венца*, что объясняется нежеланием испортить прическу или головного убора или еще по каким-то причинам, которые, собственно, не важны. Важно то, что венца на невесте нет, не надет он на ее голове. Вторым, замещающим, действием выступает то, что, поскольку венец все же должен быть, ибо в этом сущность венчания, его поручают *держат над головою невесты какому-нибудь близкому или постороннему мужчине*. Мужчине, не женщине. Из этого следует то, что ранее было рассмотрено в отношении к пунктам (а), (б), (в) с дополнением численности любовников у жены при (в).

Обратим внимание во всем этом на следующую особенность, которую типологически можно и следует также воспринимать. Что, собственно, происходит, но не в самом замещаемом недействии действием, а при его посредстве и через него, – применительно к получаемому результату. Недействительность брака, недействительность осуществляемого, будь то в обряде, будь то в чем-то другом, понимая все это в обобщении, и для типологии, и для предметности разбираемого мира, недействительность в смысле недостижения результата, ради которого то либо другое осуществляется, связана, как из этого получается, с тем, что в примете выражено словами *венчались уже не двое, а трое*.

Действие, в разбираемом случае венчание можно определять как действие, для того, чтобы не просто быть, имея место в пространственных, временных и агентных условиях реализации, но состояться в отношении своей цели и смысла, должно, согласно с миром примет (о другом говорить не будем), соответствовать также и еще одним, его насыщающим и собою пронизывающим условиям. Энергетическим, полевым, по воздействию и оформляющему существу. Используем такое определение,

более или менее общепонятное, за неимением лучшего, впрочем, в данном случае действительная природа того, о чем речь, даже если и существует, для нас безразлична.

Эта энергетическая, точнее энергетизирующая и полевая, масса действует на производимое при венчании таким образом, что утяжеляет его, поскольку не двое, а трое венчаются. То нечто, что появляется, формируется, создается в венчании – брачная для венчаемой пары связь, определяемая как *действительность брака*, в результате, не создается и не формируется. В силу причины, объясняемой присутствующим участием, сопричастностью дополнительно еще одного лица, добавлением к двум еще одного в виде третьего, утяжеляющим усложнением происходящего. Этого третьего, получается, быть не должно, но не просто, а в тот самый момент, когда именно и происходит венчание, не должен он держать на голову невесты венец. То, что третьим этим выступает близкий или посторонний мужчина, опуская обрядово-культурный компонент обусловленности в отношении того, что не женщина осуществляет, участвуя, венчальный обряд, иными словами, наличие и присутствие при совершении обряда еще одного мужского, помимо венчающегося, лица, т.е. жениха, делает объективно венчание утроенным, а еще одно мужское присутствие в брачной связи и делает недействительным, и вместе с тем разрушает брак. Связь между двумя супругами, т.е. парная по своему существу, обращается потенциально во множественную, и при этом во множестве этом неопределенную. Отсюда не только неверность мужу со стороны жены, но и непереносимость заведения ею не одного любовника.

Добавление, усложнение, утяжеление – одна из форм возможного нарушения не только правильности или результативности, но и благополучности достигаемого. Благополучности в смысле желаемого и планируемого, равно как и не планируемого, позитива.

Рассмотрим такую примету в том же ключе, имеющую, как и предыдущая, с еще одним мужским лицом при венчании, акционально-предотвращающий (предупреждающий) характер, в его избегающей, в заложенном предупреждении, разновидности. Примета относится, для обряда венчания, ко времени от подхода жениха и невесты к аналою до их выхода из церкви, тем самым, это будет один из моментов состава венчания как целого:

Как только жених и невеста станут к аналою, никто не должен проходить между ними вплоть до выхода из церкви, иначе молодые впоследствии разъедятся.

Если в предыдущей примете следовало говорить об утяжеляющем энергетическом добавлении через посредство еще одного, помимо жени-

ха, мужского участника, как получалось, также венчающегося, то в этом случае имеет место нечто иное. Устанавливающуюся в обряде венчания, формируемую и формирующуюся брачную связь жениха и невесты, впоследствии молодых, получается, можно прервать – от момента, как только станут они к аналою вплоть до выхода их из церкви.

Тем самым, с одной стороны, эта связь оформляется и устанавливается именно в этот момент. Подход к аналою жениха и невесты до выхода, но уже молодых, из церкви и есть период установления этой связи. А с другой, тем же самым и обусловленной, стороны, в тот же самый период, еще не установленной и лишь устанавливаемой связи, ее можно, сделав непрочной, прервать – молодые впоследствии разъединятся. Достаточно между ними пройти, от подхода их к аналою до выхода их же из церкви.

Этот вид не осуществленного достижения в непрочности не до конца установленной либо прерванной связи можно видеть, с энергетической точки зрения, как пересечение. Прошедший или прошедшие между венчавшимися пересекают поле, а может, и нить, невидимой не завязавшейся связи не жениха и невесты, а уже молодых. Из чего также следует, что между женихом и невестой связь эта не существовала и установленной не была, она устанавливается, когда они становятся молодыми, переставая быть женихом и невестой.

В отношении достижения, точнее недостижения, рассматриваемую приметку, с позиции закладываемого в ней избегания, т.е. если бы получилось и вышло то, чего следовало избегать, с этой позиции ее можно было бы отнести к разновидности, определяемой как статальные осуществления длительности, протянутости, протяженности, пердуративности, достигнутых, достигаемых экзистенциальных пребываний и состояний. В выбранном материале немного таких примет, касающихся свадебно-брачного цикла и характеризующихся обычно тем, что молодых 'ожидает недолгая супружеская жизнь' (как достигнутое и в скором времени также утраченное затем экзистенциальное парное состояние); 'молодые впоследствии разъединятся' (как в разбираемой примете); 'супружество может оказаться недолговечным' или, если смотреть на это с позиции не смерти, а брака – 'рано овдоветь' (как правило, для замужества).

Приметы венчания как перехода к новому экзистенциальному состоянию

Следующие приметы связываются с отношением пары к аналою во время венчания, что составляет определяющий пункт обряда, ибо в этот момент и производится тот переход, который обозначает, что жених и не-

веста становятся новобрачными, молодыми, супругами, мужем и женой. Примет, обусловленных именно этим моментом, в выбранном нами источнике только три, располагаясь в порядке, ранее выведенном и обозначенном для разбираемого места как подход к аналюю, подножие аналюя (частично себя уже проявившее, но с точки зрения венчания в целом) и отход от него. В первой примете с учетом отмеченного порядка речь идет о желательном для невесты в последующем отношении мужа к ней, и это касалось бы релятивной диспозитивности, отмечающей положение пары друг к другу:

Подходя к аналюю, невеста должна развязать по возможности все узлы на себе, чтобы заслужить расположение мужа.

Подходя к аналюю, невеста развязывает, что невидимым образом предполагает, что, как уже отмечалось, данный момент отмечает установление связи, завязывание ее. Из чего получается, что этот момент выступает как наиболее подходящий, заряженный соответствующим образом. Сделав определенные вещи, произведя над собой то, что указано, можно рассчитывать на желаемое расположение мужа впоследствии.

Речь идет об узлах, о развязывании по возможности всех узлов на себе. Интересно, что то же самое действие в отношении узлов, но не только, расстегивании и снимании поясов, открывании замков, окон, дверей и др., себя проявляет, используя для облегчения родов беременной. Там подобные действия совершаются всеми участниками, мужем, членами всей семьи. В разбираемом случае это делает только невеста*. Производимое действие, что достаточно очевидно, имеет симулятивно-стимулятивный характер, предполагая осуществление отдаленной цели в виде интерпретируемого, воспринимаемого и расцениваемого как подобие. Развязать узлы на себе приравнивается к развязыванию негативно не расположенного, не свободного, не открытого, зажатого и стиснутого отношения мужа к жене. Действие производится, помимо этого, над собой, – расположение мужа, тем самым, воспринимается как проявление телесного кода, оно имеет характер физический с направленностью от себя (через развязывание узлов) к себе. Узлы вместе с тем соотносятся внутренне с представлением об устанавливаемой брачной связи, представлением, которое находит свое отражение также и в языке, – ср. *брачные узы* и с этим соединяющее завязывание (в отношении брака), которое не дано никому развязать.

* Возможно, что данная параллель не случайна, и при этом не только в смысле «раскрывающего» через развязывание облегчения своего положения и состояния, однако не будем, чтобы не усложнять рассмотрения, в данном месте углубляться в этот предмет.

Говоря о том, что и как переносится предлагаемым действием в отношении невесты, помимо симилятивности и стимулирования, заложенных в нем (примета в этой связи будет иметь акционально-провоцирующий характер), необходимо задуматься также и над характером, а тем самым, и типом воздействующего отображения. Возвращаясь к мысли об энергетике с представлением поля, с которым, вступая в контакт, обращаясь к которому, помещая, может, не столько себя, сколько то, что предполагается сделать, с посылаемым намерением к достижению, вопрос, который предстоит разрешить, заключался бы в том, чтобы установить, в чем состоит и на чем основан характер воздействия, предполагающий при развязывании узлов стимулированное этим расположение мужа.

Если с приметой, в которой венчались не двое, а трое, при держании над головою невесты венца, говорилось об утяжелении, добавлении лишнего, усложнении, удвоении также того, что должно себя проявлять как одно (начало мужского при совершении венчания в женихе), то стимулирующее развязывание узлов предполагало бы не столько, с предположением обратности, облегчение, хотя и это не лишалось бы смысла, сколько своего рода распахивание, открывание и, повторяя само производимое действие, – развязывание, также и в том же, смысле узлов, раскрываемого положения для будущего. Развязывание узлов не в переносном и, следовательно, метафорическом значении того и другого слова, как это можно было бы понимать, а в значении метафизическом, трансцендентном и метаморфном.

Охарактеризовать это можно было бы приблизительно следующим образом. Имеется некое поле связи, которая устанавливается, себя формирует и создает в данный момент. Связь эта, представляемая в виде формируемого поля (в энергетическом понимании этого слова), имеет, предполагается, что будет иметь, определенный вид и характер, который может и будет иметь в себе также узлы. Связь эта в виде энергетически заряженного поля есть, с одной стороны, положение и экзистенциальное состояние тех, кто венчается, как таковое, и одновременно с этим, с другой своей стороны, в позиции и отношении их одного к другому. Узлы, о которых речь, метаморфно и метафизически, суть узлы, которые связывают их между собой и друг с другом как брачную пару и в то же самое время выступают, себя проявляя в последующем, как узлы недостаточно благоприятного, подозрительного, недобро оценивающего и пр. в том же ключе отношения. Или, иными словами, узлы все того же нерасположения, которые, как получается, можно и следует развязать (для невесты), подходя к аналою. Действие это, подобное действию по открыванию шлюзов для свободно втекающей, а до этого в напряжении сдерживаемой воды (напряжении от нее, проявляемом в давлении), можно определять и рассматривать как отпусkanie, освобождение, или все то же

развязывание, понимая его обобщенно, а не только применительно к данному случаю.

Как разновидность тогда это выведенное развязывание становилось бы в общий типологический ряд с усложняющим утяжелением, добавлением (на примере держания венца над головою невесты), пересечением, себя проявившим в примете, предполагавшей запрет проходить между женихом и невестой от аналоя вплоть до выхода их из церкви. К этому ряду можно добавить то, что себя проявило при встрече воза, нагруженного дровами, женихом и невестой, направляющимися к венцу, представив это как проступание, выход на поверхность, наружу, для наблюдения, видения того, что укрыто. Загромождающее по своему характеру проступание, что в энергетическом отношении, с предположением массы для поля, можно представить как вспучивание или выпячивание, отмечающее бугром проступившей неровности то, что приметой охарактеризовано словами *нельзя ожидать в жизни новобрачных счастья*, или, иначе, несчастья, несчастий следует ожидать.

Следующая примета отмечает для невесты, в момент, когда она становится на подножие аналоя ногой, возможность направляемого мысленно и с соответствующим пожеланием воздействия на ту, которую можно определять для невесты как ее другое, равное, парное, ей соответствующее, иными словами, подругу:

Становясь на подножие перед аналоем, невеста должна вспомнить свою незамужнюю подругу и пожелать ей скорейшего выхода замуж, тогда та вскоре непременно станет невестой.

Важным становится в этом случае то, что вспомнить следует а) свою незамужнюю подругу, а не любую какую-то, и при этом одну, поскольку нет речи о том, чтобы вспомнить всех своих незамужних подруг или нескольких, равно как и двух; б) вспомнив одну свою незамужнюю подругу, а тем самым, речь идет не столько о выборе из числа, сколько, по-видимому, о такой подруге, которая понимается как единственная и в связи с этим одна (определяется это обычно словами *лучшая (моя, ее) подруга*, которая как одна для сознания и существует); в) вспомнив эту единственную свою подругу, и к тому же еще незамужнюю, невеста имеет возможность также только единственного ей пожелать – *скорейшего выхода замуж*, и ничего другого, не счастья, не благополучия в жизни и пр.

Получается, что момент, когда невеста становится на подножие перед аналоем и, тем самым, ногой, оказывается благоприятным и разрешающим, но если вспомнить и пожелать, для загадывания, проецирования, но лишь одного (*скорейшего выхода замуж*), и в отношении субъекта также

лишь одного, своей незамужней подруги, – лица женского пола, равного, близкого как своего другого и не состоящего в браке, т.е. в брачной связи.

Характер воспроизводимого представления можно определить как интенциональную сенсуализацию, предполагающую возможность, а также и необходимость, подумать о ком-нибудь или о чем-нибудь что-либо в соответствующий момент, с созданием мыслеобраза и направленностью предполагаемого пожелания. Воздействие на то, что закладывается и проецируется, т.е., для разбираемого случая, что *та вскоре непременно станет невестой*, осуществляется не через что иное, как через мысленно направляемый, сопровождаясь желанием, образ. То, что можно это осуществить для невесты лишь *становясь на подножие перед аналом*, а не в другой какой-то момент, и не иначе, как через соприкосновение с этим подножием посредством ноги, будучи важно для допущения достигаемого в будущем пожелания в отношении указанного и при этом единственного лица, с точки зрения определения вида воздействия значения иметь не будет. Значение будет иметь само направляемое на лицо пожелание, характер которого заключается в том, что сопровождаемый желанием невесты скорейший выход замуж для незамужней подруги приравнивается к тому, что *та вскоре непременно станет невестой*.

Из чего получается, что невеста, приобретая, имеет способность переносить, передавая и индуцируя, свое переходное состояние невесты в венчающий это ее состояние момент на другое лицо, ей единственно близкое. Не вдаваясь в детали и обстоятельства, определяющие ситуацию и контекст, такой вид воздействия на энергетику проецируемого можно охарактеризовать как трансдуктивную по своему характеру передачу, или конверсию, предполагающую наличие допускающего прохождения коридора для перенесения, передачи, конверсии, создаваемого мыслеобраза к реализующему его достижению в последующем.

Пожелание выйти замуж со стороны теперь уже не невесты, а новобрачной, развивает себя и далее, однако на этот раз ею осуществляется действие, одного представления с пожеланием оказывается недостаточно, и это действие связывается со временем не подхода, а отхода от анала, не перед, а после венчания:

Отходя от анала после венчания, новобрачная тащит ногою подножие, на котором стояла, чтобы все девушки ее деревни скоро вышли замуж.

Опять используются подножие анала, на котором стояла, и нога, которой новобрачная тащит подножие, как носитель пространственного воздействия, в своей направленности обращенного ко всей деревне. При этом, в отличие от предыдущего представления, при котором речь, в отношении

подруги, шла о скорейшем ее выходе замуж и непременно вскорости становлением невестой, в этом случае подобные признаки усиления не предполагаются – касаясь всех девушек для деревни, новобрачная может желать им просто скорого выхода замуж.

Тем самым, с одной стороны, опять же касаясь всех, необходимым должно быть а) действие, а не только направленность мысли и пожелание, и это действие б) может быть произведено не перед, а после венчания, при отходе от аналая, уже не невестой, а новобрачной (меняется статус ее), т.е. важным оказывается и время, и новое состояние и, наконец, еще одно в) производимое действие, касаясь того же подножия аналая, на которой невеста, теперь уже новобрачная, постояла, заключается в том, что обозначено в виде *тащит ногою*, иными словами, с собой, за собой, с передвижением, перемещением, с одной стороны, того, что над нею было произведено в момент совершения венчания, а с другой, также и одновременно, и своего теперь нового экзистенциального состояния, заключенного в совершившем себя переходе от того, чтобы быть невестой, к тому, чтобы стать новобрачной, т.е. уже женой.

По своему характеру примета, будучи проективной, акционально-провоцирующая, поскольку производится действие, сигнификативное действие, имеющее свои задачу и цель, достигающее, для разрешения поставленной прогностической цели, как отдаленной цели-следствия из того, что осуществляется действующим лицом как агентом в специально для этого обозначенный и потому соответствующий момент.

Важными для разрешения цели, тем самым, оказываются параметры времени (момент после совершения венчания), действующего агента-лица (новобрачная), характера производимого действия (тащить ногой), предметного средства, используемого для произведения действия (подножие аналая, на котором стояла). Сопровождаясь все это, как следует предполагать, интенциональной, со стороны новобрачной, направленностью*, в представленной совокупности указанная акциональность должна вызывать, провоцировать, то, что желается, составляя цель, отдаленную, поскольку во времени осуществления неопределенно представленную (*скоро*), с одной стороны, а с другой, выходящую за временные пределы, имеющие близкое отношение к производимому действию, а также обряду.

И остается еще один важный вопрос – о характере производимого, но не действия, а воздействия, и не на задуманный результат, а на то, что может и должно его вызвать или создать. То, что было представлено ранее в ряду таких положений, как утяжеляющее добавление (усложнение), рассекающее (разделяющее, разводящее, разрывающее) пересечение, пруступающий выход (вспучивающее выпячивание) на поверхность – в их

* Если бы не было таковой, невеста могла бы подножие за собой не тащить.

воздействующем давлении на массу того разлитого энергетического, воображаемого по своему существу, вещества или поля, которое, где-то имеясь и где-то присутствуя (возможно, везде), способно действовать как само, что обычно и происходит, но может быть также и быть направляемым для разрешения поставленной цели. Направляемым агентом как действующим лицом, соответствующим образом, обладающим знанием и пониманием, что и как надо делать и как поступать. Не направляемое и совершаемое в силу незнания либо случайности то же самое поле будет также действовать, возможно при этом, что не на пользу, а причиняя вред и от этого также предостерегают приметы.

Возвращаясь к производимому новобрачной действию над подножием аналая с ногой, для определения вида воздействия на массу того разлитого вещества, которое, действуя, в своем результате ведет к тому, что девушки всей деревни в недалгом времени выйдут замуж, во всяком случае в этом состоит желание новобрачной, – возвращаясь к этому для определения вида предполагаемого воздействия, необходимо поставить вопрос о том, что, собственно, и каким образом происходит. В отличие от предыдущего положения теперь уже новобрачная, не невеста, не столько мысленно, в припоминании и пожелании, передает, конверсируя, сколько, поскольку *тащит ногою*, инициирует, возбуждает, производит толчок, импульсирует, сообщает, приводит в движение ту самую массу энергетизма, которая, соответствующим образом действуя, вызовет по подобию новобрачной достигнутого состояния такое же состояния для всех остальных. Представление о производимом при этом толчке, побуждающем шевелении разлитых, но не направленных сил посредством действия производимого ногой над подножием аналая, видимо, более точно будет передавать смысл того, о чем речь, что можно было бы определять как толкание, или подталкивание, пропульсацию.

На особенности позиционного времени, связываемого с обходом вокруг аналая, с их отмеченностью в отношении будущего, но для невесты, указывает хотя бы такая примета:

Чтобы жениться в этом году, следует прикоснуться к платью невесты, когда она обходит вокруг аналая.

Интересно, что для того, чтобы жениться, не выйти замуж. Проективное действие стимулирующего характера (стимулятивная инструментализация платья невесты), предполагающее вследствие передачи, конверсии, состояния венчающейся в предназначенный для того момент, распространяет себя во времени на один год. Можно было это заметить и на примере других примет, со стороны опять же мужского, в том числе также с платьем невесты: если жених сядет на полу ее одежды, наступит ей

на ногу. С ее позиции, в свою очередь, при загадывании замужества для подруги или девушек всей деревни, говорилось о скором времени, о том, что это непременно произойдет, однако период времени не оговаривался. Из чего получалось бы важное для понимания и представления устройства мира примет асимметричное соотношение мужского и женского, как с точки зрения вещно-предметного, так и пространственно-временного соположения. Однако, отметив это различие, мы не будем его развивать, ибо это требует отдельного и углубленного рассмотрения под этим углом всего материала.

Прикосновение к платью невесты во время обхода ею аналя, предполагая использование его для себя (платья невесты), в своих целях на будущее, для осуществления отдаленной цели-следствия (дифференциация вероятных целей также составляет отдельный вопрос, предполагающий обстоятельное и всестороннее рассмотрение), подобного рода прикосновение следует объяснять не с позиции производимого действия, хотя без него достижения бы не получалось, но, поскольку это не столько действие, направленное и имеющее определенную цель, сколько производимый при посредстве его контакт, сближение, приобщение к наделяемому соответствующим свойством предмету, то примету в этой связи квалифицировать следует, скорее, в предметном, а не акциональном ключе, т.е. как предметно-провоцирующую. Подобную той, которая через аппликативный, правда, посредством накладывания на себя, а не тактильный, через прикосновение, контакт предполагала проекцией чистоту головок рождающихся детей, для достижения чего невеста должна держать серебряную монету или серебряную вещь под левой грудью. Значимым в этом последнем случае было также и то, что под левой грудью, а не просто любым, пусть и накладываемым, аппликативным, к себе приближением контактиозного свойства в обоих случаях. Аппликативным было и ношение невестой на голой груди (не под левой грудью, как в предыдущем случае) пеленки новорожденного для защиты от порчи и сглаза. Все эти различия, представляющиеся как существенные в отношении предметного мира примет, опять же должны быть рассматриваемы отдельно и с привлечением всего материала. Для разбираемого здесь вопроса важным было бы положение, связываемое с моментом обряда (обход вокруг аналя), используемый инсертивный предмет (платье невесты), отношение к мужскому (жениться), ограничение отмеченным временем (в этом году) и то, что, через предметную провоцируемость, связанную со всеми этими обстоятельствами, предполагается к достижению определенная отдаленная цель, как следствие производимого – жениться в этом году для мужчины.

Момент завершения венчания в его знаковом отношении

Две последних приметы, относимых к венчанию, касаются времени его завершения. Венчание состоялось, далее следуют выход из церкви и возвращение новобрачных, и не только новобрачных, домой. Период этот отмечается вероятной опасностью, которой в первом случае не избежать, в свою очередь, во втором возможны действия предупредительно-избегающего характера:

Если по выходе из церкви новобрачных зазвонят по покойнику, как бы им вслед, – быть несчастью.

После венчания надо ехать из церкви не той дорогой, которой ехали в церковь, а другой.

Симилиативный характер первого случая достаточно очевиден. Звон по покойнику, отмечающий смерть, смерть переносит, передает и на новобрачных. Передает и переносит не смерть, поскольку то, что *быть несчастью*, прямо этого, не исключая, однако не означает. Передает и переносит то самое поле, о котором неоднократно перед тем говорилось, ту энергетику, массу разлитого вещества, заряженного произошедшим обрывом, провалом, прорывом в живое мертвого, поля, нарушенного в витально-жизненной и животной целостности, которая предполагает благополучное положение и состояние в отношении живущих, в широком смысле и понимании, не только для людей и животных, но и в отношении земного существования как такового. По этой причине характер несчастья не определяется, а само несчастье как таковое следует понимать широко, поскольку его вид и значение, не исключительно для новобрачных, но с затрагиванием также и их, будут зависеть от проецирующих обстоятельств.

Важным в указанном предсказании будет и то, что (помимо того, что по выходе новобрачных из церкви, имеющем отношение ко времени) *зазвонят (по покойнику)*, равно как и то, что *как бы им вслед*. Из чего получается, что, если покойник имеется в данном месте и в данный момент, но по нему не звонят, а если даже звонят, но не *как бы им вслед* (подобное положение, видимо, следует интуитивно представить, как то, что и как присутствующими было воспринято), то несчастьем не быть. Впрочем, не будем входить в рассуждения того, чего нет, обратившись к понятию и представлению 'звона' и 'вслед'.

С точки зрения все той же полевой энергетики, звон толкает, распространяет, передает то, по чему и кому он и, как получается, не исключительно информативно, но и пронизывающе и заряжающе, заряжая округу собой, точнее тем, что в себе он несет. И тогда, заряжая, передавая, неся, если *как бы им вслед*, то и делается им это в направленности на них.

Можно представить все это ситуативно и несколько по-другому. Скажем, новобрачные выходят из церкви, еще не спустились вниз и стоят у врат, а тут раздается звон по покойнику. Представления о том, что *как бы им вслед* из этого не получается, поскольку за ними вход в церковь, и к тому же открытый, не замкнутый. Следует ли ожидать несчастья и в этом случае? Думается, что, исходя из значения, все же нет, внутреннее пространство церковного от этого ограждает. Предполагать же, что после венчания зазвонят по покойнику в той же церкви, было бы невероятным.

Исходя из сказанного, можно ли понимать тот воздействующий характер, который, связываясь со звоном (по покойнику), следовало бы интерпретировать как перед этим определенный толчок, толкание, пропульсацию? Думается, что нет. Прежде всего потому, что не вызывается он направленно производимым на достижение поставленной цели агентом. То, что звонят по покойнику, с точки зрения подобного рода события, совпадение, т.е. случайность, никто намеренно не звонит по покойнику вслед новобрачным с тем, чтобы вызвать несчастье. И тогда это было бы то, что имело ранее место в отношении воза, нагруженного дровами, встреченного женихом и невестой на пути их к венцу, т.е. инвентивное положение, или инвенция. Так получилось, подобное положение встретилось, данное обстоятельство произошло, ситуативно совпав с повернувшимися субъектами, ставшими, но только по внешнему проявлению, адресатами того, что содержится в происходящем не только и даже не столько как знак, но как несомое и передаваемое им в его содержании.

И тогда, если производимый по покойнику звон не толкание и не толчок к проецированию, то, что это? Если задуматься, то о проецировании говорить не приходится, поскольку нет того, кто желаемое проецирует, а прогнозирование, заключенное в сообщаемом звоном несчастье, следует понимать, относя его к тем, кому оно адресовано, с точки зрения их восприятия того, что ждет их несчастье, в данный момент. Само же несчастье как таковое уже состоялось, не проявило только себя еще во времени для не заинтересованных в нем, в *их*, получается, времени, которое для них существует в их представлении как будущее. Несчастье состоялось также в том смысле, что звон по покойнику не столько оповещает о нем, сколько является его выходом, проступанием, объявлением на поверхность. Тем самым, также как и с возом, нагруженным дровами, встретившимся на пути, можно говорить о том типе воздействия, который определял себя как вспучивающее выпячивание, проступание энергетической вещественной массы, а потому и воздействия не на нее со стороны человека как заинтересованного лица, но ее самоё, назревшей, набухшей, вышедшей – в нарушении своей ровно-уравновешенной гладкости, которое обо-

рачивается для человека несчастьем, и так не только воспринимается, но и переживается им.

Вторая примета этапа после венчания о необходимости перемены дорог не то, чтобы говорит о другом, сколько содержит в себе совершенно иное. Текст ее, собственно, ничего не содержит в отношении чего-либо в будущем. *После венчания надо ехать из церкви не той дорогой, которой ехали в церковь*, и все. Но почему, всем понятно. Действуют в этом случае два обстоятельства, отчасти связанные между собой. Во-первых, во избежание порчи, которую, если кто-либо из недоброжелателей, в том числе и наделенных соответствующей способностью (называемых ведьмами и колдунами), но не только они, не успел ее произвести над теми, кто ехал к венцу (не исключительно женихом и невестой) и теперь, на обратном пути, получил бы такую возможность. И во-вторых, во избежание темно-недоброго следа, оставленного, а также заряженного, проникнутого различного рода энергиями завихренного, взбаламученного, поднятого при движении едущих к венцу. С тем чтобы не оказаться при возвращении той же дорогой после венчания в поле их проявления и действия. К этому стоит добавить, что кто-то, что неизбежно, при продвижении к церкви, на едущих не так посмотрел, что-то себе подумал, завистливо, искоса, а то и недобро взглянул, намеренно или не намеренно, с желанием либо без такового что-то такое представил. И это достаточно, чтобы, усилившись, накопившись, назревши, все оно обернулось на тех же, кто перед этим ехал к венцу, а теперь возвращается.

Предупреждающим объяснением не ехать из церкви после венчания той же дорогой, что ехали в церковь, может быть также и то, что предшествующее венчанию состояние, не будучи равно, а в энергетическом смысле менее значимо и пониженно, состоянию после него, способно влиять, если и не негативно, то нейтрализующе, понижающе, умаляюще, на достигнутое в результате венца.

Какими причинами ни объяснять все то, о чем речь, и даже если причин этих не объяснять, примету следует относить к акционально-предотвращающей разновидности избегающего характера, а вид воздействия на возвращающихся из церкви, без указания на возможное достижение, определять как заряжающее (или заражающее собой) пронизывание, пропитывание (инфузию*), заключающееся в сообщении, адресату-объекту, передаче ему от себя, негативных или непозитивных, нейтрализующих положительное, энергий.

* Лат. *infundo, fūdi, fūsum, ēre* ‘вливать; наливать; подливать’; ‘внушать, влагать, внедрять; вносить’; ‘наносить, причинять’; ‘смачивать, напитывать, пропитывать’; ‘вливаться, проникать’, ‘распространяться’.

Возвращение в дом жениха (молодого) как этап испытания и перехода

После венчания, предполагающего выход из церкви и поездку в обратном теперь направлении, наступает период, связанный с возвращением, но не просто и не как таковым, а, согласно с традицией, в дом жениха, теперь уже мужа, в котором молодоженам обычно и следует жить, что связано с институтом так называемой большой семьи, когда в одном доме женившиеся сыновья живут с родителями и сестрами вместе со своими женами и детьми. Согласно пословицам *Дочь – чужое сокровище. Холь да корми, учи да стереги, да в люди отдай. Сын в дом глядит, дочь из дому. Сын глядит в дом, а дочь глядит вон.* Находит это свое отражение также и в свадебных, и в лирических песнях, в обычаях, правилах, и в обряде. Не случайно приметы периода возвращения, касаясь невесты, теперь уже новобрачной, жены, с одной стороны, обращаются неизбежно вокруг нее (что подтверждает выведенную особенность ее как субстанциональности человеческого экзистенциального, связываемого с его развитием и продолжением, что отмечалось неоднократно), а с другой своей стороны, касаясь ее же, определяют ее положение для нее в новом доме и в новой семье, семье ее мужа, в недавнем времени жениха.

Первая примета по времени для возвращения (на материале источника) относится к ним обоим и вместе с тем выделяет ее, молодую, особенным образом, приписывая ей силу воздействия на совместную и не только совместную, но и ее, в первую очередь, жизнь, которой муж, молодой, при этом не обладает:

По возвращении с венчания в дом жениха молодых осыпают "осыпалом", то есть зерном, чтобы те богато жили; молодая при этом старается ухватить ртом как можно больше зерен, так как, сколько зерен она поймает, столько у нее будет детей (считается, что если при этом она сможет раскусить уловленные таким образом зернышки, то жить будет богато).

Не касаясь вопроса собственно продуцирующей магии, заключенной в производимом с помощью зерен действии, обратим внимание на следующий ряд существенных обстоятельств. Зерном, с одной стороны, осыпают обоих, и при этом *По возвращении с венчания в дом жениха.* Для того осыпают, *чтобы те богато жили.* Проецирующее пожелание богатства (симилятивно-стимулятивной инструментализации) имеет значением и проявлением парность – жить богато должны они оба. Дом жениха в лице своих и не только своих представителей, по возвращении

с венчания, становится местом, локализацией, возможного наделения богатством. В доме этом им предстоит и положено жить, по крайней мере, какое-то неопределенное время, и дом этот может, способен в своих домочадцах их осыпать "*осыпалом*" – приравненным к приобретаемому ими богатству зерном.

В то же время, с другой стороны, при таком осыпании обоих, молодая должна стараться *ухватить ртом как можно больше зерен*, не молодой, поскольку его это далее уже не касается. Производимое ею действие предполагает два допускаемых следствия, для нее без него, молодая при этом всё проецируется как один получающий субъект, который, выступая одновременно агентом, действие для себя, в свою только пользу и в направлении на себя производит. Количество пойманных ею ртом зерен приравнивается к числу у нее детей в последующем, а их же, этих зерен, раскусывание (видимо, тем же числом, поскольку говорится, что *если при этом она сможет раскусить уловленные таким образом зернышки*) означает одновременно все то же богатство. Но не для обоих, а для нее, поскольку *то жить будет богато*, т.е. единственное, а не множественное число. Трудно себе представить в реальности данное разделение при совместном хозяйстве, но в разбираемом случае не об этом речь, а о том, что производимое ею действие, по хватанию ртом и раскусыванию, как проецирующее, может быть только ею произведено и в направлении на себя, для своего проживания, в этом доме, в этой семье и с своим мужем.

Еще одним важным во всем этом обстоятельстве является то, что стимулятивное проецирование с зерном, для нее, как женского продуцирующего начала, затрагивает одновременно, приравнивая, тем самым, в том же продуцирующем отношении, детей, которых у нее будет столько, сколько зерен она поймает, и богатство, распространяя в том смысле, что, *если сможет раскусить, то жить будет богато*. Детей, получается, в виде и с помощью зерен, необходимо ртом в числе их поймать, а богатство надо смочь, суметь, и в том же числе и количестве, изловчиться и раскусить. Поймать, с одной стороны, а раскусить, поймавши, с другой, не вполне одно и то же, второе сначала предполагает первое и требует больших усилий, представляя собой, в обоих случаях, все ту же ранее упомянутую симулятивную стимулирующую инструментализацию.

Не вдаваясь в дальнейшее рассмотрение всего того, что можно было бы вывести на основе данной приметы, отметив характер заложенного в ней воздействия на то, что призвано в будущем желаемое осуществить, как преобразующую передачу (конверсию, перевод), на основе подобия через подобие, необходимо отметить для предполагаемого рассмотрения в последующем, во-первых, то, что центральным звеном в приметах очередного периода остается начало женское, на сей раз проявляемое уже не в невесте, а в молодой. А во-вторых, также то, что это женское долж-

но себя заявить, занять себе надлежащее место, не просто войти в дом мужа, но так войти и вписаться в него, чтобы, не потеряв себя в нем, не поддавшись и не утратившись, обрести возможность (ибо из этого будет данное положение следовать) себя, как указанная ранее субстанциональность экзистенционального продуцирующего в отношении человеческого, в хозяйстве и детях себя для нее проявляющая, в необходимо-достаточной мере реализовать.

Об этом ряд следующих примет:

Если невеста возвращается с венчания, то она не должна допустить других вступить в дом ранее себя.

Если при входе в дом жениха по возвращении от венца молодая посмотрит во все углы, то со всей семьей жить будет ладно.

С таким существенным добавлением: *А если при этом еще произнесет: "Кышьте, овечки, – волчок на вас!" – то будет главенствовать в семье.*

Когда невеста, возвращаясь с венчания, скажет при входе в комнату: "Овца здесь, медведица пришла", – то она всеми будет повелевать.

Проецируются два, а возможно, и три основания (если не четыре). Одно из них (не соблюдая порядка, а давая по нарастанию) касается положения, связанного с желательной необходимостью для нее 'со всей семьей жить ладно', со всей семьей ее мужа, что надо добавить. Другое – видимо, первенствования, что себя уже проявляло в венчании, когда невеста должна была наступить на ногу своему жениху. Об этом, как можно предполагать, первая из приведенных примет, с недопущением *других вступить в дом ранее себя*. Ранее можно воспринимать и как отношение ко времени, не только к пересечению входа в пространство будущей своей экзистенциональности применительно к дому. Быть первым и первенствовать время, так или иначе, предполагает, поскольку пространственно и во времени опережать. Вступить в дом ранее других – завладеть пространством и временем заключенного в доме существования, опередив, обойдя, обогнав в этом всех остальных.

Третье (имея в виду упомянутые основания) – главенствование, связываемое с достижением лада в семье, но не как такового для всех, для себя: *со всей семьей жить будет ладно* говорится о ней, она жить будет ладно, не все они каждый с каждым другим. Для этого надо посмотреть, входя в дом, во все его углы, взглядом освоив все его пространственно составляющие границы. Опустим дальнейшие важные для понимания, в том числе и предметного мира, однако не дома²⁰ как такового, а шире,

позиции и обстоятельства, что уводило бы в сторону, а к поставленному вопросу не приближало. Главенствование, следуя из освоения, ради лада в семье для себя, пространственных данного дома границ, предполагает дальше словесно обозначаемую формулу – "*Кышьте, овечки, – волчок на вас!*". Аналогичная формула появляется и при четвертом из оснований, обозначающем нечто более сильное, чем главенствование, – повелевание всеми. И там уже, при овце, которая *здесь* (не овечках, на которых *Кышьте*), и при входе в комнату, не, как первоначально, в дом, не волчок на вас, а *медведица пришла*. Известная, в первую очередь, из народных сказок градация: медведь, в данном случае медведица, сильнее и старше волка, появляется позже и в завершение, под конец. К этому также в сказке о рыбаке и рыбке, известной у разных народов, с ее мотивом нарастающего по ступеням стремления, завершающегося непреодолимым желанием всем и всеми повелевать.

Знание молодой, тем самым, опирается на традицию и дает ей возможность, входя к молодому в дом и семью, повести себя так, чтобы не только не потеряться в том и другом, но и обрести свободу и волю над остальными. При условии соблюдения ею с самого начала своего появления определенных последовательных шагов, связанных, с одной стороны, с нарастающим переходом, а точнее продвижением, от одного этапа к другому в их завершении, не столько запечатлевающим, сколько утверждающим и запечатывающим, словесной формулой, не исключено, что и первоначально тотемического характера, поскольку речь все же идет не о своем, в отношении мужа, но неизбежно также и о своем родовом, предполагающем ее, для себя, закрепление, а затем продолжение в детях, в этом случае не своего родового. Для исполнения того, что экзистенциально и субстанционально ей предназначено по ее заданию и роли как молодой и жены, должна она решительность, силу и волю свои проявить и в новом доме себя над другими поставить.

К моменту возвращения в дом после венчания относятся также приметы, семантическая направленность которым нашла свое отражение и на предыдущих этапах. Помимо действий, производимых с целью достижения молодыми (обоими и, тем самым, совместно) достаточного житья, выражаемого словами *чтобы жили богато*, появляются также мотивы согласной жизни и избавления от несчастий. Первое и последнее – пожелание богатства и избавление от несчастий можно было бы относить к параметру, охарактеризованному в отношении статочно-экзистенциальной определенности, отмечающей состояние проживания в будущем с точки зрения благополучия либо неблагополучия. Богатая, обеспеченная, достаточная в своих проявлениях жизнь противопоставляется, по традиции, бедности, а отсюда беде и несчастью как обделенностью, отсутствием своей части, лишением.

В представлении о несчастье исходно содержится положение о 'не дано' и только затем о том, что 'отобрано'. Не дано и отобрано в общем и целом жизненном представлении, не только в той материально-хозяйственной составляющей, которая соотносима с богатством. Привычно приписываемая несчастью, равно как и счастью, эмоционально переживаемая сторона наличия либо отсутствия жизненного благополучия как такового в их негативе и позитиве, в этой связи, выступает как следствие. Несчастье, а также *несчастья* во множественном числе (такая форма находит свое отражение в примете) – это то, что преследует, от чего, по возможности, надо уйти, избавиться и чего всеми силами избегать. В народных сказках о доле-недоле и с этим несчастье это находит свое, в том числе и персонафицированное, отображение. Однако не будем эту уводящую сторону и изученную в литературе сторону развивать.

Вторым для примет возвращения в дом молодого, а перед тем жениха, возникает мотив согласия, также уже прозвучавший в венчании. И это имело бы отношение к признаку релятивной диспозитивности, отмечающей положения пары в отношении друг к другу для данного случая. Внешне, как можно заметить, не углубляясь, поскольку это лежит на поверхности, положение с возвращением в дом молодого не добавляет, если иметь в виду целевое направление примет, ничего такого, чего не было ранее, включая к этому также идею лада – первенствования – главенствования – повелевания для невесты, но во время венчания по отношению к жениху, а впоследствии мужу. Парное положение совместного существования лишь переносится на позицию на сей раз в семье. Обратимся, однако, к анализу, с тем чтобы увидеть отличия, если они себя обнаружат, и сделать обобщающий вывод относительно смысла этапа в обряде (возвращения в дом молодого), памятуя одновременно о том, что смысл этапа после венчания, в его обобщении и последовательном ряду соотношения с другими, также выведен не был.

Начнем с пожелания богатства. Не только по той причине, что это более очевидно, а также привычно, но и в силу себя обнаруживающей (опираясь на материал источника) последовательности, связываемой с пересечением границ. Молодые сначала должны войти во двор, а затем уже в дом. Границами этого пересекающего, преодолевающего огороженную пространственность внутреннего, выступают ворота, крыльцо, порог:

По приезде из церкви молодых ведут не через крыльцо, а через ворота, чтобы жили богато.

Когда молодые возвращаются с венчания, то должны, входя в дом, перешагнуть через мех (шубу), чтобы они жили богато.

То, что *молодых ведут не через крыльцо, а через ворота*, может несколько озадачить. Привычно, и это находит также свое отражение у Даля, под *крыльцом* понимается (сошлемся в данном случае на него) «наружный входъ в домъ, лѣстница съ пристроемъ, навѣсомъ, или по себѣ; каменная или дощатая площадка передъ домомъ, со ступенями»*. Иными словами, если ворота предполагают вход во двор, то крыльцо будет связано с домом. Из чего получалось бы, что трудно представить себе ситуацию, при которой можно оказаться перед крыльцом, минуя ворота. Не вдаваясь в возможные разыскания**, поскольку не в поисках подобного рода состояла задача, видимо, следует предположить, опираясь также на исходное представление о *крыле* и *крыльце****, что речь идет о боковом входе во двор, не том широком и главном, что предполагает ворота, а калиточном, возможно также с навесом, а не исключено, и ступенями. Для разбираемого случая важно то, что ведут во двор молодых через широкий, распахнутый вход, определяемый воротами. Возможно, также, что и не во двор, а сразу в дом, что также не исключено и, по-видимому, будет скорее, ибо ворота, наряду с крыльцом, могли быть при доме.

Примета имеет акционально-провоцирующий характер, предполагающий действие по раскрыванию, распахиванию того, что должно быть открыто и широко, а как таковое впускать, пропуская через себя, связываемое с богатством семейное, в отношении пары молодоженов, благополучие. Проецирующее провоцирование, имея симилятивно-стимулятивный смысл, с точки зрения воздействия на природу того, что способно обеспечить богатством, представляет собой вид вызывания (эксцитации), который ранее уже был отмечен в его поддерживающем продвижении, возбуждении к этому, для достижения желаемого как *аффирматив промотива*. Одновременно с этим, по виду производимого действия для предполагаемого достижения со стороны соучастников – самих молодых и тех, кто их через ворота проводит, тем, что ранее было названо комбинаторной имитацией. Той разновидностью акционального проецирования, которая ранее нашла свое отражение в примете с закладыванием пальцев невестой во время сговора (для откладывания по годам рождения детей) и ею же вскакиванием одним прыжком в телегу,

* В.И. Даль: *Толковый словарь живого великорусского языка. В четырех томах*, Москва: Русский язык, 2000, т. 2, с. 205.

** *Словарь русских народных говоров* (Гл. ред. Ф.П. Филин) в отношении крыльца также не дает материала, который мог бы объяснить разбираемое положение. (См.: Вып. 15 (Кортусы – Кудельюшки), ред. Ф.П. Сороколетов, сост. Н.И. Андреева-Васина, А.Ф. Марецкая, И.А. Попов, Н.В. Попова. Ленинград: Наука, 1979, с. 346).

*** Ср.: «*крило църквнѡе – боковая часть храма*» (*Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*). Гл. ред. Р.И. Аванесов, т. IV (изживати – молениѡ), Москва: Русский язык, 1991, с. 297.

которая повезет к венцу, для того, чтобы в будущем были легкие роды. Предметы, которые при такой имитации фигурируют (скамья под невестой, стол перед ней при сговоре, телега, куда она вскакивает, ворота, как в разбираемом случае), не используются как средства для достижения цели, т.е. это не инсертивы, они выступают, скорее, как сопровождающие ситуативно-объектные обстоятельства – места и способа действия в понятиях грамматики.

В отличие от того, что себя наблюдает в примете с мехом (шубой), через который следует молодым, входя в дом, перешагнуть. Перешагивание через такой заряженный, инсертивный, предмет предполагает, имея одновременно целью, сообщение, передачу соответствующих свойств, надевание ими. Свойствами, которыми обладает данный предмет, которые ему традиционным сознанием приписываются. Важно при этом не только действие – перешагивание, совершаемое, что также имеет значение, субъектами как адресатами получаемых свойств, молодыми, важно время – возвращение после венчания, и важно место, отмеченное также и как момент – при входе в дом.

Примета будет иметь в связи с этим предметно-провоцирующий характер, предмет (мех, шуба) выступает как средство осуществления поставленной цели, а вид проецирования предполагать симулятивно-стимулятивную инструментализацию. Воздействующий характер можно описывать как встречавшееся уже ранее пронизывающее пропитывание (инфузию), заключающееся, в отличие от приметы, предполагавшей предупреждающее избегание возвращаться из церкви после венчания той же дорогой, что ехали в церковь, в сообщении адресату-субъекту, передаче ему от себя, не негативных, а позитивных энергий, усиливающих, индуцирующих то положительное, что будет способствовать достижению молодыми богатства.

Предметный, но не провоцирующий, а предотвращающий, или, возможно, также снимающий, освобождающий, характер будет иметь примета, аналогично предшествующей с мехом (шубой) связанная с перешагиванием, в данном случае переступанием через порог. Не исключено, что при вхождении в дом мех, через который надо перешагнуть, не обязательно должен лежать на пороге, в то время как в далее разбираемом случае порог непосредственно обозначен:

Если жених с невестой, возвращаясь из церкви, переступят через порог, на котором лежит топор, то они избавятся от несчастий.

Небезразличный на первый взгляд вопрос относительно избавления от несчастий – предполагается ли это на будущее или в данный момент, избавятся они от несчастий сейчас, потому что те уже с ними, молодые не-

сут в себе этот груз, или следует ожидать, что несчастья в последующем их обойдут и минуют, – вопрос этот, в общем-то, не существен, примета может касаться того и другого и переступание молодоженов через порог снимает несчастья как таковые, как на этот момент, так и в будущем.

Вместе с тем в связи с этим представляется небезразличным обратить внимание на два, отраженных в словах, обстоятельства. Говорится о том, что *они избавятся от несчастий*, и фигурируют, называясь, не новобрачные, не молодые, не молодожены либо как-то еще, а *жених с невестой*. Если не воспринимать это как случайность и, видимо, можно так это воспринимать, то положение *они избавятся от несчастий*, равно как и обозначение их как *жених с невестой*, предполагало бы а) своего рода освобождающее от несчастий их очищение, как таковое, а также на данный момент, и б) неизменение в этой связи обретенного после венчания статуса новобрачных, молодоженов и молодых до прохождения освобождающего от несчастий очищения. Несчастья должны оставаться там и тогда, где и когда они были пока еще женихом и невестой, за порогом, через который им следует переступить. Порог, тем самым, для них означает границу между прежним и новым для них состоянием, за порогом должны оставаться несчастья при 'женихе и невесте', а не теперь уже молодых.

Переступание через порог, отмечая пересечение границы внутреннего пространства дома и нового их, проживающего и хозяйственного экзистенциального состояния, для освобождения от несчастий делает необходимым использование топора. Топор лежит на пороге, через который им следует переступить. Действие его, лежащего на пороге, можно представить, переводя в язык человеческих представлений, как устрашение, отпугивание, несчастья не переходят вместе с перешагнувшими через порог, потому что топор отгоняет их, не давая войти. С учетом персонифицирующего подхода к несчастьям, а с ними также, что вполне вероятно и исходя из традиционных знаний, вовсе не исключено, к духам – носителям недобра, понимая их обобщенно, и как духов родового несвоего, и как духов потустороннего, и как носителей сглаза и порчи, в виде духов ли либо чего-то еще предстающих.

И тогда избавление от несчастий, о которых в примете речь, в отгоняющем топоре на пороге, с точки зрения воздействия, будет касаться не той энергетики, о которой ранее говорилось как о самодвижущейся и самосущностной силе экзистенциального проявления, отражаемого также и в человеке и также действующего на него, а того, тех, скажем так, используя ту же физическую и не вполне укрытую метафорику, энергетических негативных примесей, которые, подключаясь, действуя и соучаствуя в действии основного потока, создают в нем завихрения, нарушения, искажения, неравновесности, утяжеления и т.п., объявляемые

для человека в виде переживаемых им неблагополучий, нелада, неустroений, неурядиц, несчастий, утрат, потерь и т.п.

Воздействие это, с позиции топора, лежащего на пороге, не заключалось бы в том, чтобы, как было ранее сказано, но в другой связи, отогнать, а отогнавши и напугавши, освободить, поток от возможных в нем и к нему себя подключивших утяжеляющих негативных примесей. Воздействие топора в этом случае можно представить (пользуясь той же физической метафорикой) как действие трансформатора, преобразующего, изменяющего заряженный негативно поток, если точнее, то содержащий в себе в том числе и негативный заряд, в поток такового заряда после порога при молодоженах избавленный. Такое воздействие, имея в виду направленность на движение экзистенциональных энергий, можно было бы определить как трансформирующее преобразование, предполагающее не столько изменение формы потока, сколько его характера и вида насыщенности, подобное (оставаясь в метафорическом способе представления) очищению воды. Поступая куда-то и проходя через что-то, вода, очищаясь, используется для мытья и питья, пронизывая, пропитывая собой человека, омывая его и, входя в него, становясь его частью. Нечто подобное проявляет себя и здесь, а метафорический способ дает возможность себе это как-то представить и соответствующим образом объяснить.

Поскольку речь идет о несчастьях, от которых надо избавить молодоженов после их возвращения из церкви и, тем самым, венчания, примета будет касаться, как уже отмечалось ранее, параметра статально-экзистенциональной определенности, отмечающей состояние проживания в будущем с точки зрения благополучия либо неблагополучия.

Очередная примета, еще одна и последняя для возвращения после венчания в дом жениха и теперь уже мужа, будет касаться параметра релятивной диспозитивности, отмечающей положение пары в отношении друг к другу, себя отмечавшего также и ранее, при венчании, когда жених и невеста, брачующиеся, должны были *взглянуть друг на друга, чтобы жизнь была согласная и счастливая*. Помимо согласия, связываемого со счастьем, счастье можно понимать и в более широком для него отношении, как благополучную, не отмеченную несчастьями и невзгодами жизнь (не вдаваясь в подробности определения счастья). Из чего получалось бы, что направленный во время венчания друг на друга взгляд жениха и невесты устанавливает не только согласие между ними, но и обеспечивает соответствующим воздействием на возникающий и тем самым связывающий их друг с другом поток положительным образом. Не будем, однако, к примете венчания обращаться, поскольку не этот период выступает предметом производимого рассмотрения. Для возвращения после венчания можно сказать, что используется действие не установления (с помощью взгляда) стыкующего и связывающего контакта жениха и не-

весты, а его замыкание, производимое к тому же не ими самими и между собой, а над ними, точнее под ними:

Суеверные старухи кладут под порог замки в то время, когда жених с невестой возвращаются из церкви; и когда те перешагнут через незапертый замок, то тотчас его поднимают и замыкают, а ключ бросают в реку или колодец, чтобы жили муж с женою согласно.

Снова порог на пути возвращения из церкви, и опять жениха с невестой, не молодых, а также связываемое с тем и другим перешагивание. Обращаясь к контексту, который можно двояко понять, внимание привлекает использование формы множественного, а затем единственного числа – *старухи кладут под порог замки*, а *когда те перешагнут через незапертый замок, то тотчас его поднимают и замыкают*.

Кладут под порог замки – либо в том смысле, что это обычно, как правило, делают, всякий раз и по отношению к разным венчавшимся. Описывается, представляется повторяющаяся неоднократно ситуация, как общепринятое и производимое при соответствующем случае и обстоятельствах. И тогда от этого форма множественного числа у *замки*. Либо (не исключено, что по незнанию реально производимого действия, но представим как допустимость), либо старухи кладут под порог не один замок, два, три, несколько, не суть важно, каким числом, хотя число их может иметь значение. Кладут под порог не один замок, а поднимают и замыкают тот, через который жених с невестой перешагнули. Остальные тогда замки оказываются не то, чтобы лишними, а не использованными и потому не задействованными.

Важным оказывается и то, что агентами производимого в пользу субъектов действия выступают *старухи* (опуская окрашенное определение *суеверные* как несущественное), и то, что *кладут под порог* (о пороге как о защитной границе дома и обиталище духа предка написано много и мы об этом лишь упомянем), и то, что *кладут замки в то время, когда жених с невестой возвращаются из церкви* (важно и то, что замки, и то время, когда возвращаются, и то, что еще жених с невестой, перед порогом и до него). Важно и то, что *перешагнут через незапертый (замок)*, и что *тотчас его поднимают и замыкают*, и что *ключ (от него) бросают в реку или колодец*, что также существенно, в реку или колодец, в воду, к воде. Все для того, *чтобы жили муж с женою согласно*. С точки зрения не только словесной, но и заложенных внутренне представлений – *перешагнут жених с невестой, как жених и невеста, а чтобы жили согласно, согласно жить будут муж с женою*.

Интересно, не только с точки зрения традиционного положения и восприятия мужского и женского и отношения мужского к женскому (не на-

оборот), но и в разбираемом контексте – *жених с невестой* перешагнут, не жених и невеста или как-то еще, и, так же, чтобы *муж с женою* жили согласно, не муж и жена, не жена с мужем, а муж с женою. Не случайным в том же самом контексте видится и использование замка и ключа, с их общеизвестной не только мифологической и традиционной символикой, ведущего, открывающего и закрывающего, отношения мужского в ключе к его, а не просто женскому, в его же замке. Только один и именно этот ключ подходит к ему положенному замку, никакой другой.

Из чего получалось бы, что речь идет о согласии, понимаемом в аспекте ключа и замка, т.е. о том согласии, которое выступает согласием, согласным и согласованным отношением мужа к жене, которая замкнута для других, а *ключ потерян* (говоря по пословице, правда, в другой связи – *Ума палата, а ключ потерян*). Зброшен, а не потерян, в воду, реку, колодец, мифологически к мертвому своего, мертвому мужнина рода. И отсюда *старухи* – хранительницы своего родового и близкие к мертвому, женское родовое опытное, старшее, знающее, ограждающее и замыкающее, бросающее с собой также в воду и ключ.

Возникающий во всей этой связи вопрос о возможном характере производимого в результате воздействия (и при этом на что?) предполагает при его рассмотрении принять во внимание последовательность осуществляемых действий. Действий, которые, развиваясь, происходя, отражают цепочку, звенья которой взаимосвязаны и порождают, толкают одно другое. Указанная последовательность выглядит следующим образом. Опуская исходное позиционное действие, без которого все остальное не имело бы смысла и не было бы произведено, или действие подключения, то, что *жених с невестой возвращаются из церкви*, говорится *в то время – старухи кладут под порог замки*. Тут важно то, что *кладут*. И это было бы первым (1). Далее наступает следующее, с ним связанное, – *когда те перешагнут через незапертый замок*. То, что *перешагнут* будет второе (2). Третьим будет – *тотчас его поднимают и замыкают*. Важно, что *замыкают*, подняв (3). И, наконец, последнее и четвертое – *ключ бросают в реку или колодец* (4).

Старухи, тем самым, *кладут, поднимают и замыкают, бросают*. Три осуществляемых ими акта-действия. Жених с невестой – *перешагнут*. Действие-акт одно.

Важно во всем этом установить, что, собственно, происходит в той вызываемой, создаваемой совокупностью обозначенных действий, для достижения отдаленной по времени цели-следствия, сводимой к согласию мужа с женой, исходящего от мужа к жене согласия, которое заключено, замкнуто, заперто в ней, для того, чтобы исходило на нее от него согласие. Ибо об этом во всем этом речь.

Неважным при определении вида воздействия видится то, что старухи замки под порог кладут. Это будет иметь отношение к инсертивной замков предметности. Замки выступают, точнее один замок, через который жених с невестой перешагнут, как то, что будет испытывать на себе исходящее от них, жениха как ведущего, в первую очередь, но не самого по себе, а с невестой рядом, то, что следует далее в этот замок запереть. Какой-то, скажем, флюид, формирующий его в отношении невесты, затем жены, возможное согласие либо несогласие, без дальнейшего уточнения, что это, в разбираемом случае не существенного. Флюид этот далее замкнут на ключ, позиционного отношения мужского к женскому в запираемом замке, и ключ этот брошен в воду.

Для того, о чем речь, имея в виду воздействие, определяющим видится замыкание, закрывание, укрывание исходящего от жениха флюида. Жених выступает одновременно носителем и проводником энергетического движения, которое для достижения согласия замыкают. Той части движения через него и в нем (поскольку не во всей полноте движения), которая, не будучи замкнута в женском своем, обернется с его стороны несогласием, направленным на свое же женское, но по причине его незамкнутости.

Не вдаваясь в детали, которые можно и далее уточнять, вид воздействия, о котором шла речь и к которому все здесь сказанное сводилось, можно определить как абсорбирующее замыкание. Абсорбирующее, поскольку вбирающее в себя (в замок при перешагивании через него). Замыкание – по тому действию, которое старухами далее произведено. То, что ключ они при этом бросают в воду, реку или колодец, не замыкание делает неотвратимым, но делает невозможным впоследствии открывание, того, что замкнуто, а это было бы по своему характеру уже иное воздействие на закрытый замком флюид.

Свадебный поезд в отношении приметной семантики

Связующим звеном между домом и церковью в ту и в обратную сторону выступает поездка, совершаемая в сопровождении так называемых свадебников, составляющих свадебный поезд. С ним также связываются приметы, касающиеся, как правило, всех участников. Группируются эти приметы, в первую очередь, в предотвращающем (порчу, сглаз, возможный другой вред) отношении и с этим предостерегающим, по иной какой-то причине, не всегда объявляемой; в отношении ожидаемого благополучия, удачи, богатства либо наоборот; с точки зрения согласия молодых в их совместной жизни.

К первой группе из названных относить можно следующие:

Вороных лошадей (сплошной черной масти) для жениха и невесты не берут – плохая примета.

В свадебном поезде не должно быть лошади, на которой когда-либо отвозили мертвеца.

Чтобы предупредить порчу свадьбы от колдуна, который весь свадебный поезд в волков или свиней оборотить может, все гости и поезжане опоясываются поверх рубахи вязаным, а не плетеным пояском, в котором тьма узелков, – колдун ничего не сможет сделать, не развязав всех узелков или не сняв с человека такой поясок; рассказывают, что такие оборотни, то есть животные, бывшие когда-то свадебниками, иногда попадают охотникам; если такого зверя убить, то под его шкурой обнаружится красная рубаха, но только без опояски.

Свадебный поезд не должен избирать таких путей, при которых расположены кладбища, если же иначе нельзя проехать, то поезд проходит мимо кладбища не дорогой, а стороной, будь там хоть болото или другое неудобное место.

Свадебный поезд должен двигаться со всей возможной быстротой, чтобы к свадебникам не успела пристать никакая порча.

Первые две, как можно заметить, близко связанные по своему значению, касаются предусмотрительного подхода к выбору лошадей. Причина при этом прямо не объясняется, представляясь в первом случае обобщенно, как *плохая примета*. Несложно, однако, представить, что черный цвет лошадей будет связываться с печалью, черным цветом бросая тень на все последующее, а заряженность смертью лошади, на которой отвозили мертвеца, будет передаваться участникам поезда, главным образом и в первую очередь, молодым.

Предостережение в отношении лошадей, при котором лошади выступают теми посредниками, которые отправляют, везут, жениха и невесту, а затем молодых, к ожидающей их перемене экзистенционального состояния, значимо в том отношении, что это движение, переезд, переправа могут легко обернуться к движению на тот свет, на ту сторону при неправильно выбранных проводниках. Путь туда и обратно, к венчанию и возвращению после него, является, с одной стороны, путем перехода, а с другой, выступает также как заряженный и следовый путь, отмеченный в своем продвижении тем, что следует избежать.

Относя две первых приметы к группе предметно-предотвращающих в ее избегающей разновидности, необходимо иметь в виду, что те приметы, которые используются и выступают, но не как средства достижения проектируемой цели, а как средства осуществления позиционного продви-

жения (поездка к церкви и в обратную сторону), при неправильном выборе могут стать инсертивами не желаемых нарушений как следствий, с одной стороны, а с другой, их предметность, будучи инструментальной и вместе с тем в знаковом отношении значимой, обуславливается тем, что это не вещная, а животная инструментальность. Необходимо иметь в виду, что лошади в данном случае не выступают для восприятия и использования как живые и одушевленные существа, это предметы-средства. Их надо правильно выбрать, как, скажем, правильно выбрать воз, на котором ехать, в противном случае это может чем-то дурным обернуться. Речь, тем самым, идет о подготовке к поездке и ни о чем другом.

Поскольку и та и другая примета, предостерегая, ни о чем ожидаемом в будущем не говорит, перед нами не проецирование, предполагающее задаваемую цель, достигаемую в своих разновидностях через индукцию, отведение (аверсию) либо откладывание, и предупреждение слишком общего, не обозначенного характера, чтобы можно было их относить к тем типам, которые ранее были выведены в отношении эмотивной направленности, статально-экзистенциальной определенности, релятивной диспозитивности или витально-физической предрасположенности. Отнесение же ко второму или четвертому как наиболее общим и вероятным было бы все же натяжкой. Не потому, что это не предполагается или не может быть, а потому что примета об этом не говорит, ни то, ни другое как таковое в ней не заложено.

В связи с чем возникает вопрос, точнее два вопроса, типологического характера. Если не проецирование, то тогда что и что можно поставить в общий ряд к проецированию? и если не одна из четырех перечисленных разновидностей, то какая и стоит ли о ней, о какой-то, в каком-либо типизирующем отношении говорить?

Задумаемся в этой связи, что означает понятие 'плохая примета', без усилий и напряжения приходящее в голову? Не в том отношении, что за этим ничего не стоит, напротив, слишком много стоит, а в том отношении, которое будет иметь типизирующий смысл в том ключе, который для этого был нами выбран.

Имеются тексты примет (отвлечемся от таких представлений, как 'поверие' или 'примета', обратив внимание на вербальную сторону выражения смысла), в которых то, что предполагается, если сделать либо не сделать что-либо, а также встретить, увидеть и пр., называется. И есть такие тексты примет, в которых это не называется. Не вдаваясь в дальнейшие уточнения, требующие углубления и учета различных сторон*, обратимся к двум, с лошадьми, приведенным.

* Существующих в литературе классификаций примет в данном месте не будем касаться, оставаясь в концепции, нами принятой, и рассуждая в ее границах.

Говоря о неправильном выборе и предполагая, как следствие, правильный, предполагается к достижению то, что ничего дурного в данной связи и по данному поводу не произойдет. То есть если взять для жениха и невесты не вороных лошадей, а другой вероятной масти, и в свадебный поезд не впрячь той лошади, на которой когда-либо отвозили мертвеца (что надо знать, а потому и проверить), то тогда что? А тогда – ничего. Ничего ни в отрицательном, ни в положительном смысле. Злого не жди, но нет повода в данном случае и ожидать, применительно к лошадям, чего-то хорошего. Из чего будет следовать, что подобную разновидность в типологическом отношении, ставя ее в один ряд к проецированию, можно определить как нейтрализацию. Возможное зло, негатив можно, нейтрализовав, избежать, предотвратить не желаемое. Будь то в будущем, а потому отдаленно, будь то на самом продвижении или в пути, не существенно. Избежать и нейтрализовать это можно и необходимо не производимыми действиями предотвращающего характера, а правильной организацией, устройством и подготовкой.

Остается второй вопрос. Если нейтрализация не касается ничего определенно конкретного в сфере эмоций, существования, человеческих отношений, здоровья и жизни, равно как и самих этих сфер в их отдельности, а тем самым, и совокупности, то тогда чего она будет касаться? Ответ, исходя из текста примет, может быть один – ничего. Ничего из этого она не будет касаться, но не потому, что может касаться чего угодно, может касаться, но не об этом в примете речь, а типологию следует выводить, исходя из приметы, того, что в ней выражено, словами передано и, следовательно, отображено, поскольку отображенное в ней составляет часть, элемент ее предметного мира. Не касаясь, как было сказано, ничего, примета содержит смысл, который можно было бы определить как создание благоприятного поля и фона для продвижения к венчанию и от него, если бы не то обстоятельство, что речь в примете идет, но не об устранении, потому как нечего было бы устранять, а о несоздании неблагоприятного поля и фона, избегании для формирования и проявления его.

Данный признак можно бы было выстраивать, а точнее надстраивать, над теми параметрами, которые ранее себя в четырех типизирующих позициях проявили. Тем самым, ничто не мешает предположить, а материал примет дает возможность для подобного заключения, что имеются, по крайней мере, два соотносимых, сопологаемых, инфлюентных по своему проявлению и направленности, типа примет – имеющих смыслом формирование благоприятного поля воздействия (на субъектов, равно как и в отношении чего-либо), и, в противоположение им, таких, которые содержат мысль о не формировании неблагоприятного поля, позволяют его не создать. Приведенные две приметы с предостерегающим выбором

лошадей для поезда относились бы ко второму типу, эвита́тив-формативного малефикатива.

Характер воздействия на это не создаваемое, избегаемое в создании поле, можно было бы определить, с учетом означенной нейтрализации, как невнесение, не подключение негатива, связанного с лошадьми и за ними с неизбежностью тянущегося. Действие (в данном случае недействие), которое можно сравнить с невхождением куда-либо в грязной обуви, с невнесением грязи, но не потому, что такую обувь необходимо снимать, а потому, что исходно не надевать.

Следующая примета, связываемая с избеганием, в данном случае порчи, исходящей от колдуна, предполагает не правильность производимого выбора, как с лошадьми, а использование, также, впрочем, первоначально правильно избираемого, предмета – вязаного, а не плетеного пояска, в котором *тьма узелков*, опоясываемого каждым из поезжан и гостей, т.е. свадебников, поверх рубахи.

С точки зрения производимого действия, производимого над собой (примета имеет предметно-, а не акционально-предотвращающий смысл, поскольку защитный признак приписывается предмету, не действию), опоясывание себя пояском становится в ряд, подобный прихватыванию с собой змеиной чешуи для защиты от порчи женихом и невестой, головки лука или чеснока, помещаемой в кармане невесты, серебряной монеты, льняного семени для богатства, пеленки новорожденного, прикладываемой к груди и т.п. С тем отличием (опуская несходство возможных значений в ряду), что, если все эти прикладывания, вкладывания и прихватывания с собой имели скрытый характер, не видимый для других, то опоясывание пояском, да к тому же поверх красной рубахи, будет явным, видимым и очевидным. Определить все эти формы защиты от порчи либо индуцирующего по своему характеру проецирования (богатства и благополучия) можно как аппликативные. Используемый предмет прикладывается к тому, кто его использует, накладывается или вкладывается и далее носится с собой или на себе составляя, тем самым, его интегральную часть. Предмет этот, будь то исходно заряженный, инсертивный (как змеиная чешуя, пеленка новорожденного, серебряная монета, льняное семя), либо препятствующий, импедитивный*, как в разбираемом случае, становится средством прямо объявленной к достижению ближайшей цели – *предупредить порчу свадьбы от колдуна*.

Смысл такого производимого действия, в чем бы ни заключался, состоит в создании с помощью используемого предмета защищающей

* Лат. *impedio, īvi* (ii), *ītum, īre* [pes] ‘спутывать, впутывать, запутывать: i. se in plagas запутаться в сетях (попасться в сети); i. causam ‘запутать дело’; ‘мешать, препятствовать’; ‘делать непроходимым, преграждать, загораживать’ ‘препятствовать кому-л. в чём-л.’ (удерживать кого-л. отчего-либо).

оболочки, в отношении воздействующего характера на проникающее негативное поле со стороны колдуна это выглядело бы как облекание (и н к о р п о р а ц и я *). Согласно примете *колдун ничего не сможет сделать, не развязав всех узелков или не сняв с человека такой пояс*. Но делает он это, если сможет и станет делать, что, скорее всего, невозможно, а поэтому имеет чисто условный и ирреальный характер, не для того, чтобы навести, в результате развязывания и снятия, свою порчу, а для того, чтобы получить возможность ее навести. Тем самым, не в наведении порчи состоят его предполагаемо воображаемые действия, а в снятии с человека защиты для проникновения, входа в него.

Производимая порча, определяясь в своем точном значении в виде обращения свадебников в волков или свиней, касалась бы той составляющей человека, которая предполагает лишение его человеческого вида и образа, не существа. Отнести это можно было бы к группе витально-физической, но не в значении предрасположенности в отношении нездоровья либо здоровья и жизни-смерти, а в значении изменения, преобразования, трансформации, метаморфозы в животную форму, называемую в традиции оборачиванием и оборотничеством. Волки и свиньи, являющиеся, по сути, людьми, люди в виде волков и свиней, или оборотни, в данном случае не по собственной воле, представляют собой достигнутый агентом-производителем (колдуном) результат им намеренной цели, ближайшей цели-следствия из произведенного действия акционально-преобразующего характера как искажающего (деформатива). Для самих же из этого получившихся оборотней определять это следует, в силу их нового витально-физического состояния, как статальное осуществление приобретения.

О том, что такой не по своей воле оборотень человек, будучи зверем только по виду, сообщается в той же примете как пояснение произведенного колдуном результата в том, что рассказывают о бывших свадебниках, которые *иногда попадают охотникам; если такого зверя убить, то под его шкурой обнаружится красная рубаха, но только без опояски*. Известный по сказкам мотив о принце, обращенном ведьмой в медведя, сюда же сюжет с красавицей и чудовищем. Для разбираемого случая важны, с точки зрения предметностей, два обстоятельства – то, что под шкурой обнаружится *красная рубаха* (не имеющая защитного смысла, смысл у нее, как у красной, продуцирующий), и то, что, без защитной на этот раз, опояски.

Две последних приметы из приведенных, содержащие представление о необходимости правильно выбранного пути при возвращении, затраги-

* Лат. *incorporo, āvi, ātum, āre* ‘включать, вставлять, вводить’; ‘облекать плотью, воплощать’.

вают то, о чем уже ранее говорилось. С одной стороны, необходимо ехать так, чтобы не мимо кладбища (идея соприкосновения с мертвым и нежелательного, мертвящего, их воздействия). С другой, как можно быстрее, с объяснением, *чтобы к свадебникам не успела пристать никакая порча*.

В отношении кладбища повторяться не будем, обратим лишь внимание на условие, при котором, если не мимо кладбища проехать нельзя, то поезд проходит мимо *не дорогой, а стороной, будь там хоть болото или другое неудобное место*. Болото менее страшно для свадебников, чем кладбище, становясь в общий ряд с неудобью и воспринимаясь, тем самым, не столько с мифологической стороны, сколько в прямом своем понимании. Отчасти, возможно, что связывается это также и с тем, что, если воздействие со стороны мертвого в кладбищах на свадебный поезд значимо и достаточно очевидно, то болото с его темными силами в отношении свадьбы, как получается, не будет себя проявлять.

Обе приметы с минованием мертвого, необходимостью избегания воздействующего контакта с ним (к этому стоит вспомнить звон по покойнику в след выходящим из церкви после венчания молодоженам), и по возможности самым скорым передвижением во избежание какой-либо порчи, которая не должна успеть пристать к свадебникам, обе эти приметы отмечают два важных для разбираемого положения (возвращения после венчания) обстоятельства. То, что путь этот потенциально открыт и не защищен, может, не столько сам путь, сколько те, кто в свадебном поезде следуют. И то, что открытость и незащищенность пути имеет заряженно-следовый, так его можно определить, характер, предполагая трассирующую насыщенность для себя нежелательным, мертвым, мертвящим, и приносящим порчу, вредоносным. Продвижение по этому пути в одну сторону, к венчанию в церкви, оставляет после себя возможность при возвращении подхватывания того, что не подхватилось до этого. Так же как и не при возвращении, а в направлении к церкви, если не двигаться *со всей возможной быстротой*, то подхватывание также становится неизбежным.

Связывать то и другое можно с двумя представляющимися существенно значимыми обоснованиями. Во-первых, с этапами, как до, так и после венчания, допускающими подверженность действию нежелательных вредоносных сил. Во-вторых, с самим этим действием в его потенциальных источниках, заинтересованных в том и ориентированных на то, чтобы как объективно, так и субъективно напортить и навредить. Объективное причинение порчи-вреда, представляемое в традиции как отбирание, оттягивание, перенесение на себя от живого его витальной силы и проявления, подобное причинение будет иметь источником мертвое, обитаемое в кладбище. Субъективное, при неисключенности объективности для него, исходить будет от причиняющих порчу – ведьм, колдунов, а также завист-

ников и недоброжелателей. Достаточно такому недоброжелателю недобро завистливым взглядом на свадьбу и свадебный поезд с ней посмотреть, и порча-сглаз обеспечена.

Что касается вида примет, то их обе следует отнести к акционально-предотвращающим в их избегающей разновидности. Необходимо осуществить такое по своему смыслу действие (двигаться не мимо кладбища и со всей возможной при всем при том быстротой), которое содержит в себе представление о противоположном – чего не следует делать и, соответственно, следует избегать, прямо указывая на то и другое.

В отношении сфер выводимыми видятся представления о витально-физической предрасположенности и статально-экзистенциальной определенности. Эти сферы себя отражают как незащищенно открытые, отбирание мертвым, равно как и порча-сглаз предполагают, в первую очередь, их поражение. При этом о проецировании не приходится говорить, обе приметы связаны с нейтрализацией, не устанавливается и определяется, с точки зрения желательности, вероятная будущность, будущность эту необходимо закрыть, оградить от ее вероятного изменения в противоположную сторону. С точки зрения предполагаемого воздействия также следует говорить о стремлении к недействию, к избеганию контакта с каким-либо негативом. Тип этот можно определить как проскакивание (трансилитив*), пролетание мимо либо через и сквозь, минование того, что в негативе себя проявляло бы как пронизывание. Проскакивание, тем самым, в представлении о нем как о миновании, необходимости обойти, не столкнувшись, не испытав, либо пройти с той же целью по возможности быстро, становится в пару соотношения с пронизыванием. То, что действует, то поле, которое заряжается или заряжено, если не позитивно и вредоносно, пронизывая собой вступающего с ним в контакт, в него входящего или в нем находящегося, может быть нейтрализовано в его негативном воздействии через проскакивание, пробегание мимо либо стремительное перебежание сквозь.

С пересечением, разрывом, разделением, разведением позитивно пронизанного (пересечение будет действием, связанным с нарушением пронизывания, но в позитиве) встречаемся в следующей примете:

Нельзя кому бы то ни было переходить дорогу свадебному поезду, так как это может сделать жизнь новобрачных недружной; лишь только это случится, по злобе или по неведению, весь поезд должен остановиться и опытная сватья должна тотчас прыгнуть с экипажа и три раза перебежать дорогу перед оста-

* Лат. *transilio, silui (silivi, silii), -, ire* [trans + salio] ‘перепрыгивать, перескакивать’; ‘проскакивать, стремительно проходить’; ‘переходить границу’.

новленными лошадьми, произнося соответствующие заклинания; если перешедший дорогу сделал это по неведению, то возможность несчастья ослабляется, если же со злым умыслом, то все зло обращается на перешедшего дорогу.

Нечто подобное имело место и ранее. Во время венчания, от подхода жениха и невесты к аналою до выхода их из церкви предписывалось не проходить между ними, *иначе молодые впоследствии разъедятся*. В данном случае и, как получается, на данном этапе, уже не разъедятся, но жизнь их будет недружной. В связи с этим отличием можно и стоит отметить то, что определялось как экзистенциональное продвижение, в статальности его достижения, как можно добавить, применительно к молодым. В церкви во время венчания если устанавливающаяся между вступающими в брак связь пересечь, то они впоследствии разъединятся. По дороге из церкви связь, как из этого следует, уже установлена, поэтому не о разъединении, а о недружной жизни приходится говорить.

Интерес представляет и форма защиты от этого. Во-первых, то, что это может быть сделано *по злобе или по неведению*. Допускаются обе возможности. Первая, кажущаяся по своей видимости более сильной, оказывается одновременно такой, которую можно и отвести, и при этом перевести на недоброжелателя. В то время как вторая, которая могла бы быть более слабой по причине ее ненаправленности, тот, кто так поступил, ничего дурного в виду не имел, так случилось, эта вторая, как получается, нейтрализации в полной степени не поддается, нельзя ни отвести, ни перевести ее на нечаянного производителя, *возможность несчастья лишь ослабляется*. Выходит, если направленность злого умысла можно, воздействуя на нее соответствующим образом, перевести на источник, т.е. злоумышленника, то не направленность в виде размытого, распыленного, не определенного в этой связи проявления (пересечения в разбираемом случае) подобной операции не поддается, допускается лишь ослабление ее негативности.

Соответственно, во-вторых, независимо от того, целенаправленно или не целенаправленно пересечение произошло, *весь поезд должен остановиться*. Тем самым, пересечение пересеченного ведет к пронизыванию, пропитыванию, вбиранию, испытыванию на себе воздействия произведенного перешедшим дорогу разрыва. Разрыв этот необходимо сшить, заделать, законопатить, но не вернув его в изначальное положение, что, как получается из текста приметы, невозможно, а либо в нем содержащееся перевести, либо ослабить. В зависимости от злого умысла либо неведения. Для этого, как сообщается, *опытная сватья должна тотчас спрыгнуть с экипажа и три раза перебежать дорогу перед остановленными лошадьми, произнося соответствующие заклинания*. Опытная сватья – как

женское соединяющее родовое, старшее, опытное, наделенное необходимой способностью в этой связи. Перебежать дорогу три раза, т.е. в одну, а потом в другую сторону и снова в обратную. В этом, как следует понимать, смысл сшивающего, заделывающего разрыв воздействия. То, что *произносятся* при этом *соответствующие заклинания*, дополнительных объяснений не требует, тем более, что слова этих заклинаний не приведены.

Примета, имея характер акционально-предотвращающий в его избегающей разновидности, произведенное по намерению либо без такового зло совершением определенных предотвращающих действий следует по возможности избежать, обращает внимание, с точки зрения воздействия, еще на одну интересную сторону. О пересечении чего, собственно, следует говорить применительно к данному случаю? Во время венчания в церкви предписывалось непрохождение между венчающимися, в противном случае это вело к их разъединению. При возвращении в свадебном поезде после венчания венчавшиеся находятся в нем, а перешедший дорогу делает это перед свадебным поездом, поскольку, как говорится в примете, *Нельзя кому бы то ни было переходить дорогу свадебному поезду*. Воспринимается ли эта дорога, но не метафорически, а метаморфно и в трансценденции, как жизненный, в смысле прокладывания, продвижения к нему, путь, ожидающий в будущем новобрачных? Видимо, так, поскольку из этого следует то, что произведенный кем-либо в его переходе дороги разрыв, рассечение, разделение, *может сделать жизнь новобрачных недружной*.

Не менее интересно и значимо для понимания предметного мира примет является также и то, что пересечение свадебному поезду его дороги-пути делает жизнь новобрачных недружной, т.е. имеется обретенное после венчания состояние связи до перехода пути и появится, если не произвести необходимое предотвращение, состояние надорванной связи (с дороги-пути перешедшее вследствие пронизывающего воздействия на новобрачных, трассирующим, следовым образом). И при этом, если последствия произведенного пересечения предотвратить, как полностью, переведя их на злоумышленника, так и частично, возможность их только ослабив, то для злоумышленника то, что делало бы *жизнь новобрачных недружной*, обращается во *все зло*, а тому, кто перешел дорогу по неведению, ничего не грозит, а то (для большей точности приходится повторить), что делало бы *жизнь новобрачных недружной*, связывается с положением о возможности ослабления *несчастия*. Не о том говорится, что недружной жизни для новобрачных получится избежать, но об ослаблении *несчастия*, по-видимому, для них, не исключая, впрочем, при этом и всех участников поезда.

Возникает из этого асимметрия предотвращения. То, что может быть, при совершении отводящих действий, не обращается в противополож-

ность, а преобразуется, становится чем-то другим. Недружная жизнь новобрачных, при избегании, устранении, обращается либо во все зло (*недружная жизнь > все зло*) либо связывается с возможностью ослабления несчастья (*недружная жизнь > возможность несчастья ослабляется*). Там зло, обращенное на злоумышленника, возможно, с мыслью о том, что им задумано зло, и это зло на него же и обернулось. Здесь ничто и ни на кого не обращено, а ослаблено, но не то, что могло бы быть, а что-то в его результате и следствии себя объявившее. Жизнь новобрачных не будет недружной, не должна ею быть после осуществления предотвращающих действий, но то, что было исходно заложено в пересечении при переходе свадебному поезду дороги и что вело бы к тому, что их жизнь была бы недружной, при совершении предотвращающих действий, жизнь новобрачных недружной уже не сделает, но оно никуда не ушло, осталось, не будучи ни на кого переведено (как в случае с злоумышленником), но осталось ослабленным и оборачивается теперь возможностью ослабления несчастья, которое может произойти, в зависимости от других стекающихся, соприкасающихся и взаимосвязанных обстоятельств, ими вызванное и ими определяемое.

Очередные приметы, связанные со свадебным поездом, имеют встречавшееся уже ранее загадывание на будущее, предполагающее богатство либо наоборот и то представление, которое раньше еще не встречалось и выраженное словами *чтобы у них все в жизни было легко и чисто*. При этом первая из трех примет имеет акционально-провоцирующий характер, в то время как две последующих – знаково-предвещающий:

Под колеса едущим свадебникам хорошо бросать деньги – тогда у них жизнь богатая будет – или выливать ведра с водой, чтобы у них все в жизни было легко и чисто.

Снег и дождь на свадебный поезд – молодым богато жить.

Метель на свадебный поезд – молодым небогато жить, метель все "богатство выдует".

С бросанием денег, отображающим имевшее также и ранее место симулятивно-стимулятивное проецирование, предполагающее достижение подобия через подобие (с "осыпалом" на молодых, отмечающим их возвращение после венчания), сочетается, также по виду как акциональное провоцирование, состояние, отмеченное как легкость и чистота в жизни всего.

Если не углубляться в подробности, можно было бы допустить, что воздействующий характер первого действия, предполагая приращение, сообщение, дополнение к тому, что имеется, того, что желается и со-

общается в виде бросаемых денег, соотносится с таким же воздействующим характером второго действия, которое заключается в выливаемом очищении, освобождении, при посредстве воды, того, что может сделать в будущем жизнь не легкой и не чистой. И тогда если первое состоит в сообщении, придании, добавлении "богатства" в будущем, того, что обернется богатством, создаст его как достигнутый результат, то второе – в чем-то по своему виду обратном, в снятии, отделении "нелегкого" и "нечистого", а точнее того, что, будучи нежелательной примесью, являясь по существу таковым, не способствует тому, чтобы вся дальнейшая жизнь была "легкой" и "чистой". Не случайно поэтому оба предполагаемых к совершению действия связываются союзом 'или'. Из чего получается, что можно и хорошо или бросать под колеса деньги, или выливать ведра с водой, а не то и то одновременно, поскольку либо сообщается и придается нечто с помощью денег к богатству, либо, напротив, снимается, отъемлется и очищается с помощью выливаемой ведрами воды к тому, *чтобы у них все в жизни было легко и чисто.*

Воздействие на то невидимое, что субстанционально и экзистенциально проявит в себя в последующем, результируясь, в разбираемом случае, в виде богатства или легкости и чистоты, имеет, тем самым, для того же разбираемого случая соотносимый и коррелирующий, но при этом взаимно и исключаящий тип проявления, заключающийся, выражая то и другое арифметически для понятности и простоты, в прибавлении и отнимании. Нечто навешивается, добавляется, прибавляется, энергетически, при посредстве, обычно, предметов, которым приписывается данное свойство. Либо, напротив, снимается, ликвидируется, освобождается, очищается, отнимается, также, возможно, при помощи и при посредстве каких-то предметов, которым способность к освобождению и очищению также приписывается. При этом, если первое действие заключается в передаче, придании свойств (*деньги > богатство*), то второе будет иметь не только такой передающий смысл (*вода > чистота*), но и, видимо, собственно, очищающий, "вымывающий".

Было сказано, что первое исключает второе – или прибавление, или отнимание, или деньги бросать, или воду лить. Однако не исключено, что, при каких-то условиях, возможно одновременно то и другое, а совершаемые действия будут иметь удвоенный смысл – что-то можно добавить, навесить, придать и что-то другое при этом изъять, отвести, ликвидировать.

Внимание следует обратить еще на два, а точнее три, не случайные обстоятельства. Как говорится в примете, *хорошо бросать деньги – или выливать ведра с водой – Под колеса едущим свадебникам*. Под колеса едущему свадебному поезду, не на них, не перед ними, не им вслед. Свадебникам – *тогда у них жизнь богатая будет ... чтобы у них все в жизни было легко и чисто*, а не только, как из этого получается, у мо-

лодых. И, наконец, еще одно, третье, *выливать ведра с водой*, не одно ведро и не чем-то другим, поменьше или побольше, бочкой, к примеру.

Под колеса – следовательно, в то место и средство, которое, крутясь, обращаясь, и производит, и одновременно преодолевает расположенный перед ним путь (ср. *колесо фортуны* в близкой связи). Оборачиваясь, вращаясь, колеса вбирают в себя сообщаемое, передаваемое с помощью денег либо воды.

Свадебникам – поскольку все они в этом движущемся свадебном поезде вместе находятся и сидят, не одни только новобрачные. А поскольку сидят и находятся, то и, будучи соучастниками производимого не только движения, но и части обряда, заключающейся в возвращении после венчания, на них также и переходит, и их также захватывает то, что придается и сообщается едущим в свадебном поезде.

Ведро с водой означать могут не только и не единственно множество выливаемой под колеса воды, но и то, что, вполне вероятно, лить воду следует с двух сторон, на правую и на левую часть, на правые и левые колеса поезда. Ведра, а не что-то другое, поскольку полные ведра, в противоположность пустым, служат в приметах, и не только в приметах, при толковании сновидений также, к примеру, знаками ожидаемого и предвещаемого богатства, успеха, удачи в делах. Другие посудины, бочки, бочонки, кружки, ковши и пр. такого значения не имеют. Однако не о символике и не о различных значениях хозяйственной утвари в данном случае речь, развивать не будем поэтому данный предмет.

И еще одно, на что стоило бы обратить внимание в связи с разбираемой приметой. Что понимать под фразой *чтобы у них все в жизни было легко и чисто*? С одной стороны, уточнение данного представления не вполне возможно, поскольку реализация данного пожелания, точнее целевой направленности, обусловлена возможными обстоятельствами для каждого. Как с точки зрения того, что произойдет, так и с точки зрения самого субъекта. Так же как в пожелании *Всего Вам доброго* или *Желаю Вам всяческого добра*, – что означает это *все доброе* или *всяческое добро*, если вообще что-нибудь означает, можно бы было добавить, кроме выражения позитивно окрашенного отношения со стороны говорящего, но не об этом в данном случае речь. В ситуативно последующей перспективе, если желаемое сбудется (представим себе условно нечто подобное), то будет оно иметь вид, обусловленный вероятными обстоятельствами, произойдет как доброе и добро то, что возможно, для данных условий и данного человека. И вместе с тем, как добро и доброе, к тому же всё и всяческое, оцениваться как таковое будет самим этим человеком, не кем-то другим, а это может иметь, если не относительный в полном смысле этого слова характер, то характер замеченный и отмечающий. Мимо чего-то данный субъект пройдет, не заметив как положительное, что-то другое

воспримет и как значимое для себя также оценит. То же или примерно то же можно перенести и на производимое в разбираемой примете.

С другой стороны все того же, то, *чтобы у них все в жизни было легко и чисто*, может и несколько озадачить. Если *легко* еще как-то можно понять в преломлении к отсутствию очевидных преград, не препятствуемой гладкости в достижении жизненных целей и производимых действий как таковых (хотя, как представляется, не столько об этом речь), то, что означает *чисто* в этом ряду? Не о физической чистоте, людей, помещений, хозяйства и пр., и не о морально-нравственной незапятнанности, как людей, так и совершаемых ими действий, видимо, говорится. Разбирая этот вопрос, обратить внимание стоило бы на два, а точнее три, положения. Во-первых, на то, что (*все в жизни*) *легко и чисто* стоит в общем ряду, привязываясь к выливаемой ведрами под колеса воде. Во-вторых, на то, что то и другое, взаимно связываясь, относится к определению *все в жизни*. *Все*, а не просто в жизни и не что-нибудь в ней по отдельности. И, в-третьих, на то, что можно увидеть в рядом стоящих в устойчивом обороте *Чистота и порядок* или *порядочек*.

Связывая все это между собой, то, что показано в первом, втором и третьем, можно прийти к пониманию, что легкость и чистота, скорее всего, относятся к представлению об упорядоченности. Водой вымывается, следовательно, все лишнее, все мешающее и загрязняющее, что делает жизнь, и при этом *всю*, поскольку это касается всех возможных сторон в совокупном их отношении к ее проживающему, и во всей к тому же ее протяженности, раздражающей, не дающей успокоения, беспокоящей, нервно-тревожающей, в силу не прекращающихся препятствий, постоянных преследующих неудач, неисполненности, несовершенства. То есть, в конечном счете, гнетущей и подавляющей тяжести в силу неорганизованной, неустроенной, беспорядочно-портящей все возможное нечистоты.

Две последующих приметы, определенные как знаково-предвещающие, под знаками представляют сопровождающие свадебный поезд атмосферно-погодные проявления. *Снег и дождь на свадебный поезд* – жить богато, *метель* – небогато, поскольку она *все "богатство выдует"*. Что касается первого, то возможно, видимо, либо то и другое одновременно, о чем союз 'и', либо, зная реально происходящие погодные обстоятельства, что-то из того и другого одно, но то и другое, скорее всего, предпочтительно, а поскольку свадьбы нередко происходили поздней осенью, в октябре-ноябре, то и нечто подобное вовсе не исключено (так называемый снег с дождем либо снег, переходящий в дождь). Не будем, однако, входить в подобные уточнения, что потребовало бы обстоятельного обращения к материалу и уводило бы в сторону, лишь отметив попутно такую особенность. Снег с дождем, снег, переходящий в дождь, сулящий богатство едущим в свадебном поезде молодым, все это видится как не случайное

и обусловленное одно другим проявление: *Снег с дождем на свадебный поезд*, а не вообще.

Из чего получается, что указанный снег, снег с дождем или дождь, не суть важно, выступают не просто знаками, а объявлениями, с одной стороны, и придаванием, сообщением, с другой (о чем была речь и ранее), молодым богатства. Молодые будут богато жить, потому что снег и дождь на свадебный поезд, с точки зрения вневременной событийной экзистенциональности, их имеющееся уже богатство, избытком переполнения, нисходящего снегом-дождем, себя при движении поезда объявили. А также, и это второе вовсе не исключает первого, с учетом имеющегося в традиционном сознании синкретизма, снег и дождь на свадебный поезд не только богатство избытком переполнения проявили, но и тем же избытком, сойдя на свадебный поезд и в нем молодых, его им передали, осетив, пронизав, напитав, сообщили.

Все это было бы проявлением того типа воздействия на молодых, но через их свадебный поезд, и только на них, не на всех в нем сидящих, которое определялось как придающее сообщение (*сообщение* в двух значениях в данном случае следует понимать – и как придавание, и как оповещение), добавление, прибавление и вместе с тем пронизание, пронизывающее собой сообщение, – объединение, совокупность как следствие концептуального синкретизма. Не случайно также при этом, что в свадебном поезде только на молодых, не на всех в нем сидящих, поскольку не в проецировании пожелания богатства с помощью денег или легкости с чистой при посредстве ведер воды под колеса в данном случае существо наблюдаемого состоит. В той предшествующей примете дело было не в подаваемом знаке, а в производимом действии, направленном на свадебный поезд теми, кто деньги бросает, а воду льют под колеса. В данном случае подаваемый сверху знак в виде падающего снега-дождя*, как знак и вместе с тем как его и не только его сообщение, не может касаться всех, он будет касаться лишь тех, кому назначается после обряда венчания, после осуществленного соединения, данное будущее в ожидающем их новом жизненном состоянии.

Метель на свадебный поезд, сулящая молодым небогатство, действует по-другому, и на это прямо в примете указано – *метель все "богатство выдует"*. Откуда бы ни происходила эта метель, кто или что ни было бы ее производителем и источником (метель может наслать колдун или

* К этому стоит добавить имеющееся мифологическое, а точнее мировоззренческое, представление о мертвых рода, связываемых с осадками, которые те способны либо предчувствовать, либо сдерживать, равно как и вызывать. И тогда снег и дождь на свадебный поезд можно интерпретировать как благоприятствующее воздействие на молодоженов с их стороны. Это и знак, и своего рода благословение, посылаемое, направляемое ими, а возможно, что провоцируемое²¹.

ведьма, равно как и быть естественным для данного дня атмосферно-погодным явлением), независимо ни от чего, это не столько знак, по своему существу, хотя также, отчасти, и знак, сколько намеренно, от недоброжелателя-человека, либо не намеренно, но не случайно, осуществляемое действие. Действие, которое, если и не имеет исходно закладываемую цель, богатства лишит, поскольку об этом речь в представлении *метель все "богатство выдует"*, то в любом из возможных случаев предполагает достигаемый результат.

Воздействие на ту энергетику, которая под влиянием выдувания метелью, что-то в себе теряет, чего-то лишается, что дает, может дать богатство, такое воздействие будет укладываться в представление об изъятии, устранении, отнимании, причиняемом ущербе и избавлении. Изъятии и избавлении, ведущим к ослабленности, недостаточности, лишенности чего-то важного, несостоятельности, несовершенству, неполноте. Если понимать все это шире, чем в применении только к богатству. Интересно в этой связи представляющееся не случайным словесное оформление – *молодым небогато жить*. Не означает это, что бедно, что будут нищенствовать, кое-как перебиваться и голодать. Будут жить *небогато*, т.е. вроде бы и в достатке, поскольку не в недостатке, но этот "достаток" будет неполным, незаполненным и недостаточным будет этот достаток (появляется "оксюморонное" представление о мере, о степени возможной достаточности и полноты, представление, весьма существенное для традиционно-мифологического в своей основе сознания).

Обобщающая в этапах картина обряда

Прежде чем перейти к завершению представления обряда во всей его поэтапной целостности в двух остающихся позиционных пунктах, стоит их вывести все в получившемся по приметам порядке с определением свойственных каждому, соотносимых с другими и развивающихся, значений, обратив также внимание на их возможные отношения к невесте и жениху как ведущим действующим персонажам и не упуская из виду то, что было выведено и о чем не раз говорилось – о невесте как центральной и наиболее значимой фигуре, вокруг которой, так или иначе, вращается все.

В общем и целом картина характеризуемого обряда складывается из последовательности следующих этапов: *Сватовство – Сговор – После сговора – Перед венчанием – Венчание – После венчания – Свадебный поезд – Приезд и появление в доме жениха – Свадьба – После свадьбы.*

Для невесты (жениха и невесту, с точки зрения их отношения к этапам и, соответственно, выводимых значений, следует разделить) представленные этапы видятся следующим образом:

Сватовство

Персонажи: невеста – сваты – родные невесты / жених. Невеста выступает в роли объекта либо субъекта. Сваты, родные невесты – агенты. Жених – не присутствующий субъект, в пользу которого сватами осуществляются действия.

Значение этапа определяется как каузация конвентива со стороны агентов (сватов) в отношении объекта мены экзистенциального состояния (невесты) в пользу субъекта принятия, приобретения, обладания (ассумптора – жениха).

Агенты каузативного конвентива (сваты) вступают во взаимодействующий контакт с контрагентами того же значения (родными невесты). Как действователи первые себя проявляют в роли активно-направленных исполнителей, стремясь непременно, во что бы то ни стало, любыми средствами достичь поставленной цели (семантический признак *Profect*),

для чего используют диспозитивные (*Disposit*) и депортативные (*Deport*) средства в отношении хабитативного проприатива (отмеченных домом предметов – веники, старые башмаки, ветошь и пр.). Вторые – как уравнивающие конгруенторы, противодействующие (*Resist*) непрямодействию, т.е. при любых условиях, реализации конвентива со стороны профекторов (сватов). Для чего препятствуют возможности депортатива с их стороны.

Сговор

По имеющимся из выбранного источника приметам (все остальное ни здесь, ни в других позициях во внимание не принималось) персонажами выступают невеста / дети. Невеста – действующий в свою пользу субъект. Дети – не присутствующие и воображаемые (имагинативные) в вероятном будущем объекты.

Со стороны невесты отмечается проецирование необремененного для себя в годах на какое-то время детьми положения. Выступая в роли заинтересованно действующего агента, проецирующего откладывание, делятив (*Delat*), в свою пользу, невеста себя проявляет также и как субъект. Дети в данном случае фигурируют как воображаемые имагинатив-объекты исчисляемой темпорально, нумеративной, проекции.

После сговора

Персонажами выступают невеста – те, кто наводит порчу, может ее навести – жених – подруги невесты – те, кто помогает обшивать невесту.

Невеста себя проявляет в роли объекта незащищенного состояния (для тех, кто наводит порчу), как потенциальный объект искажения (деформации) со стороны агентов деформатива. В роли субъекта и адресата-объекта она выступает для жениха, приходящего к ней с гостинцами, поскольку данное действие им производится по направлению к ней (адресатность) и внешне в ее пользу (субъектность). По отношению к подругам она становится агентом производимого ею, через направленный на них субститутив-консумптив (замещение потребления приносимых гостинцев), делятива – откладывания потребления гостинцев до свадьбы. По отношению к тем, кто помогает ее обшивать, соответственно, субъектом направленного на нее, производимого с их стороны в ее пользу, обряжения (орнатива).

Те, кто наводит порчу, может ее навести – уже названные агенты потенциального деформатива, направляемого на невесту-объект.

Жених, приходящий к невесте с гостинцами после сговора, действует как агент декларации своего *ассумптив-консумптива*, т.е. того, кто приобретает (невесту) через предоставляемую им для нее консумпцию, направленную в смысловом отношении на себя (заявление, декларация своих прав). В связи с чем подобное заявление невесте не следует прежде

времени принимать, отсюда откладывание, делатив, отодвигаемый во времени от себя консумптив (после свадьбы). Либо замещающая консумпция, субститутив-консумптива, – передача подругам гостинцев от жениха.

Подруги невесты в этой связи становятся объектами-адресатами обозначенного субститутив-консумптива.

Те, кто помогает обшивать невесту, молодея от этого, по отношению к невесте выступают агентами производимого ими в пользу ее орнатива (обряжения), по отношению к себе – приобщающимися через поддержку, помощь невесте (адьюторами), объектами ожидаемого обновления (омолаживания) как своего состояния.

Значение этапа можно определить как промиссию, связываемую с отпусканием и "обещанностью", "обетованием". Отпусканием родными ее от себя, своим родом, и обещанностью, обетованием жениху и его, соответственно, роду. В сочетании того и другого и состоит ее промиссивное состояние, допускающее незащищенность, открытость, взвешенность положения, отрыв от прежнего без определения к последующему, своего рода зияние для нее, предполагающее необходимость предотвращения возможного нежелательного (наведением порчи) и через открытость – возможность омоложения для обшивающих.

Перед венчанием

Персонажи: невеста – те, кто ей в лифчик кладут отрезанный краешек от целого хлеба и золотой или серебряный рубль под пятку (к богатству и благополучию) – мать невесты или другая близкая родственница (завязывающие в тряпочку головку лука или чеснока и кладущие его в карман невесты от возможного чародейства) – отец невесты (подставляющий ей свою ногу при ее вхождении в телегу к венцу) / дети (воображаемые в будущем у невесты-жены).

Невеста выступает агентом и одновременно субъектом (действуя в свою пользу) проецируемого ею объектно дистрибутивного благосостояния (проективного проспекатива), посредством стимулятивной инструментализации (развешивание поясов для обеспечения достатка). По отношению к тем, кто ей в лифчик или под пятку кладет соответствующие заряженные предметы (инсертивы), – объектом и адресатом побуждаемого, продуцируемого агентами благополучия (фортунативно-просперативного эксцитатива). По отношению к агентам защиты от чародейства – объектом и адресатом предотвращаемого, отводимого, отвращаемого, отталкиваемого (*аверсивного* как *репульсивного*) потенциального деформатива. По отношению к своему отцу – адресат-объектом проецируемого облегчаемого разрешения, ресолютива, гравитативного положения в отношении имагинатив-объектов (детей). Сама для себя в отношении детей (сажая в телегу одним прыжком) – агентом имитативного проецирования

облегчаемого разрешения гравитативного положения (как субъект) в отношении своих детей как имагинатив-объектов.

Те, кто ей в лифчик кладут указанные перед этим предметы, действуют как агенты названного фортунативно-просперативного эксцитатива (вызываемого материального благополучия).

Мать невесты или другая близкая родственница, действующие указанным образом для защиты от чародейства, – как агенты названного аверсивного репульсивного потенциального деформатива.

Отец невесты выступает агентом проецируемого облегчаемого разрешения, ресолютива, гравитативного положения объекта (невесты) в отношении имагинативных объектов (детей).

Значение этапа можно представить как формирование, связываемое с обеспечением безопасного перехода к новому экзистенциальному состоянию, с проецированием состояния обеспеченности и облегчения гравитативного положения в отношении детей.

Венчание

Персонажи: невеста / дети / незамужняя подруга невесты / муж (расположения которого в будущем следует заслужить) – жених (как покорный в будущем муж) – те, кто не надевают невесте венца, а поручают держать его над головой невесты – близкий или посторонний мужчина, который будет его держать – те, кто желает жениться в этом году и прикасается для этого к платью невесты.

Невеста, в отношении себя самой, при условии своего ослабляющего физического состояния (инфирматива – месячные, открытие кровей), ведущего к прерыванию длительности ее паритивного экзистенциального состояния (с будущим мужем) выступает объектом указанного инфирматива и объектом прерванной длительности (интермиссии дуратива) приобретаемого паритива. При избегании данного положения (инфирматива) через откладывание венчания, если это возможно, она становится агентным субъектом (действуя в свою пользу) эвитативного инфирматива и, соответственно, интермиссии дуратива экзистенциального паритива (недолгая супружеская жизнь).

Невеста, в отношении детей, посредством прикладываемых (аппликативных) предметов (серебряной монеты или серебряной вещи под левой грудью для того, чтобы у детей были чистые головки), выступает как агент симилятивно-инструментального проецирования.

Невеста, по отношению к незамужней подруге, действует как агент проецирующей интенциональной сенсуализации, направляемой на адресат-объекта с целью ускоренной передачи ему (конверсии) своего переходного состояния к экзистенциальному паритиву (скорейшее становление невестой).

Невеста, в отношении себя самой, для достижения расположения мужа впоследствии, действует как агент проецирующей комбинаторной имитации (развязыванием всех узлов на себе) с целью воздействия на свое положение со стороны его как контрагента общего с ним паритивного экзистенциального состояния.

Невеста, в отношении своего жениха (как покорного в будущем мужа), действует как агент проецирующей комбинаторной имитации (наступая на ногу своему жениху) с целью воздействия на субординативное в отношении себя положение контрагента общего с ним паритивного экзистенциального состояния (жених в этом случае выступает как объект производимого ею имитативного действия).

Невеста, по отношению к тем, кто на нее не надевают венца, а поручают держать его над головой близкому или постороннему мужчине, выступает, с одной стороны, объектом, а с другой, субъектом того, что можно представить как заместительное-усложняющий форматив, предполагающий оформление действия, с раздвоением, расщеплением, контрагента (жениха) со стороны агентов подобного замещения с использованием подключаемого ими субъекта (близкого или постороннего мужчины). Производимое таким образом действие (предполагающее замещение и держание) становится проективным средством непрочности, недействительности (недейственности) его в достигаемом результате, заключающемся в паритивной подмене (трипартитиве – венчались не двое, а трое), деформативе и усложнении, мультипликативе, паритивного экзистенциального состояния (жена не будет верна своему мужу и непременно заведет любовников).

Невеста, по отношению к тем, кто желает жениться в этом году и прикасается для этого к ее платью, когда она обходит вокруг аналоя, выступает объектом для проецирования производимой над ней стимулятивной инструментализации с их стороны как агентов, заинтересованных в итерации (повторении для себя) происходящего с ней перехода к паритиву экзистенциального состояния.

Значение этапа венчания (определение других персонажей опустим, поскольку оно выводимо из сказанного в отношении невесты) можно представить как детерминирование, предполагающее определение, предопределение. Это вершина обряда, решающая позиция. Отсюда возможно то, что потом нельзя изменить, поэтому, с одной стороны, она обеспечивает предохранение дальнейшего состояния, в том числе и физического, а с другой, допускает закладывание и проецирование в отношении желаемого будущего, в том числе для других.

После венчания

Персонажи: невеста – все девушки ее деревни.

Невеста выступает агентом действия, имеющего проецирующий характер и заключающегося в стимулятивной инструментализации (тащит ногою подножие аналая, на котором стояла), направленной на объектов итеративного (повторяющегося в развитии) для них перехода к паритиву экзистенционального состояния, с передачей (конверсией) им от себя (чтобы все девушки ее деревни скоро вышли замуж).

Все девушки деревни невесты, соответственно, будут тогда выступать объектами направленного на них со стороны невесты воздействия.

Значение этапа (в отношении невесты себя проявившее только в одной примете источника) сводится к эксцессивному консекутиву, выходу, имеющему тянущийся за собой, следовой по этой причине характер, с увлекающим за собой, сукцессивным, последствием, проекцией следа – в отношении подруг. В отношении новобрачных, а также свадебного поезда, свадебников, следовое значение консекутива может иметь избегающее, выводящее и отводящее, седуктивное, положение, с избеганием оставляемого следа. Семантика следа в этом случае предполагает необходимость минования, обхода, неповторения той же дороги при возвращении. Невеста при этом становится потенциальным объектом негативного действия оставляемого следа одновременно с другими участниками производимого продвижения.

Приезд и появление в доме жениха

Персонажи: невеста, она же теперь молодая, – те, кто осыпают молодых "осыпалом" / дети (как имагинативный объект) – те, кого она не должна допустить в дом ранее себя – тот, кто бросает ей под ноги старую метлу (поскольку эта примета рассмотрена не была, ее краткая характеристика помещается далее) – все те (в доме), кем она будет повелевать – все те (в доме, в семье), с кем она будет жить ладно (если посмотрит при входе во все углы) – все те (в доме), над кем она будет главенствовать.

Молодая, в отношении тех, кто осыпают молодых "осыпалом", выступает объектом паритивного проецирования со стороны агентов стимулятивной инструментализации и одновременно при этом агентом того же в отношении имагинативных объектов (детей) применительно к их количеству (нумеративу) и фортунативу своего паритивного экзистенционального положения (сколько зерен поймает, столько у нее будет детей, если раскусит их, то жить будет богато).

Молодая, в отношении тех, кого она не должна допустить в дом ранее себя, выступает агентом проецируемой комбинаторной имитации, направленной на объектов своей хозяйственной доминации (доминатива) в последующем.

Молодая, по отношению к тому, кто бросает ей под ноги старую метлу, предстает как объект атрибутивного дефинитива со стороны агента

симилятивной инструментализации, и она же затем вероятный (если поднимет метлу) субъект позитива как утвержденной позиции своего доматива (хозяйственных свойств). Находит это свое отражение в следующей примете из источника:

При входе невесты (точнее, уже молодой) в дом родителей жениха после совершения таинства венчания кто-нибудь бросает ей под ноги старую метлу; если она заметит и тотчас поднимет метлу, то это служит хорошим указанием на расторопность и предусмотрительность будущей хозяйки.

Ag(SimillInstr) > Obj(DefinitAttr)/SubjDom(FirmPosit)

Формула отражает действие агента, использующего в качестве инструмента проверки старую метлу (заряженный инсертив хозяйственной энергетике дома). Проверка (аттрибутивный дефинитив, все той же хозяйственной, способности молодой), предполагая ее (молодую, входящую в дом) как объект, имеет значением и результатом установление пригодности той применительно к дому. Если заметит и тотчас поднимет метлу, то проявит себя как субъект доматива (хозяйственных свойств), определяемого в отношении позитивного фирматива (укрепленности и поддержки). Ежели не заметит и не поднимет (примета, впрочем, об этом не говорит), то как субъект доматива себя не проявит. Отсюда возможность выбора, обозначенного в формуле кривой чертой.

Примета, а точнее стоящая за нею и выраженная формально модель имеет значением дефинитивный атрибутив, определяемый, но не в виртуальной модели, а в ее проявлении (актуализации), для данной модели одним из возможных, как позитивный фирматив, доматива для разбираемого случая. Значение самой модели и ее проявления, для соответствующих семантических признаков, обозначены в формуле полужирным курсивом.

Молодая, по отношению к тем, кем она будет в доме повелевать, выступает агентом проецирующей вербально-симилятивной инструментализации, направленной, с помощью слов ("Овца здесь, медведица пришла"), на объектов своей доминации. По отношению к тем (в доме, в семье), с кем она будет жить ладно, – также агентом и также проецирующей стимулятивной, но не вербальной, инструментализации, направленной на объектов своей с ними гармоничной коэкзистенции (если посмотрит во все углы, то со всей семьей жить будет ладно). По отношению к тем, над кем будет в семье главенствовать, аналогично первому случаю, – агентом проецирующей вербально-симилятивной инструментализации, направленной, с помощью слов ("Кышьте, овечки, – волчок на вас!"), на объектов своей доминации. О градационном различии доминации ранее уже говорилось.

Значение этапа приезда и появления в доме жениха, теперь молодого, для молодой можно определить как ингрессию, предполагающую обретение себя при вхождении, своего положения и места, с захватывающим примериванием, отмериванием и самоопределением в новом, ее ожидающем в непосредственном будущем состоянии жены и хозяйки.

Этапы, связанные со свадебным поездом, с отправлением к венчанию и после него, а также свадьбой, невесту и молодую в приметах источника не затрагивают. Затрагивает то, что происходит в самом конце, в завершении, после свадьбы. Рассмотрим поэтому эти первые два в их значениях и вне связи с молодой, с тем чтобы подойти к заключению, касающемуся как невесты и молодой, так и ее жениха, молодого, с определением значений остающихся трех этапов, но без проекции их и всех остальных этапов к жениху и невесте как парному персонажу и такому же парному как молодым, что заняло бы немало места, а не слишком много вносило бы в представление, поскольку приметы, для них обоих как пары, уже рассматривались и соответствующим образом определялись.

Свадебный поезд

Не относя к невесте и молодой, на основе примет, охарактеризованных ранее, в его значении как этапа, можно определять как производимую с его помощью конверсию – оборачивание, с одной смысловой стороны на другую, от положения до венчания, как вершины и детерминирующего установления, к положению после него. Такой перевод, переход предполагает поэтому, через утрату, терянние, избавление прежнего в стремлении получения нового, но толком пока еще не обретенного, не установленного, а после достигнутого установления не закрепленного, не утвержденного, не утвердившего, если точнее, себя, – такой оборачивающий отсюда туда и в обратную сторону переход допускает открытость, незащищенность, доступность. Открытость пространству-времени (и пространства-времени) – смерти, нечеловеческому, животному, потустороннему, промежуточно-переходному по концептуальному своему значению, мировоззренческому и мифологическому в том числе. А через эту открытость – доступность воздействию тех же самых потусторонних, нечеловеческих, промежуточно-переходных и вредоносных сил. Отсюда отмеченная в приметах подверженность порче и сглазу, мертвящему действию кладбищ, опасности недружного в будущем существования пары и принудительного оборотничества для свадебников со стороны колдуна.

Свадьба

К собственно свадьбе относятся следующие приметы (рассмотрим их в преломлении к значению этапа):

Во время сидения за столом и в экипаже новобрачные не должны опираться спиной, а держаться прямо, чтобы на них не опирались житейские невзгоды; прямое сидение свидетельствует также о надлежащей скромности новобрачных и почтительном поведении в присутствии старших.

Нельзя справлять свадьбу на одолженные деньги, так как тогда молодые будут в частой нужде и само супружество их может оказаться недолговечным.

Когда свадьба в доме, окна должны быть открыты.

Если на свадьбе будет ссора, то новобрачные будут жить недружно.

Для определения значения свадьбы как соответствующего в общем ряду этапа обратим внимание на то, что приведенные приметы объединяет, что, собственно, как таковое, может за ними стоять. Помимо проецирующих представлений об избегаемых в ожидаемом будущем трудностях (прямое сидение, симилятивно связываемое с житейскими невзгодами и сюда же не случайная характеристика скромности и уважения к старшим), о частой нужде и недолговечности для супружества (через, симилятивную также, ущербность в одалживании), помимо необходимости окна держать открытыми, без объяснения, что за этим стоит, значение данного положения видится множественным, помимо, симилятивного также в своем основании, избегания ссоры на свадьбе, – все это объединяет, в продолжение и развитие всего предыдущего, не без него, представление о включении, присвоении, точнее было бы говорить усвоении, и осаживании, определяя данный этап как ассерцию* в этой связи.

Поясним предлагаемое разрешение. Чем является свадьба – после венчания, поездки свадебным поездом и вхождения в дом молодого (в первую очередь, для молодой)? Свадьба при этом уже не касается собственно молодой, она касается их двоих, как парного по своему значению субъекта, и все, что описывается в приведенных приметах, затрагивает именно данный парный субъект. Молодая после вхождения в дом себя как-то наметила, обозначила и определила. Далее подключаются к действию механизмы воздействия на совместное будущее, как зависящие от молодых, так и от них не зависящие.

И здесь появляются а) необходимость прямого сидения для пары (в экипаже, т.е. в свадебном поезде, до свадьбы, а далее и, как следствие, также и за столом); б) не задолженность свадьбы в происходящий

* Лат. *assĕro* (*ad-sĕro*), *sĕrui*, *sertum*, ěре юр. ‘объявлять, признавать’; ‘претендовать, присваивать’.

момент; в) пространственная открытость внутреннего пребывания окнами дома наружу; г) недопустимость ссоры. В отношении свадьбы могут действовать и себя проявить и другие приметы, способные определяемое в своих положениях уточнить, ограничимся для предлагаемого рассмотрения содержащимися в источнике.

Четыре выделенных параметра – от пары зависящая прямизна и не зависящие от них, но на них неизбежно влияющие – освобожденность (от долговых обязательств, но это можно и следует, для понимания значения этапа, шире и обобщеннее воспринимать) – открытость (через пространства внутреннего) – и нерасстроенность, в отсутствии раздражающих и нарушающих чистоту состояния помех (применительно к ссоре), – эти четыре проекции или параметра создают представление о том, что желательно и как должно быть. Желательно и должно быть так, чтобы ожидаемое пару экзистенциально-совместное состояние было чистым, открытым, свободным и при этом прямым. Это последнее зависит от них, а на предыдущие следует повлиять всем собравшимся.

Значения эти, во взаимодействии всех соучастников свадьбы с присоединением к этому молодых, предполагаются к ассертивному освоению, включению, осаживанию, прикладывающему внедрению в проецируемую и создаваемую, формируемую этапом свадьбы действительность.

После свадьбы

Приметы данного положения можно подразделить на два, а точнее три, самостоятельных проявления – после свадебного стола и брачную ночь, до нее и в ее протекании.

При прощании с молодыми в конце свадебного празднества необходимо им пожелать: "С Богом жить!", чтобы жизнь у них была ладная и согласная.

После свадебного стола весь оставшийся белый и черный хлеб, так называемый "свадебный", не сушат, а доедают всей семьей и даже раздают соседям остатки пирогов, ситных и т. п., чтобы молодуха не сохла.

Первая, как нетрудно заметить, затрагивая последующие отношения молодых друг к другу, определяет то, что было ранее названо релятивной диспозитивностью. Пожелание ладной и согласной жизни достигается произносимой вербальной формулой, используемой как средство проецирующей стимулятивной инструментализации. Осуществляется это в конце свадебного празднества, при прощании, и представляет собой то, что можно было бы передать как $Ag(StimulInstr) > ObjPar(HarmCoexist)$. И это была бы встречающаяся уже ранее модель стимулятивной инструментализации.

зации в актуализированном своем проявлении гармонической коэкзистенции, в отношении пары, в отличие от предыдущей, касавшейся положения молодой в новом доме-семье (*со всей семьей жить будет ладно*).

Вторая примета относится непосредственно к молодой, которая выступает на этот раз объектом симилятивной инструментализации в отношении проецируемого предотвращения ослабления (сухоты), т.е. инфирматива, со стороны агентов, с распространением, переноса действия на субъектов (соседей, *confinis*) заместительно соучаствующего консумптива. Характер проекции имеет вид отведения (*аверсии*) в разновидности *пропульсива* – предотвращения (сухоты):

ObjProject(PropulsInfirm) < Ag(SimilInstr) > SubjConf(PartConsumpt)

Будучи симилятивно-инструментальной моделью в своей виртуальности, в актуализации она себя проявляет в двух отношениях – для пропульсива инфирматива (предотвращение сухоты) и для партитивного консумптива (семья и соседи, которые доедают оставшийся хлеб).

Приметы, касающиеся брачной ночи, предполагают проекцией тех, кто действует как агенты направленно на молодых и в их пользу, равно как и их самих в соучастии:

Новобрачным под перину кладут ржаную солому, чтобы в их хозяйстве был всегда достаток.

Когда новобрачные в первый раз останутся в своей комнате вдвоем, то один из них, вероятно, начнет какой-нибудь разговор; и кто первый начнет говорить в это время, тот непременно будет всю жизнь первый же и заговаривать со своей половиной. Знающие это стараются один другого перемолчать или прибегают к таким способам, по которым один из них непременно заговорит.

Лишь только молодая заснет в первую брачную ночь, молодой обязан развязать все поясные узлы своей жены и растянуть ворот ее рубашки, чтобы впоследствии она легко рожала детей.

Первая предполагает стимулятивно-инструментальное проецирование благополучия в виде не просто достатка, а *чтобы в их хозяйстве был всегда* (опуская продуцирующее значение ржаной соломы, которую кладут под перину, и неоднозначность этого действия в этой связи):

Ag(StimulInstr) > SubjPar(DomProsper^{Const})

Стимулятивно-инструментальностьная модель в актуализации проявляет себя в отношении доминатив-просператива (достаток в хозяйстве), с показателем постоянства (*Const*) для разбираемого случая.

Вторая примета, определяя характер последующих отношений между супругами, как и первая из приведенных для положения после свадьбы, касается релятивной диспозитивности, однако в другом проявлении. Важно время и место, которые значимо отмечаются, – *Когда новобрачные в первый раз останутся в своей комнате вдвоем*. В первый раз и вдвоем, в своей комнате. Это их 'в первый раз' и 'вдвоем' 'в своей комнате', наедине впервые в своем для себя пространстве, предопределяет дальнейшее, относимое к разговору.

Шире и обобщеннее это можно было бы понимать как иницирующую, заводящую, провокативную роль, если бы не то обстоятельство, что представляемой начинательности следует по возможности избегать, провоцируя к ней другого. Из чего получается, что тот, кто *непрерывно будет всю жизнь первый же и заговаривать со своей половиной*, окажется в менее выгодном в будущем положении, не столько иницируя, сколько выдавая и объявляя себя. Оставим, однако, решение этого обстоятельства без внимания, поскольку это потребовало бы обращения к более полному материалу и уводило бы в сторону от того, о чем, собственно, речь. В формуле это видится следующим образом:

$$Ag(\mathit{CombinImit}) > SubjPar(\mathit{ExceptExpl}) / AgPar > Obj(\mathit{ProvocExpl})$$

Перед нами модель комбинаторной имитации в актуализируемом проявлении выжидаемого либо провоцируемого экспликатива (начавший говорить будет заговаривать первым также впоследствии), к чему его, провоцируя, можно склонить.

И, наконец, последняя и завершающая весь рассмотренный цикл примета, предполагающая такое взаимодействие основных персонажей, которое устанавливает участвующее и регулирующее положение молодого по отношению к молодой и рождаемых ею детей:

$$AgProject(\mathit{CombinImit}) > Subj(\mathit{ResolutGrav}) > ObjImag$$

Молодой выступает агентом комбинаторного имитатива, имеющего целью в своей актуализируемой проекции резолютивный гравитатив (облегчение разрешения), направленный на молодую и в пользу ее как субъекта в ее последующем отношении к воображаемым, имажинативным, объектам (детям), объектам с позиции резолютивного гравитатива с ее стороны.

Значение заключающего этапа, определяемого в его положении после свадьбы, без дальнейшего уточнения и углубления в сказанное, можно представить как исполнение, наполнение, исполненность, или *сатуратив**.

Свадебный цикл для невесты

Для невесты и затем молодой представленный свадебный цикл по приметам источника видится следующим образом:

- *каузирование* (мены экзистенционального состояния: **сватовство**, побуждаемое, запрашиваемое, требуемое к изменению состояние); каузируемая *конвенция*: каузирование в отношении мены экзистенционального состояния, конвенция – в отношении ассумптива со стороны жениха;
- *проецирование* делятива, откладывание "обремененного" положения в будущем в отношении детей (**сговор**, ее проективное состояние);
- *промиссия*, отпускание и "обещанность", "обетование" (отпускание ее своим родовым от себя, ее промиссивное состояние), зияние, с предотвращением возможного нежелательного (незащищенность, открытость, взвешенность положения, отрыв от прежнего без определения к последующему, **после сговора**, и через открытость – возможность омоложения для обшивающих);
- *формирование* – обеспечение безопасного перехода и проецирование состояния материального благополучия (**перед венчанием**);
- *детерминирование* (определение, предопределение, решающая позиция, отсюда возможно то, что потом нельзя изменить, поэтому это и обеспечивающее предохранение состояния, в том числе и физического, и проецирующее одновременно закладывание в отношении желаемого будущего, **венчание** с его фазами в их отнесенности к закладываемым проекциям);
- *эксцессия* (*консекутивный*, следовой, выход, который предполагает увлекающее, сукцессивное, следование, проекцию следа, – в отношении подруг, а затем избегающее, выводящее и отводящее, седуктивное, положение, избегание следа и соответствующая семантика следа, **после венчания**);
- / *конверсия*, невесты и молодой непосредственно не касающаяся (оборачивание, обратное и обратное положение, отсюда доступность, от-

* Лат. *sātūro, āvi, atum, āre* [satur 'сытый, насыщенный'; 'полный'] 'насыщать'; 'наполнять'; 'удовлетворять'.

крытость пространству-времени смерти, нечеловеческому, животному, потустороннему, переходному, *свадебный поезд*) /

- *ингрессия* (обретание, вступление, захватывание, отмеривание, примеривание, *приезд и появление в доме жениха*);
- / *ассерция*, молодой непосредственно не касающаяся (включение, при-
сваивание, осаживание, *свадьба*) /
- *сатурация* (наполнение, исполнение, довершение, полнота, исполнен-
ность, *после свадьбы*).

Из чего получалось бы 8 (из 10) отмечаемых в повериях и приметах позиций: сватовство – сговор – после сговора – перед венчанием – венчание – после венчания – приезд и появление в доме жениха – после свадьбы, что, передавая в значениях, можно представить как парадигму невесты (и молодой), выступающей в роли субъекта мены (*иммутатива*) экзистенциального состояния. Взаимодействия ее как такого субъекта с другими действующими лицами и персонажами видятся следующим образом:

Невеста – сваты (дом невесты) – родные невесты (выйти за жениха) – дети (загадывание на них) – жених (невесте гостинцы, муж любить не будет) – подругам (гостинцы от жениха) – кто помогает обшивать невесту – (для себя – достаток, хозяйство молодых) – те, кто ей в лифчик кладут (к богатству и благополучию) – мать невесты или другая близкая родственница (от чародейства) – незамужняя подруга (той выйти замуж) – муж (его расположение, покорный) – /новобрачная/ все девушки ее деревни (замуж) – близкий или посторонний мужчина (бракосочетание недействительно, жена не будет верна своему мужу и заведет любовников) – отец невесты (легче рожать детей) – тот, кто хочет в этом году жениться – другие (в дом жениха, не допустить войти первыми, чтобы повелевать) – родители жениха (дом) – кто-нибудь, кто бросает ей под ноги старую метлу (для проверки как будущей хозяйки) – все в доме (повелевать)

Жена – муж (неверна) – любовники

Молодая – дети – (для себя, жить богато) – семья жениха (молодого – жить согласно, главенствовать)

Молодуха (чтобы не сохла) – всей семьей – соседям (свадебный хлеб)

Молодая в первую брачную ночь – молодой (узлы жены и ворот) – дети (легко рожать)

Парадигматика жениха в обряде

- Что касается жениха, то его положение выглядит следующим образом:
- *репрезентируемая ассумпция*, получение, приобретение (выступает как субъект, в пользу которого осуществляется каузирование со стороны агентов мены экзистенционального состояния невесты, сватов как его представителей: **сватовство**, как побуждаемое, запрашиваемое, требуемое ими к изменению состояние объекта – невесты; для нее это каузируемая ими *конвенция*: каузирование в отношении мены ее экзистенционального состояния, конвенция – в отношении ассумптива со стороны жениха);
 - / *проецирование* "необремененного" положения невесты (**сговор**, проактивное состояние, жениха не касается) /
 - *декларация ассумптив-консумптива* (выступает агентом подобного объявления, заявления, декларатива, при *промиссии* для невесты с отпусканьем и "обещанностью", "обетованием" ему, **после сговора**);
 - / *формирование* – обеспечение безопасного перехода и проецирование состояния благополучия и достатка (**перед венчанием**, жениха не касается) /
 - *детерминирование* (определение, предопределение, решающая позиция, **венчание**, за исключением воздействующего отношения к другим, подругам, желающим жениться в этом году, остальное подобно невесте);
 - / *эксцессия* (консекутивный, следовый, выход, **после венчания**, жениха не касается) /
 - / *конверсия* (оборачивание, открытость пространству-времени смерти, нечеловеческому, животному, потустороннему, переходному, **свадебный поезд**, собственно жениха не касается) /
 - / *ингрессия* (обретание, вступление, захватывание, отмеривание, примеривание, **приезд и появление в доме жениха**, его самого не касается) /
 - / *ассерция* (включение, присваивание, осаживание, **свадьба**, собственно жениха не касается) /
 - для молодого это *суккурсия* – проецируемое способствование облегчению гравитативного положения в отношении жены (**после свадьбы**).

Из чего получалось бы 4 (из 10) отмечаемых в повериях и приметах позиций: сватовство – после сговора – венчание – после свадьбы, что, так же как и с невестой, передавая в значениях, можно представить как парадигму жениха (молодого), выступающего в этом случае в роли субъекта приобретения (*ассумптива*) экзистенционального парного для себя состояния, укладываемого в последовательность (для ассумпции) репрезентации (сватами жениха) – декларации (консумптива ассумпции) – детерминирования (своего ассумптивного экзистенционального состояния)

в будущем) – суккурсии (проецируемого способствования парно-экзистенциального своего состояния, реализуемого в рождении детей у жены). Поскольку жених (молодой) себя в отношении других, за исключением невесты и затем молодой, в приметах не проявляет, эту сторону, как для него не типичную, следует опустить. Опустим также и парадигмальное и не только парадигмальное положение жениха и невесты (молодого и молодой) как парно-совместного персонажа, что несколько отличалось бы от представления каждого из двоих, однако, поскольку на это внимание ранее обращалось, а подобное рассмотрение, при заслуживающей его обстоятельности, потребовало бы дополнительных уточняющих и усложняющих сопоставлений, решение этой задачи видится как возможное в будущем.

Литература и примечания

¹ Назовем лишь некоторые работы, наиболее известные, как ранние, так и последнего времени, дающие представление о предмете: D. Sorkin: *Wilhelm Von Humboldt: The Theory and Practice of Self-Formation (Bildung), 1791–1810*. „Journal of the History of Ideas”. Vol. 44, No. 1 (Jan.–Mar., 1983), pp. 55–73; В.А. Звегинцев: *О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта*. [В:] *Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию*. Москва 1984, с. 353–363; Г.В. Рамишвили: *Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания*. [В:] *В. фон Гумбольдт: Избранные труды по языкознанию*. Москва 1984, с. 1–22; А.В. Гулыга: *Философская антропология Вильгельма фон Гумбольдта*. [В:] *Язык и философия культуры*. Москва: Прогресс, 1985, с. 7–22; J. Trabant: *Humboldt ou le sens du langage*. Mardaga, 1995; J. Trabant: *Traditions de Humboldt*. Éditions de la Maison des Sciences de l’homme, Paris, 1999; E. Stubb: *Wilhelm Von Humboldt’s Philosophy of Language, Its Sources and Influence*. Edwin Mellen Press, 2002; J. Trabant: *Quand l’Europe oublie Herder: Humboldt et les langues*. „Revue Germanique Internationale”, 2003, 20, pp. 153–165 (mise à jour avril 2005); Д.К. Самин: *Лингвистическая теория Гумбольдта*. [В:] *100 великих научных открытий*. Москва: Вече, 2006; <https://info.wikireading.ru/20061> [дата обращения: 18.08.2020]; J.W. Underhill: *Humboldt, Worldview and Language*. Edinburgh University Press, Edinburgh, 2009; В.П. Даниленко: *Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010; Э. Сепир: *Язык*. Перев. с англ., Москва–Ленинград, 1934; *Selected writings of Edward Sapir in language, culture and personality*. Los Angeles: Berk, 1951; Б.Л. Уорф: *Отношение норм поведения и мышления к языку*. [В:] *Новое в лингвистике*. Вып. 1, Москва 1960, с. 135–168; В.А. Звегинцев: *Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира – Уорфа*. [В:] *Новое в лингвистике*. Вып. 1, Москва 1960, с. 111–134; М. Блэк: *Лингвистическая относительность (Теоретические воззрения Бенджамена Л. Уорфа)*. Перевод с английского Е.С. Кубряковой и В.П. Мурат. [В:] *Новое в лингвистике*. Вып. 1, Москва 1960, с. 199–214; В.Л. Уорф: *Language, thought and reality*. Cambridge (Mass.) 1966; Г.А. Брутян: *Гипотеза Сепира – Уорфа*. Ереван 1968; С.А. Васильев: *Философский анализ гипотезы лингвистической относительности*. Киев 1974; P. Kay, K. Willet: *What is the Sapir–Whorf Hypothesis?* “American Anthropologist”. Т. 86 (1), 1984, pp. 65–79; G. Deutscher: *Through the Language Glass: Why the World Looks Different in Other Languages*. Arrow Books, 2011; С.Ю. Бородй: *Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации*. „Вопросы языкознания”, 2013, № 4, с. 17–54; И.В. Шарарова: *Влияние гипотезы Сепира – Уорфа на развитие мировой лингвистики*. „Современные проблемы науки и образования”, 2015, № 2-1. [В:] <http://>

www.science-education.ru/ru/article/view?id=20285 [дата обращения: 18.08.2020]; С.Ю. Бородай: *Язык и познание: пострелятивистская исследовательская программа*. „Вопросы языкознания”, 2019, № 4, с. 106–136; С.Ю. Бородай: *Язык и познание: введение в пострелятивизм*. Москва: ООО Садра, Языки славянских культур, 2020.

² Все это, что вполне понятно, вопросы не лингвистические, а философские, поэтому, не затрагивая этот предмет и в него не входя, отошлем интересующегося читателя к соответствующим источникам, начиная с основополагающей работы Т.С. Куна, введшего данный термин: T.S. Kuhn: *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press, 1962; а также других авторов, затрагивавших подобные проблемы: В.В. Налимов: *Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности*. Москва: Прометей, 1989; Н.Н. Моисеев: *Человек и Ноосфера*. Москва: Молодая гвардия, 1990; И.В. Дмитриевская, А.Н. Портнов, Г.С. Смирнов: *Проблема системности сознания и ноосферы*. [В:] *Проблемы сознания в отечественной и зарубежной философии XX века*. Иваново 1994, с. 22–26; О.Н. Бушмакина: *Онтология постсовременного мышления*. Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва 1998; К.П. Иванов: *Деятельностная парадигма и проблема сознания*. Дисс. ... канд. филос. наук. Пермь 1998; Г.С. Смирнов: *Ноосферное сознание и ноосферная реальность: философские проблемы ноосферного универсума*. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1998; В.И. Молчанов: *Парадигмы сознания и структуры опыта*. [В:] http://www.ruthenia.ru/logos/personalia/molchanov/01_paradigm.htm [дата обращения: 19.08.2020]; Я.В. Сиверц ван Рейзема: *Философия планетаризма. Планетарный разум цивилизации*. Москва: Фонд «Новое тысячелетие», 2005; Г.С. Смирнов: *Семиософия ноосферного универсума: ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе*. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2008; А.Ю. Евдокимов: *Парадигмы сознания, постмодернизм, личность, свобода*. „Вопросы философии”, 2008, № 1(19), с. 290–291; М.В. Жульков: *Становление биоэнергетической картины мира*. [В:] *Наука в центральной России*. По материалам II-й Международной конференции «Наука в центральной России», апрель 2013, Тамбов 2013, с. 179–183; М.В. Жульков: *Энергии созидания ноосферы*. „Научное обозрение: гуманитарные исследования”, 2014, № 8, с. 144–151; М.В. Жульков: *Энергетические аспекты сознания в философии XX века*. „Философская мысль”, 2016, № 4, с. 15–28. См. также несколько отстоящие от парадигм сознания, но показательные для понимания разбираемого предмета следующие работы В.П. Руднева: В.П. Руднев: *Морфология реальности: Исследование по «философии текста»*. Москва 1996; В.П. Руднев: *Реальность как ошибка*. Москва: Гнозис, 2011; В.П. Руднев: *Новая модель бессознательного*. Москва: Гнозис, 2012; В.П. Руднев: *Новая модель времени*. Москва: Гнозис, 2015; В.П. Руднев: *Новая модель реальности*. Москва: Высшая Школа Экономики, 2016. (Серия «Исследования культуры»).

³ О необходимости разграничения примет и поверий пишут В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова, подчеркивая, что „поверье часто связано с обрядовым действием”, в то время как „примета – с истолкованием события”, показывая также, что поверье может быть трансформировано в примету и наоборот. Примету характеризуют четкость, формульность, лаконичность. Поверье такими признаками не обладает. (В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова: *Лингвистика народной приметы*. Белгород 2008, с. 12). В свою очередь, Е.Е. Завьялова указывает на то, что приметами можно считать только такие единицы, в которых отмечается „соотношение между происходящими помимо человеческой воли явлениями и будущими событиями” [выделено мною – П.Ч.], что, тем самым, предполагает „отсутствие воздействия наблюдающего на объект наблюдения” (Е.Е. Завьялова: *Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации*. [В:] „Проблемы филологии, культурологии и искусствознания”, 2013, № 2, с. 188). Из чего

получалось бы, что единицы, в которых содержится рекомендация, что делать и как поступать, к приметам, по ее мысли, не следовало бы относить. Г.И. Берестнев и Л.Б. Бойко приметы отделяют от того, что они (в связи с последним положением) определяют как предписания народной магии, подчеркивая в качестве дифференцирующего признака примет принципиальную внешнюю событийность (Г.И. Берестнев, Л.Б. Бойко: *Лингвистические критерии разграничения примет и предписаний народной магии*. „Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта”. Серия: Филология, педагогика, психология, 2019, № 2, с. 31–40).

⁴ В этой связи, видимо, применимым было бы понятие возможных миров и семантики возможных миров – области все той же философии и логической семантики. Поскольку это не лингвистическая, точнее не вполне лингвистическая, сфера, но в концептуальном отношении важная, может, не столько для понимания и подхода, сколько ориентированного отношения к разбираемому предмету, отошлем читателя к соответствующим источникам, не вдаваясь в интерпретацию и толкование содержащихся в них положений и понятий, но имея при этом в виду, что речь идет о воображаемом, представляемом, понимаемом, иногда как параллельная форма существования, иногда как также фикция и вымысел – вроде бы плод фантазии, но, с учетом мировоззренческих ориентаций новейшего времени, как нечто имеющее место и реально или смещенно (в своей реальности) существующее: С.А. Крипке: *Семантическое рассмотрение модальной логики*. [В:] *Семантика модальных и интенциональных логик*. Москва 1981, с. 27–40; Я. Хинтиikka: *Логико-эпистемологические исследования*. Москва 1980; Я. Хинтиikka: *Логика в философии – философия логики*. Москва 1980; E. Stenius: *Wittgenstein's Tractatus: A Critical exposition of main lines of thought*. Oxford 1960; J. Woods: *The Logic of fiction*. The Hague 1974; Е.А. Сидоренко: *Семантика возможных миров: от Лейбницевской к Юмовской*. „Логические исследования / Logical Investigations”, 1995, vol. 3, с. 24–37; *Возможные миры и виртуальные реальности*. Институт сновидений и виртуальных реальностей. Серия „Аналитическая философия в культуре XX века”. Исследования по философии современного понимания мира. Выпуск I. Составители В.Я. Друк и В.П. Руднев, Москва 1995; А.П. Бабушкин: *“Возможные миры” в семантическом пространстве языка*. Воронеж 2001; В.Ю. Кузнецов: *Философия языка и непрямая референция*. [В:] *Язык и культура. Факты и ценности*. Москва 2001, с. 217–224; Ж. Вардзешавили: *«Возможные миры» текстуального пространства*. „Санкт-Петербургский государственный университет и Тбилисский государственный университет. Научные труды. Серия: филология”. Выпуск VII, Санкт-Петербург–Тбилиси 2003, с. 37–45.

⁵ См. показательную в этом отношении известную работу В. Тэрнера, определяющую ритуал с позиций способа и формы существования (в первую очередь, важный в этом отношении раздел „Ритуальный процесс”): В. Тэрнер: *Символ и ритуал*. Москва: Наука, 1983.

⁶ О невидимом как о категории в архаической традиции см. У Л. Леви-Брюля: L. Lévy-Bruhl: *Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures*. Paris 1910, p. 336; Л. Леви-Брюль: *Первобытное мышление*. Москва 1930, с. 36–37, 191. А также в таких работах: А.П. Рифтин: *Категория видимого и невидимого в языке*. [В:] *Ученые записки Ленинградского университета*. Серия филол. наук, 1946. Вып. 10, с. 136–152; Вяч. Вс. Иванов: *Категория “видимого – невидимого” в текстах архаических культур*. [В:] *Сборник статей по вторичным моделирующим системам*. Тарту 1973, с. 34–38; Т.В. Цивьян: *Категория видимого / невидимого: балканские маргиналии*. [В:] *Balkanica. Лингвистические исследования*. Москва: Наука, 1979, с. 201–207; Вяч.Вс. Иванов: *Категория «видимого» и «невидимого» в тексте: Еще раз о восточнославянских фольклорных параллелях к гоголевскому «Вию»*. [В:] Вяч.Вс. Иванов: *Избранные труды по*

семиотике и истории культуры. Т. II. Статьи о русской литературе. Москва: Языки славянских культур, 2000, с. 78–104; А.А. Плотникова: «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы и балканских славян. [В:] *Признаковое пространство культуры*. Отв. ред. С.М. Толстая. Москва: Индрик, 2002, с. 128–154; С.Ю. Неклюдов, Е.С. Новик: *Невидимый и нежеланный гость*. [В:] *Исследования по лингвистике и семиотике. Сборник статей к юбилею Вяч. Вс. Иванова*. Отв. ред. Т.М. Николаева. Москва: Языки славянских культур, 2010, с. 394–407.

⁷ См. для примера следующие работы: Л.А. Закс: *Художественное сознание*. Свердловск 1990; В.В. Карих: *Художественное мышление как феноменологическая категория*. „Азимут научных исследований: педагогика и психология”. 2017. Т. 6, № 1(18), с. 248–251; К.К. Григорян: *Некоторые особенности процесса образного мышления*. Дис. ... канд. психол. наук. Владимир 1971; Л.М. Клыгин: *Структура образного мышления*. Дис. ... канд. психол. наук. Владимир 1971; А.Н. Васильева: *Художественная речь*. Москва 1983; Л.А. Петрова: *Художественное мышление – художественная картина мира*. [В:] <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/36727/05-Petrova.pdf?sequence=1> [дата обращения: 20.08.2020]. А также в применении к языку и его семантике: А.И. Федоров: *Семантическая основа образных средств языка*. Новосибирск 1969; О.Г. Почепцов: *Языковая ментальность: Способ представления мира*. „Вопросы языкознания”, 1990, № 6, с. 110–122.

⁸ Говоря о различии примет и поверий (возвращаясь к вопросу), В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова, наряду с целым рядом других различающих и не различающих признаков, отмечают, в частности, следующее: „Приметы и поверья часто выступают как синонимы, но применительно к погоде говорят часто о приметах. В отношении бытовых примет различие примет и поверий более тонкое: поверье содержит некоторую размытость и ситуации (*если – то*), и прогноза. Примета касается более определенных, более однозначных фактов. Сама внутренняя форма подсказывает и определяет употребление слов: примета от «примечать», здесь есть презумпция объективности, тогда как поверье от «поверить»». (В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова: *Лингвистика народной приметы...*, с. 15). Различие, скажем так, весьма относительное и субъективное, презумпция объективности не срабатывает. В то, что "примечено", можно поверить и, как правило, верится по традиции, один поверит, а другой не поверит. В свою очередь, то, во что верится (поверится), может быть также примечено, и когда-то было примечено, один приметит, а другой не приметит. Подобный критерий отличия, опираясь на вид восприятия, не убеждает. Так же как трудно представить более или менее ясно, чем отличается некоторая размытость ситуации и прогноза от более определенных и однозначных фактов. Одному покажется нечто размытым, а другому то же определенным и однозначным. Не в этом, видимо, все же суть. Более четким и ясным для представления о приметах видится следующее лаконичное и вместе с тем емкое положение: „мы определяем примету как истолкование некой ситуации (реальной или увиденной во сне), которое используется носителями традиции для построения своего поведения. Иными словами, примета есть некий знак, интерпретация которого моделирует поведение человека” [выделено мною – П.Ч.]. (О.Б. Христофорова: *К вопросу о структуре приметы*. [В:] *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. <http://www.ruthenia.ru/folklore/hristoforova2.htm> [дата обращения: 30.12.2019]). Подобного положения стоит придерживаться. Говоря о *приметном* в связи с *примечать*, но не только, мы будем вкладывать в это не прямо следующий из значения производного слова смысл. Это способ особого восприятия и вместе с тем способ существования, особого отношения к миру и своему окружению, о чем, собственно, и пойдет далее речь.

⁹ Об этом пишут многие исследователи изучаемого материала, в том числе говоря о семантике предсказаний и прогнозирования, при том, что понимается и интерпретируется данное представление достаточно широко, касаясь вопроса об ассоциативности, о наличии связи, о выводе на основе имеющихся знаний либо увиденного, о соотношении увиденного и его интерпретации, или толкования, о том, что объективно, что ожидается и далее определяется как субъективное. В любом из этих случаев, что, впрочем, объяснения не требует, отмечается как неперемный признак двукомпонентность, или бинарность. См., для примера, хотя бы такое положение: „Базовые логические модели примет и магических предписаний внешне выглядят одинаково и имеют вид $A \sim B$, где A – некое исходное событие в действительности, B – второе событие, а знак \sim представляет связь между ними”. (Г.И. Берестнев, Л.Б. Бойко: *Лингвистические критерии разграничения...*, с. 33). А также: „При любой формальной репрезентации народные приметы представляют собой бинаминативную семантическую структуру. В ней выражаются две пропозиции, или две ситуации, из которых одна поставлена в зависимость от другой. Наряду с двумя предикативными частями с диктумной семантикой в содержательной структуре примет просматривается имплицитный компонент, реализующий ментально-побудительный модус. Он опирается на установленную субъектом закономерную взаимосвязь двух одновременно или последовательно совершающихся событий”. (Н.Н. Фаттахова: *Народные приметы в семантико-прагматическом пространстве русского языка*. [В:] https://kpfu.ru/staff_files/F2001814097/NARODNYE.PRIMETY.V.SEMANTIKO.pdf [дата обращения: 25.12.2019]). Или такое весьма интересное и показательное замечание: „Знаки улавливают абстрактную форму состояний человека и являются мостом, связующим мир духа и мир форм. Они также раскрывают связи, существующие между, казалось бы, совершенно разрозненными объектами, отражают наши чувства и изобличают страхи”. (Д. Линн: *Указатели, знаки, знамена. Вслушайтесь в шепот Вселенной*. Киев–Москва–Санкт-Петербург: София, 2007, с. 4). См. также затрагивающие под разными углами указанное удвоенное представление такие не всегда сводящиеся вместе с тем к единому работы последнего десятилетия: М.А. Кулькова: *к вопросу о когнитивно-смысловой организации народной приметы*. „Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета”, 2011, № 1 (23), с. 155–161; Н.А. Агапова: *Ключевое слово народной приметы: статус, свойства, специфика (лингвокультурологический аспект)*. „Вестник Томского государственного университета. Филология”, № 365, декабрь 2012, с. 7–10; М.А. Евстафьева, А.А. Цветкова: *Семантические инварианты пророческих сновидений и народных примет*. „Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта”. Серия: Филология, педагогика, психология, 2019, № 3, с. 55–64; Л.В. Попова: *Средства выражения семантики предсказания в русском языке (на материале пословиц)*. „Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология”, № 2, 2011, с. 84–89; В.И. Карасик: *Предсказание как речевой жанр*. „Жанры речи”, 2018, № 1(17), с. 39–47; А.А. Лазарева: *Пространство пророческих сновидений: семиотизация образа действительности*. „Антропологический форум”, 2018, № 39, с. 87–117; Е.Е. Витяев: *Семантический вероятностный вывод предсказаний*. „Известия Иркутского государственного университета. Серия: Математика”, 2017, т. 21, с. 33–50 (Онлайн-доступ к журналу: <http://mathizv.isu.ru>).

¹⁰ О символике и семантике цветов, с определением красного, белого и черного как основной триады, а также в сопоставляемых и противопоставляемых парах красного и белого, белого и черного, применительно к традиционным представлениям, их отношению к культуре, существующая литература, помимо энциклопедической, подразделяется по интересам искусствоведческого, культурологического (точнее было бы сказать, культуроведческого), этнографического, филологического (лингвистическо-

го и литературоведческого), психологического, антропологического и пр. характера. Явление понятное и объяснимое, поскольку значимое для понимания важных сторон представлений человека о себе и окружающем. Не вдаваясь в подробности и уточнения сложившихся и в целом более или менее известных положений символики и семантики цветов обозначим в предлагаемом списке некоторые из существующих направлений и подходов: В.У. Тэрнер: *Проблема цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала Ндембу)*. [В:] *Семиотика и искусствознание*. Под ред. Ю.М. Лотмана. Москва: Наука, 1972, с. 50–81; О.В. Новикова, Нудевица Кем: *Символика красного цвета в языковой картине мира африканских и восточнославянских народов*. „Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Лингвокультурология” 2011, № 7, с. 51–57; Е.Л. Максимова: *Черный. Красный. Белый. Россия. Век XX*. „Вестник университета Российской академии образования”, 2006, № 2, с. 96–104; В.В. Немыкин: *Символика цвета*. „Вестник Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова”, № 1-2, 2010, с. 47–49; Р.М. Фрумкина: *Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа*. Москва: Наука, 1984; А.М. Эткин: *Цветовой тест отношений*. [В:] *Общая психодиагностика*. Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. Москва: Изд-во Московского университета, 1987, с. 221–227; М.А. Болотина, Е.А. Шабашева: *Символика цвета в русском и английском языках*. „Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта”, 2011, вып. 2, с. 7–12; Л.Н. Миронова: *Цветоведение*. Минск 1984; Е.Е. Левкиевская: *«Белая свитка» и «красная свитка» в «Сорочинский ярмарке» Н.В. Гоголя*. [В:] *Признаковое пространство культуры*. Отв. ред. С.М. Толстая. Москва: Индрик, 2002, с. 400–412; Н.В. Злыднева: *Белый цвет в русской культуре XX века*. [В:] *Признаковое пространство культуры*. Отв. ред. С.М. Толстая. Москва: Индрик, 2002, с. 424–431; А.В. Подосинов: *Цветовая символика стран света*. [В:] А.В. Подосинов: *Ex Oriente Lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии*. Москва: Языки русской культуры, 1999, с. 530–536; Ш.С. Турунбаева: *Магия цвета у первобытных народов*. „Мир науки, культуры, образования”, № 4 (29), 2011, с. 133–137; Н.В. Серов: *Цвет культуры*. Санкт-Петербург: Речь, 2004; Д.В. Васильева: *Значение цветовой триады в первобытных культурах Африки и Мезоамерики*. „Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки”, 2017, № 1 (13), с. 165–169; Т.Н. Тропина: *Символизм цвета в древнейших культурах*. „Современные тенденции изобразительного, декоративного прикладного искусств и дизайна”, 2017, № 1, с. 29–32; Д.А. Бакеева: *Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап*. „Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики”, Тамбов: Грамота, 2012, № 6 (20), ч. II, с. 30–33; *Символика цвета*. <http://www.symbolizm.ru/index.php/color/237-colorsymbolizm> [дата обращения: 22.08.2020]; Вяч. Вс. Иванов: *Цветовая символика в географических названиях в свете данных типологии (К названию Белоруссии)*. [В:] *Балто-славянские исследования 1980*. Москва: Наука, 1981, с. 163–176; Л. Раденкович: *Символика цвета в славянских заговорах*. [В:] *Славянский и балканский фольклор*. Москва: Наука, 1989, с. 122–148. О белом и красном цвете при обозначении ранга жрецов в древнеиндийской традиции (применительно к традиционным представлениям в ритуале и культуре) см.: Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Вс. Иванов: *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси 1984, т. 2, с. 788. О белом и красном цвете для славян см., в частности, соответствующие словарные статьи в кн.: *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под редакцией Н.И. Толстого*. Москва: Международные отношения, т. 1 (1995), с. 151–154, т. 2 (1999), с. 647–651. Авторы статей – Н.И. Толстой (о белом) и О.В. Белова (о красном).

¹¹ В.К. Харченко и Е.Е. Тонкова, впрочем не очень удачно, определяют это понятие *эллипсис*, выделяя „три системные особенности синтаксического строения примет: (1) эллипсис как ядерная модель языкового приметооформления, (2) синтаксический параллелизм, «удваивающий информацию» при минимуме средств, и (3) тяга примет к обще- и частно-отрицательным конструкциям”. И отмечают далее: „Итак, практически любая примета – это торжество эллипсиса, причем обычно одной, наиболее общей модели: Что-либо – к чему-либо”. (В.К. Харченко, Е.Е. Тонкова: *Лингвистика народной приметы...*, с. 57). Характеристика, не слишком вяжущаяся с фольклорными представлениями, навязывая им то, что им изначально не свойственно, и оформляя традиционность с ее особенностями современными когнитивными средствами, в том числе также и стилистическими, что в целом типично для данной работы.

¹² В широком смысле это применимо также к современности, что многими исследователями вслед за Р. Бартом определяется как миф, представляя его как инструмент идеологии, способ и средство социальной коммуникации и с ней воздействия на сознание и отождествляя миф со словом, если шире – знаком: „поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет его сообщения, а способ, которым оно высказывается; у мифа имеются формальные границы, но нет субстанциальных ... Любой предмет этого мира может из замкнуто-немого существования перейти в речевое состояние, открыться для усвоения обществом ... Дерево – это Дерево. Да, конечно. Но дерево в устах Мину Друэ – это уже не просто дерево, это дерево приукрашенное, приспособленное к определенному способу восприятия, нагруженное положительными и отрицательными литературными реакциями, образами, одним словом, к его чистой материальности прибавляется определенное социальное применение”. (Р. Барт: *Миф сегодня*. [В:] Р. Барт: *Мифологии*. Москва: Издательство М. и С. Сабашниковых, 2004, с. 212). Литература по данному вопросу разнообразна и обширна, в приводимом списке дадим лишь некоторые источники последних десятилетий: П.С. Гуревич: *Социальная мифология*. Москва: Мысль, 1983; А.В. Чернышов: *Современная советская мифология*. Тверь 1992; Карл Густав Юнг *о современных мифах*. Москва: Практика, 1994; К. Хюбнер: *Истина мифа*. Перев. с нем. Москва: Республика, 1996; Е.М. Мелетинский: *Миф и двадцатый век*. [В:] Е.М. Мелетинский: *Избранные статьи. Воспоминания*. Москва, 1998, с. 419–429; А.Л. Топорков: *Мифы и мифология в современной России*. „Неприкосновенный запас”, 1999, № 6 (8). <https://magazines.gorky.media/nz/1999/6/mify-i-mifologiya-v-sovremennoj-rossii.html> [дата обращения: 23.08.2020]. А.Л. Топорков: *Мифы и мифология XX века: традиции и восприятие*. [В:] *Человек и общество: поиски, проблемы и решения*. 1999 / Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. <http://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> [дата обращения: 23.08.2020]; С.И. Рыжакова: *Dievturiba. Латвийское неоязычество и истоки национализма*. Москва 1999 (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Институт этнологии и антропологии РАН. Документ № 121); С.Ю. Неклюдов: *Структура и функция мифа*. [В:] *Мифы и мифология в современной России*. Под ред. К. Аймермахера, Ф. Бомсдорфа, Г.А. Бордюгова. Москва: АИРО-XX, 2000, с. 17–38; К.А. Богданов: *Повседневность и мифология*. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2001; Ю.В. Шатин: *Политический миф и его художественная деконструкция*. „Критика и семиотика”, вып. 6, Новосибирск: НГУ, 2003, с. 67–78; В.М. Найдыш: *Философия мифологии. XIX – начало XXI в.* Москва: Альфа-М, 2004; *Современная российская мифология*. Сост. М.В. Ахметова. Москва: РГГУ, 2005; П.Н. Барышников: *Мифология современности*. „Вестник Российского университета дружбы народов”, 2006, № 1, с. 182–189; С.В. Тихонова: *Социальная мифология в коммуникационном пространстве современного общества*. Дис. ... д-ра филос. наук,

Саратов 2009; И.А. Каирова: *Социальные мифы современного российского общества: основные направления и результаты исследования*. „Вестник Донского государственного технического университета”, 2011, т. 11, № 8(59), вып. 2, с. 1504–1512; В.А. Шнирельман: *Арийский миф в современном мире*. В 2 томах, Москва: Новое литературное обозрение, 2015 (Библиотека журнала „Неприкосновенный запас”).

¹³ В.П. Аникин: *Русский фольклор*. Москва: Высшая школа, 1987, с. 206.

¹⁴ Не расписываясь в данном предмете, поскольку это не входило в поставленную задачу, отошлем читателя к двум монографиям, в которых со строго научной (первая книга) позиции и в популярном ключе (вторая) дается достаточно ясное и полное представление о сглазе и порче: Е.Е. Левкиевская: *Славянский оберег. Семантика и структура*. Москва: Индрик, 2002; Е.Е. Гольцман: *Дурной глаз и порча*. Москва: ТЕРРА, 1996. Энциклопедические сведения можно получить в соответствующих достаточно многочисленных источниках, среди которых, в частности: Р.Т. Кэрролл: *Энциклопедия заблуждений: собрание невероятных фактов, удивительных открытий и опасных поверий*. (Статьи Сглаз и Снятие порчи). Москва: Издательский дом «Вильямс», 2005; В.Ф. Райан: *Дурной глаз*. [В:] *Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России*. Москва: Новое литературное обозрение, 2006, с. 59–62, 99–100; Н.Ф. Сумцов: *Сглаз* [В:] *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. (82 т. и 4 доп.)*. Санкт-Петербург 1890–1907. См. также обстоятельные словарные статьи Е.Е. Левкиевской *Порча* и *Сглаз* в книге: *Славянские древности...*, т. 4 (2009 г.), с. 178–183 и 597–602 и статью Т.В. Цивьян не на славянском материале, однако дающую понятие о предмете, который, в известном смысле, может считать универсальным: Т.В. Цивьян: *Защита от дурного глаза: пример из албанской традиции*. [В:] *Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор*. Москва: Наука, 1993, с. 164–169.

¹⁵ О ритуальном и магическом значении обуви, в том числе, что натурально, также башмака см. статью *Обувь* Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой в *Славянских древностях...*, т. 3 (2004 г.), с. 475–479. В интересующем нас отношении здесь, в частности, отмечается следующее: „Ритуалы с О. В составе свадебного обряда, известные всем славянам, имеют двойной смысл: они служат способом и символом приобщения «чужого» (невесты) к «своему» (роду, дому жениха) и вместе с тем заключают в себе брачную и эротическую символику” (с. 476). Об эротической символике ноги и башмака можно найти обстоятельные сведения в работе: Aigremont: *Fuß und Schuh-Symbolik und -Erotik. Folkloristische und sexualwissenschaftliche Untersuchungen*. Fotomechanischer Nachdruck der Ausgaben von 1908 bzw. 1909, Darmstadt: G. Bläschke Verlag, 1970.

¹⁶ В интересующем нас отношении следует отметить замечание в *Славянских древностях* о том, что лен „растение, наделяемое преимущественно апотропейными свойствами, широко используется в календарных и семейных обрядах ... связан с «тем светом»; умирая как растение, возрождается ... выступает в роли посредника между миром людей и миром демонов” (т. 3 (2004 г.), с. 91, автор статьи В.В. Усачева). А также, в отношении семени: „Использование С. в качестве оберега основано на магии множественности. ... освященное льняное С. спасало от ведьмы (о.-слав.), от нечистой силы (полес.). Рассеяв С. при входе в новый дом невеста тем самым выгоняла из него злых духов и ведьм (моравско-словацкое пограничье)” (т. 4 (2009 г.), с. 618, автор статьи В.В. Усачева).

¹⁷ Приведем такое объяснение из не раз уже цитировавшегося источника: „НОГА, ноги – одна из наиболее мифологизированных частей тела; символизирует движение (хождение) и путь; получает мифологическое осмысление в силу своей причастности к материально-телесному низу человека и хтонической сфере; как пограничная часть тела наделяется функцией медиатора. Реалии, смежные с Н. (см. След, Обувь), выступают как метонимическая замена человека или другого существа”. (*Славянские древности...*, т. 3

(2004 г.), с. 422, авторы статьи Т.А. Агапкина и Л.Н. Виноградова Там же отмечается связь ног, в особенности стоп, через контакт с землей, с возможностью проникновения нечистой силы и болезней, а также способность стимулирования плодородия (через хождение, поднимание ног), подчеркивая их эротическую и продуцирующую символику. С этим, в двойственности, через защиту-ограждение и одновременно продуцирование, видимо, и связано предупреждение для невесты войти в телегу прыжком, не становясь на колесо (и тележную лавочку) ногами, так же как предписание отцу невесты с подставлением ноги. См. также в книге: Aigremont: *Fuß und Schuh-Symbolik...*

¹⁸ Змеиная чешуя, а также голова змеи, общеизвестный и распространенный в русской народной традиции апотропей. Об этом пишет, в частности, В.И. Дынин в статье, посвященной животным, которым приписываются свойства оберега, приводя в качестве примера именно рассматриваемый случай: „В русской народной культуре широко применение в качестве апотропейского средства находила выползина *змеи*, в частности *ужа (Natrix natrix)*. Такую «змеиную чешую», найденную в лесу и засушенную, «захватывали с собой секретно» молодые, отправляясь в церковь; она предохраняла «от всякой порчи» ... Ужовую выползину также привязывали к шейному кресту и носили «от лихорадки»». (В.И. Дынин: *Животные-апотропеи в русской народной традиции*. „Берегиня.777.Сова”, 2013, № 1(16), с. 67).

¹⁹ О семантике обуви, ноги в свадебном обряде, в том числе и в эротическом проявлении, см. сноску 17. К этому можно также добавить представление о ноге в ее отношении к воле, особенностям проявления, а также наличию и отсутствию человека, находящие в языке свое отражение в устойчивых оборотах, таких, как *встать не с той / с левой ноги, левой ногой* (что-либо делать), *ноги моей здесь не будет, встать (поставить кого-л.) на ноги, здесь не ступала нога человека, ходить своими ногами, влезть куда-либо с (грязными) ногами, затоптать (кого, что) ногами, расставить ноги, почувствовать землю у себя под ногами, земля ушла из-под ног, ноги подкосились, крепко / прочно стоять (на земле) / ступать по земле ногами*.

²⁰ Назовем лишь некоторые, наиболее показательные применительно к пониманию дома в народной традиции, работы: Т.В. Цивьян: «Дом» в фольклорной модели мира (на материале балканских загадок). „Труды по знаковым системам 10”, Тарту: Тартуский государственный университет, 1978, с. 65–85; А.К. Байбурун: *Жилище в обрядах и представлениях восточных славян*. Ленинград 1983; изд. 2-е, испр., Москва: Языки славянской культуры, 2005; Т.В. Цивьян: *Архетипический образ дома в народном сознании*. „Живая старина”, 2000, № 2 (26), с. 2–4.

²¹ О связи мертвых с осадками в народных представлениях, на примере так называемых заложных покойников, умерших не своей смертью, впервые упоминает Д.К. Зеленин, приводя такое поверье: во время засухи „надо непременно найти опойца, которого не принимает земля, поэтому его надо вырыть из земли и кинуть в болото, чтобы пошёл дождь”. (Д.К. Зеленин: *Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественною смертью и русалки*. Москва: Индрик, 1995, с. 236). Умершие не своей смертью, безусловно, не свои покойники и тем более не предки, однако связь тех и других с осадками несомненно существует. Не будем, однако, входить в этот предмет, требующий подробных рассуждений. См. о заложных и не только заложных следующие работы: Л.Н. Виноградова: *Заложные покойники*. [В:] *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Москва: Эллис Лак, 1995, с. 186–188; Е.Е. Левкиевская: *Покойник «заложный»*. [В:] *Славянские древности...*, т. 4 (2009), с. 118–124; С.Ю. Королёва, Е.М. Четина: *Ещё раз о «заложных» умерших: народные и церковные поминальные традиции*. [В:] *Зеленинские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции (Киров, 12 ноября 2013 года)*. Киров 2013, с. 67–73;

А.А. Панченко: *Мертвецы: «добрые», «злые» и непонятно какие*. „Отечественные записки”, 2013, № 5 (56). [В:] <https://magazines.gorky.media/oz/2013/5/mertveczy-dobrye-zlye-i-peropuyatno-kakie.html> [дата обращения: 25.08.2020]; А.Н. Соболев: *Загробный мир по древнерусским представлениям*. Сергиев Посад: Издание книжного магазина М.С. Елова, 1913.

Piotr Czerwiński

Po drugiej stronie lustra **Świat przedmiotów we wróżbach i podaniach** **(Obrzędy ślubne)**

Streszczenie

W niniejszej książce na materiale ludowych wróżb i podań określone i opisywane są wyobrażenia człowieka o otaczającej rzeczywistości. Owe wyobrażenia są właściwe dla świadomości przedstawicieli rosyjskiej tradycji mentalnej. Za jej cechę charakterystyczną można uznać stosunek człowieka do świata zewnętrznego i nie tylko zewnętrznego, zgodnie z którym zakłada się możliwość ich wzajemnej interakcji i ingerencji. Istota tej interakcji i ingerencji polega na zdolności człowieka do wpływania na otaczający świat poprzez określone niebezpośrednie czyny oraz działania i odwrotnie – oddziaływanie istniejących, nie zawsze widocznych sił na człowieka, jego stan, życie i istnienie.

Konsekwencją takiego założenia i przyczyną jednocześnie jest sposób, w jaki świat odbija się w świadomości człowieka. W świadomości kształtującej ów świat zostaje on odzwierciedlony nie bezpośrednio, lecz poprzez takie o nim wyobrażenia, które już na wstępie czynią jego obraz zgoła odmiennym. I nie są to filtry, którymi zwykle się podobne zjawiska tłumaczyć, lecz to, co można przedstawić jako coś dodatkowego, co kształtuje się i rozwija na podstawie wspomnianego wyżej stosunku.

Odzwierciedlona rzeczywistość, charakterystyczna dla podań i wróżb – z jednej strony – istnieje i przejawia się jako jedyna, a nie dopełniająca coś innego i możliwego paralela. Z drugiej zaś – rzeczywistość podsuwa świadomości taki swój obraz, w którym będą obecne zjawiska, działania, przedmioty i inne elementy, zarówno sterujące zachowaniem człowieka, jak i przez człowieka sterowane. Zmiana takiego wyobrażenia rodzi dla człowieka konieczność nie tyle dostrzegania tego, co go otacza, i podejmowania na tej podstawie właściwych działań, lecz właśnie umiejętności odpowiedniego zachowania bez dostrzegalnych i odczuwalnych bodźców ze świata zewnętrznego. Ta umiejętność w konsekwencji daje człowiekowi możliwość uniknięcia niepożądanych skutków lub osiągnięcia upragnionego celu. W konsekwencji obiektywnie istniejąca rzeczywistość staje się w świadomości rzeczywistością oczekiwaną, życzeniową, optatyczną. Innymi słowy, staje się rzeczywistością subiektywną, odpowiadającą pozycji, jaką człowiek w niej zajmuje.

Wspomniany krąg wyobrażeń, oddziałujący na człowieka dwukierunkowo – to, co go otacza wraz z wytworzonymi przez niego przedmiotami (artefaktami), i to, za pośrednictwem czego może zmienić na korzyść swoją sytuację, jak i uniknąć nieporządanych skutków – stanowi krąg wyobrażeń naturalnie powiązanych z tym, co zewnętrzne i materialne, jak i z tym, co wynika z ludzkiego życia i określa jego istnienie oraz byt. To ostatnie znajduje odbicie między innymi w obrzędzie, którym są omawiane tu zaślubiny wraz z charakterystycznymi dla zaślubin poszczególnymi etapami, jak również nieodłącznymi uczestnikami, przypisanymi im czynnościami wykonywanymi przy użyciu nie tylko niezbędnych, lecz także mających pewną sprawczą celowość przedmiotów.

Przedmioty wykorzystywane podczas obrzędu i włączane do cyklu ślubnego na różnych jego etapach w sposób nieunikniony powinny otrzymywać (i otrzymują) właściwości warun-

kujące osiągnięcie pożądanego celu. Może to być tworzenie, wywoływanie, stymulacja tego, co postrzegane jest jako pożądané i dobre, jak również zapobieganie i ochrona przed tym, czego należy uniknąć. Nie będąc ani jednym, ani drugim, przedmioty, a dokładniej rzeczy (w gramatycznym sensie słowa), zostają włączone do obrzędu przez aktantów obserwowanej sytuacji i stają się znakami oraz ostrzeżeniami. Są ostrzeżeniami nie przed tym, co istnieje i daje o sobie znać, lecz przed tym, co można i należy wyczytać na podstawie posiadanej wiedzy o danym zjawisku czy świecie w ogóle, a także dostrzec, zrozumieć, wyciągnąć wnioski i w odpowiedni sposób zinterpretować – w niezbędny dla człowieka, jego sytuacji i stanu sposób, aby wiedzieć, jak postępować. Na tej podstawie podania i wróżby poprzez odzwierciedlony w nich świat przedmiotów mają charakter akcjonalno- lub tylko przedmiotowo-podtrzymujący (bez akcjonalności), czemuś sprzyjający, przed czymś chroniący, coś wywołujący. W zależności od etapu obrzędu ślubnego owe przedmioty jak i wykonywane za ich pomocą czynności, włączając uczestników, otrzymują różne określenia, i z semantycznego punktu widzenia mogą być opisywane i charakteryzowane w różny sposób. Postacią centralną cyklu ślubnego, w całym jego konsekwentnie rozwijającym się całokształcie, w świecie podań i wróżb jest naręczona. Poczynając od swatów, a następnie w takich etapach, jak zaręczyny, stan po zaręczynach, następnie przed ślubem, podczas ślubu, po nim, włączając przyjazd do domu pana młodego, z wyjątkiem samego wesela, podróż w weselnym orszaku do cerkwi i z powrotem, czynności po weselu – naręczona, a poślubie panna młoda jest obiektem najróżniejszych oddziaływań, obiektem podatnym na wpływy, który z jednej strony należy chronić, a z drugiej – stymulować, wywoływać to, co w danej chwili – jest niezbędne. Jednocześnie w całym szeregu podań i wróżb występuje ona jako obiekt aktywnie działający, od którego zachowań i różnych czynności z użyciem przedmiotów zależy zarówno jej, jak i późniejsze wraz z mężem egzystencjalne położenie. Naręczony, a w konsekwencji pan młody, takiej zdolności nie posiada, jego rola w różnych etapach obrzędu jest pasywna i przejawia się w mniejszej liczbie owych etapów. Najczęściej występuje on jako obiekt czekających go w przyszłości stanów, wróżonych z przedmiotów i samych jego zachowań.

W niniejszej książce wszystkie opisane w materiale badawczym i wzajemnie oddziałujące na siebie elementy są opisywane z punktu widzenia właściwej dla danej dziedziny paradygmatyki, natomiast same podania i wróżby są opisywane i określane jako wykładniki stojących za nimi jednostek semantycznych, w swych założeniach konceptualnych. Jednostki te, opisywane z perspektywy relewantnych i powtarzających się wykładników semantycznych, stają się jednocześnie obiektem nie tylko paradygmatycznego, lecz także wielostronnego opisu typologicznego. W związku z tym nakreślanych jest kilka typologii, mogących dać wyobrażenie o tej semantyce i jej strukturze, która jest charakterystyczna dla świata przedmiotów we wróżbach i podaniach, odnoszących się do cyklu weselnego i przejawiających się w nim.

Piotr Czerwiński

Through the Looking Glass
The World of Objects in Predictions and Tales
(The wedding rites)

Summary

The special feature of the present book is the presentation of man's imaginations of the reality which surrounds him based upon folk divinations and tales. Those imaginations are typical for the awareness of the representatives of the Russian mental tradition, the most important feature of which is the attitude of man towards the outer world. This attitude implies the vice versa reaction i.e. man influences the outer world and this world influences man. The essence of this interaction and interference is man's ability to influence the world that surrounds him by the specific indirect actions and vice versa – the influence of some invisible power on man – his condition, life and existence.

The consequence of such an assumption and the reason is the way the world is reflected in man's awareness. The awareness which shapes this world is reflected via the images which from the start make its vision totally different. These are not the filters which usually explain these phenomena but it is something else that is shaped by the above relations.

The reflected reality typical for predictions and tales is in existence and is manifested on the one hand as the only element, but also the only parallel. On the other hand, the reality gives its image to the awareness. This image is made up of phenomena, actions and objects which control man's behaviour and those which are controlled. The change of such an image makes it necessary for man to notice the world that surrounds him and thus force him to take proper actions as well as to behave properly without the perceptible stimuli from the outer world. Finally, this ability makes it possible for man to reach his goal. Then the objectively existing reality becomes in consciousness a reality that is expected, wishful and optative. In fact, it is the subjective reality right for man to be in.

The circle of images mentioned above has a bidirectional influence on man and it is closely bound with the outer and material world and all other elements are the part of man's life and existence. There is also an extra element concerning man's artefacts which makes it possible for man to change this life and avoid the undesirable results of his actions. All these elements are reflected in the wedding ceremony and its typical stages as well as the participants, the actions they take with the use of the necessary objects having some causative functionality.

The objects used during a wedding rite and being a part of the ceremony at its various stages should get special properties to obtain the desirable effect. This may be creating, causing, stimulation of what is noticed as desirable and good and protecting from what is undesirable. Sometimes those desirable and undesirable elements are included in the rite by the actants of a particular situation and so these elements become signs and warnings. They do not warn against the things (in the grammatical sense of this word) in existence and those things which are familiar to man i.e. the world around him. Thus the man should come to the specific conclusions and explain them. This explanation should help to understand the way man should behave. Thus these predictions are of actional or object-upholding (without

actionality) character i.e. they are of causative and protective features. The objects in the actions taken during a ceremony as well as the participants get various expressions from the semantic point of view and so they can be described in various ways. The main character of the wedding cycle in the general sense of the event is the bride-to-be. The story begins with matchmaking, then there is the engagement and the later events, the wedding, the time afterwards, arrival at the bridegroom's house, except for the wedding party itself, the wedding cortège to an orthodox church and back. The fiancée and then the bride is influenced by various actions and is also prone to a lot of impacts. The bride on the one hand should be protected from such impacts, and on the other hand, she should be stimulated by factors which seem proper for the time being. In many tales and divinations it is she (i.e. at first fiancée and then the wife) who shapes the mutual life. Her actions and objects she uses influence the couple's everyday existence. The fiancé who soon becomes bridegroom is a less important part as his role in the rite is rather passive. The husband is considered as the element of the divinations.

The additional feature of the book is the description of the research material from the point of view of the relevant paradigm, and divinations and tales are described as the exponents of semantic units in the conceptual assumptions. These units are described from the relevant perspectives of semantic units and at the same time they become the object not only of paradigmatic but also multilateral typological description. Therefore, there are some typologies which may bring an image of semantics and its structure. These two elements (i.e. semantics and the structure) are typical for the world of objects in divinations and tales in the wedding cycle and they are important parts of the cycle.

Przygotowanie maszynopisu gwarantowanego
Olga Nowak

Projekt okładki
Magdalena Pache


Redakcja techniczna
Małgorzata Pleśniar

Łamanie
Edward Wilk

Redaktor inicjujący
Przemysław Pieniążek

Wersją referencyjną publikacji jest
wersja elektroniczna
Publikacja na licencji Creative Commons
Uznanie autorstwa-Na tych samych warunkach
4.0 Międzynarodowe (CC BY-SA 4.0)



 <https://orcid.org/0000-0001-6575-5736>
Czerwiński, Piotr
Zazerkaľe : predmetnyj mir primet i poverij
(svadebnjy cikl) / Pëtr Červinskij. - Katowice :
Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020

<https://doi.org/10.31261/PN.4031>

ISBN 978-83-226-4032-6
(wersja elektroniczna)

Wydawca
Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego
ul. Bankowa 12B, 40-007 Katowice
www.wydawnictwo.us.edu.pl
e-mail: wydawnictwo@us.edu.pl

Wydanie I. Liczba arkuszy drukarskich: 16,0. Liczba arkuszy wydawniczych: 18,0. PN 4031.

Egzemplarz bezpłatny

ISBN 978-83-226-4032-6



9 788322 640326

Więcej o książce

